

ISSN 2712-9454

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОИСК

Том 5 № 3
2024

Научный журнал

Основан в марте 2020 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Заместитель главного редактора

Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии

Н.М. Арсентьев, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Саранск)

И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

П. Верт, доктор наук (PhD), профессор (США, Лас-Вегас)

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук, профессор (Россия, Казань)

А.Г. Иванов, доктор исторических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)

Л.А. Королева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Пенза)

Г.А. Куршева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Саранск)

Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Ю.Н. Смирнов, доктор исторических наук, профессор (Россия, Самара)

В.И. Соколова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

С.В. Стариков, доктор исторических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

О.А. Сухова, доктор исторических наук, профессор (Россия, Пенза)

А.А. Халин, доктор исторических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

А.А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Л.А. Шайпак, доктор исторических наук, профессор (Россия, Ульяновск)

А.А. Шевцова, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, в базу данных Научной электронной библиотеки (elibrary.ru), индексируется в базе данных «Российский индекс научного цитирования».

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru
http://www.chuvsu.ru/ist_poisk.htm

ISSN 2712-9454

HISTORICAL SEARCH

**Vol. 5 № 3
2024**

Scientific Journal

Since March, 2020

Founder:
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«I.N. Ulianov Chuvash State University»

Editor-in-Chief

E.K. Mineeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

N.M. Arsentiev, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Saransk, Russia)

I.I. Boyko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

P. Werth, PhD, Professor (Las Vegas, USA)

I.K. Zagidullin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan, Russia)

A.G. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

A. Kappeler, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)

L.A. Koroleva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Penza, Russia)

G.A. Kursheva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Saransk, Russia)

L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Yu.N. Смирнов, Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara, Russia)

V.I. Sokolova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

S.V. Starikov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

O.A. Sukhova, Doctor of Historical Sciences, Professor (Penza, Russia)

A.A. Khalin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

A.A. Chernobaev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

L.A. Shaypak, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

A.A. Shevtsova, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

The journal is included in the list of journals which are regarded as academic publications by the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK). The journal is included in the Scientific Electronic Library database (elibrary.ru). The journal is indexed in Russian Science Citation Index.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia
Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)
E-mail: vestnik210@mail.ru
http://www.chuvsu.ru/ist_poisk.htm

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-5-20

УДК 94(470) «17»
ББК 63.3(2 Рос-4 Яро)

П.Г. АГРАФОНОВ

«ГОРОД СЕЙ СЛАВИТСЯ КОЖЕВЕННЫМИ, МЫЛЬНЫМИ ЗАВОДАМИ И ОГОРОДНЫМИ ОВОЩАМИ...» (основные направления хозяйственной деятельности Ярославля в иностранных источниках XVII века)

Ключевые слова: иностранные авторы, Ярославль, экономическое развитие, XVII век, торговля, ремесленное производство, промыслы, сельское хозяйство.

Актуальность исследования определяется возросшим в последнее время интересом к позднесредневековой истории Ярославля, а также обновлением подходов к исследованию этой темы. Статья представляет собой обзор известий иностранных авторов, касающихся хозяйства Ярославля XVII в. Среди рассмотренных в работе источников – торговые и административные документы, записки путешественников, отчеты иностранных торговых представителей, отрывки из научных сочинений. Не все авторы используемых текстов побывали в России лично, но опубликованные материалы иностранного происхождения содержат сведения, дополняющие картину экономической жизни города в указанный период.

Целью исследования является комплексная характеристика основных данных, представленных в иностранных источниках XVII в. и связанных с основными направлениями хозяйственной жизни города. Анализ этих данных в значительной степени позволяет уточнить представление об экономической ситуации в городе и направлениях развития его хозяйства.

Материалы и методы. Материалы для работы – опубликованные на протяжении XVII в. иностранные источники, содержащие сообщения о характере промыслов и ремесле, о торговых операциях. При проведении исследования применяется метод сравнительного анализа, систематизации, обобщения; соблюдаются принципы объективности и исторической конкретности.

Результаты исследования. В ходе исследования проведен анализ информации иностранных источников в отношении экономики и развития отраслей хозяйства Ярославля в период его «золотого века». Приводимые в таких публикациях сведения соотнесены с аналогичными отечественными материалами. В итоге сравнительного анализа двух групп источников сделан вывод о наибольшем развитии следующих видов хозяйственной деятельности – кожевенной отрасли, обработки льна, кустарной выделки металлических изделий, мыловарения, а также переработки животного сырья. На базе активного развития перечисленных местных промыслов в больших объемах велась торговля их продукцией – выделанными кожами, льняными тканями, мылом, металлоизделиями. Быстрыми темпами развивалась зарубежная торговля – прежде всего с Швецией, Голландией, Англией, в также со странами Востока. Большое место в торговых оборотах Ярославля в XVII в. занимала также посредническая торговля зерновым хлебом. Сравнение отечественных и иностранных источников позволило сделать вывод о значительности Ярославля как торгового и ремесленно-промышленного центра, игравшего важную роль в системе общерусской торговли XVII столетия.

Выводы. На основе обобщения данных и сравнительного анализа представленных в работе материалов можно сделать вывод об информативности и исторической репрезентативности рассмотренных источников, существенно дополняющих характеристику экономики Ярославля в указанный период.

Введение. Сведения о хозяйственной жизни Ярославля в указанный период присутствуют в многочисленных письменных источниках, в том числе иностранного происхождения. Предлагаемая статья представляет собой обзор таких свидетельств, имеющих в иностранных источниках, опубликованных на протяжении XVII столетия.

Публикация служит продолжением начатой автором работы по обобщению сведений о Ярославском крае, представленных в иностранных источниках. В числе рассматриваемых источников – торговые и административные документы, записки путешественников, отчеты иностранных торговых представителей, отрывки из научных сочинений. Несмотря на то, что не все авторы текстов о Ярославле лично бывали в России, материалы иностранного происхождения содержат существенные сведения, дополняющие картину экономической жизни города.

Цель исследования – обобщенная характеристика представленных в иностранных источниках XVII в. основных данных, касающихся важнейших направлений хозяйственной жизни Ярославля. Комплексный анализ этих сведений в значительной степени позволяет уточнить представление об экономической ситуации в городе, направлениях и формах развития его хозяйства.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили опубликованные на протяжении XVII в. иностранные источники, содержащие сообщения о характере промыслов и ремесле, о торговых операциях ярославцев. Эта информация дополняет данные отечественных источников. При проведении исследования применяется метод сравнительного анализа, систематизации, обобщения; соблюдаются принципы объективности и исторической конкретности.

Результаты исследования. Сведения иностранного происхождения содержат разнообразные и порой уникальные данные о занятиях населения Ярославля и о значении города в общерусской и зарубежной торговле в указанный период. Имеющиеся в публикациях иностранцев сведения в значительной мере отражают происходящие в городе экономические процессы. Изучение информации, представленной в иностранных источниках, способствует более глубокому исследованию хозяйственного положения в Ярославле в период его «золотого века».

Ярославль этого времени хорошо известен развитыми ремеслами, традиционными для этого региона. Разнообразие и широкое распространение промыслов, позволяющих вести обширную торговлю местными «изделиями», отмечают и иностранцы. Так, в 1621 г. прусский историк Соломон Нейгебауэр в своем «Статистико-географическом описании Российского государства в начале XVII столетия» говорит о Ярославле, что «... Город сей славится кожевенными, мыльными заводами и огородными овощами» [20. С. 621]. По уровню хозяйственного развития и удовлетворения «жизненных потребностей» Нейгебауэр ставит Ярославль среди областей русского государства на второе место после Рязани.

Обработка кожи и изготовление кожаных изделий были в Ярославле одними из наиболее развитых ремесленных производств. Более всего город славился выделкой высококачественной кожи – юфти, а также изделиями из нее. Развитым центром кожевенного производства считают Ярославль Н.В. Устюгов [33. С. 189] и М.Я. Волков [4. С. 215]. По данным Устюгова, около 20% общей численности ремесленников Ярославля были кожевниками различных специальностей. Эта продукция особенно ценилась за рубежом. Уже в XVI в. английский мореплаватель и предприниматель Ричард Ченслор называет кожу одним из основных предметов торговли ярославцев [21. С. 55].

Пример юфти наглядно демонстрирует уровень развития промыслов, продукция которых становится предметом торгового обмена, в том числе зарубежного.

Так, в середине XVII столетия официальный дипломатический и торговый представитель Швеции в России в 1644–1647 гг. Петр-Антонин Лофельдт, оставивший «Краткие сообщения о русской торговле», говорит, что «Кожи крупного рогатого скота сегодня в значительном количестве перерабатываются в красные и белые юфти в Нижнем Новгороде, в Москве, Ярославле... и вывозятся в Архангельск ... Ревель, Нарву, Ниеншанц и Стокгольм» [19. С. 59].

Другой шведский торговый представитель в Москве – Иоганн де Родес – в донесениях королеве Христине в 1653 г., рассказывая о предметах торговли в Русском государстве, сообщает, что «...юфти вывозятся в большом количестве, и их приготавливают больше всего и наилучше в ярославской и костромской областях. Другие, которые приготавливаются в новгородской и псковской областях, совсем не сопоставимы с предыдущими» [31. С. 167].

Именно юфть, наряду с иными товарами, покупает позднее в Ярославле «торговый иноземец» из шведского города Выборга Филипп Геслинг. В 1668 г. он направляет в связи с этим в Новгородскую приказную палату челобитную на имя Алексея Михайловича. В ней речь идет о выдаче его товаров, задержанных казной в Новгороде. В своем обращении Геслинг говорит, что он, «будучи в Ярославле, купил юфти и иные русские товары», объявив их на таможене и заплатив все положенные пошлины. Закупленное он вывозит через Новгород и Тихвин в Швецию. Со своей стороны в Ярославле он продал привезенный из Швеции товар [36. С. 309–310].

Участник шведского посольства в Москву в 1674 г. Иоганн Филипп Кильбургер пишет, что «Юфти вывозятся в большом количестве и выделяются в казанской, нижегородской, как и в московской, но больше всего и наилучшие в ярославской и костромской областях. Те, которые заготавливаются около и в Великом Новгороде и псковской области, не так хороши, как предыдущие» [16. С. 98].

Ярославль как высокоразвитый ремесленный центр служит местом выделки сырья – необработанных кож, доставляемых сюда из разных областей России. По сообщению Лофельдта, «Большие партии кож крупного рогатого скота засаливаются и в невыделанном виде везутся из Астрахани, Казани, Нижнего Новгорода вверх по Волге до Ярославля и оттуда сухим путем 50 миль в Вологду..., в Архангельск и далее морским путем в другие страны» [19. С. 58].

В докладной записке 1666 г. в Посольский приказ сообщалось, что «наперед сего ездили за рубеж новгородцы, псковичи, ладоженя, тихвинцы, олонченя с невеликими товары ... а москвичи и ярославцы за свейской рубеж ездили немногие с малыми товары ... важивали ... ярославцы сукна сермяжные, мыло и соболей же понемногу и иную мелочь. А ныне учали за свейской рубеж товары возить, юфти и сало говяжье, покупая на Москве и в Ярославле ... перед прежним многим больше» [5. С. 288].

По мнению О.Г. Шабровой, основанному на документальных свидетельствах, особенно «во второй половине XVII в. наблюдается большой приток кожевенного сырья в Ярославль из внутренних областей государства и даже из-за границы» [38. С. 78]. На конечный продукт этого промысла – «белые и красные юфти» – в течение всего столетия поддерживался стабильно высокий спрос. Можно привести следующие данные по объемам экспортной продажи в Ярославле – в 1662 г. только из конфискованного «юхтового товара» почти двадцать тысяч пудов планировались для европейского экспорта через Вологду и 1 689 юфтей предназначались для продажи в Персии [28. Д. 323. Л. 244].

Таким образом, Ярославль в XVII в. в широких масштабах выступает местом переработки сырых кож в высококачественные изделия и, соответственно, центром развития технологических процессов кожевенного производства.

Кроме того, иностранцы отмечают высокий уровень развития в Ярославле текстильных промыслов, а также размах торговли тканями местной выделки. Шведский дипломат, путешественник и писатель Петр Петрей, не раз побывавший в Москве и других российских областях в начале XVII столетия, пишет в своем историческом сочинении о русском государстве, что в Ярославле «ткуются прекраснейшие во всей России полотна» [25. С. 40].

Позднее, уже в середине века де Родес в своих отчетах сообщает, что «русское полотно ... делается больше всего в ярославской, вологодской» и некоторых других областях [31. С. 169].

О развитии в Ярославле ремесленной выделки полотна говорит в своем сочинении и Кильбургер, возможно, повторяющий в некоторой степени де Родеса: «Полотно больше всего делается в ярославской, валдайской, каргопольской областях...» [16. С. 96].

Во второй половине столетия курляндский немец, путешественник и дипломат, автор книги «Сказание о Московии» Якоб Рейтенфельс, живший в Москве в семидесятые годы, называет Ярославль в числе «наиболее выдающихся» городов страны, а среди отраслей его хозяйства говорит прежде всего о текстильной – «Коноплею и льном преимущественно пред остальными областями изобилует область Ярославская» [30. С. 380].

Таким образом, свидетельствами иностранцев подтверждается традиционный характер и широкое развитие в Ярославле и ближней его округе выработки холстов, полотна и изделий из них, а также наличие большого спроса на ярославский текстиль не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Льноводство как характерное и давнее занятие жителей Ярославля способствовало превращению города в один из крупнейших центров производств и переработки этого материала [1. С. 91].

Помимо растительного сырья для изготовления тканей в Ярославле применялось и животное. Петр-Антонин Лофельдт сообщает об изготовлении здесь грубошерстных сукон, отмечая попутно особое качество ярославских изделий: «Повсюду в России изготавливают из собственной овечьей шерсти грубые сукна для простого народа; то сукно, которое ткется в Ярославле, считают наилучшим» [19. С. 60]. Необходимо здесь отметить, что сермяжные сукна в России на протяжении многих веков оставались предметом первой необходимости и Ярославль в XVII столетии был одним из значительных очагов их производства [38. С. 85].

Таким образом, свидетельствами иноземцев подтверждается тот факт, что наиболее высоко развитыми ремесленными производствами в Ярославле на протяжении всего XVII в. следует считать обрабатывающие отрасли.

Говоря о сельскохозяйственной продукции, иностранные источники называют Ярославль крупным центром выращивания и переработки льна, а также льняного семени. То и другое закономерно упоминается также в качестве предмета торговли в самых широких масштабах. Так, по словам Лофельдта, «Лен и льняное семя имеется в значительном количестве в Казани и вокруг нее, в Нижнем Новгороде, Костроме и других областях, до Ярославля» [19. С. 58]. Де Родес тоже не обходит своим вниманием это ценное сельскохозяйственное сырье, сообщая почти в тех же словах, что «Льняное семя находится около Казани, Нижнего, Костромы, Ярославля, Вологды...» [31. С. 167].

Что касается хлеба, то иностранцам Ярославль известен прежде всего как узел крупной оптовой и транзитной торговли зерном и мукой, а не как место выращивания товарного хлеба.

Наряду с обработкой шерсти в Ярославле, по свидетельствам иноземцев, развито производство других продуктов животноводства. Так, голландский

ученый, известный под именем Эльзевира из Лейдена, опубликовавший в 1630 г. научное описание России, утверждает, что большую часть вывозимого за рубеж сала «... доставляют из Ярославля, Вологды и также некоторых других областей» [39. С. 239].

Де Родес позднее добавляет, что «сала много добывается в казанской, нижегородской, московской, ярославской и вологодской областях...» [31. С. 171]. По сообщению Петра-Антонина Лофельдта, Ярославль служит также центром оптовой торговли топленным салом, поставляемым сюда из других крупных городов Поволжья [19. С. 59]. Уже в самом конце столетия секретарь посольства императора Леопольда I в России Иоанн Георг Корб отмечает в своем «Дневнике путешествия в Московию», что «сало поставляется из Ярославля и Вологды» [17. С. 225]. Следует сказать, что топленное сало на протяжении XVI и XVII столетий было одной из важнейших статей экспорта России.

Уже в XVII в. в Ярославле также оформилась такая отрасль промысловой деятельности, как мыловарение. Лофельдт сообщает, что «Мыло варят в Ярославле, в Великом Новгороде, Пскове и в других городах и его большей частью вывозят в Ливонию, а также в Стокгольм» [19. С. 60]. Экспорт продукции мыловарения, производимой в Ярославле, свидетельствует о высоком уровне развития этой отрасли хозяйства. О достойном качестве ярославского мыла говорит также тот факт, что на протяжении всего XVII в. его поставляли в Москву для удовлетворения потребностей двора [29. Д. 4441, 5920, 6380, 7276, 7373, 7747].

Иностранцы, изучавшие хозяйственную жизнь и торговлю Русского государства, не пропускают также примеров развития в Ярославле ремесленной металлообработки и слесарных промыслов, изготовления разнообразной хозяйственной утвари. Так, Кильбургер, говоря об ассортименте торговли в Москве, пишет, что «... есть еще в продаже за сходную цену различные мелочи из собственных русских изделий, как-то: ...висячие замки персидского образца, но сделанные в городе Ярославле на Волге, простой по 10, а двойной от 15 до 16 копеек. Шелковые шнурки, пуговицы из желтой меди, ярославские пороховницы, кожаные дорожные кошельки для опоясывания тела и т.д., и вообще все дешево, что русские сами могут изготовить из персидского шелка, пеньки, кожи, крестьянского железа (железо, которое крестьяне делают ручными раздувальными мехами) и дерева» [16. С. 112].

О.Г. Шаброва считает металлообработку одной из важных отраслей местного хозяйства в Ярославле, отмечая известность далеко за пределами города ярославских замков, металлической посуды, скобяных изделий, проволоки, мелкой хозяйственной утвари вроде ножниц, булавок [38. С. 89]. Этот вывод вполне подтверждается архивными данными [28].

Завершая обзор основных видов хозяйственной деятельности в Ярославле, упоминаемых иностранцами, необходимо отметить существовавшие здесь волжские рыбные промыслы. О них рассказывает, например, Кильбургер, который сообщает, что «В Москве едят "белую рыбу", которая ловится при Ярославле в Волге и очень вкусная» [16. С. 112].

Кроме того, в качестве важного узла Волжского торгового пути Ярославль был хорошо известен своим участием в посреднической торговле астраханской икрой. Так, по данным Родеса, «В астраханской области ... добывается "кавиар" или осетровая икра. Наилучший прессованный кавиар идет от Нижнего дальше вверх до Ярославля, а оттуда ... до Архангельска. Здесь он сдается законтрактованным, которые должны давать за него в уплату только рейхсталеры» [31. С. 158]. Немногом ранее Лофельд тоже отмечает, что из Астрахани «Засоленная икра

отправляется вверх по Волге в Ярославль, а оттуда сухим путем в Вологду и далее в Архангельск и вывозится большей частью англичанами и голландцами в католические страны, где ее едят во время постов» [19. С. 60].

Интересным и весьма информативным свидетельством иностранца о характере торговых связей Ярославля в начале столетия служит сообщение шведского историка Юхана Видекинда в его «Истории шведско-московитской войны XVII века». По мнению Видекинда, «Ярославль ... – один из самых крупных торговых городов во всей России. Там торгуют и немецкие и отечественные купцы, так как туда легко попасть и по суше, и по воде из Архангельска, а оттуда по Волге едут в Нижний Новгород и Казань, а также достаточно удобным путем – в Москву» [3. С. 461].

О значении Ярославля как важного связующего звена на торговом пути в Москву с Севера и из Сибири во второй половине столетия говорит участник шведского посольства в Россию 1673 г. Эрик Пальмквист [23. С. 61].

Де Родес, в свою очередь, называет Ярославль, наряду с Казанью и Нижним Новгородом, одним из трех пунктов волжского пути на маршрутах торговли с Персией через Каспий и в обратном направлении, от Астрахани до Архангельска. Кроме того, он отмечает о Ярославле, что «это есть один из наиважнейших торговых городов, который имеет после Москвы, по сравнению со всеми другими городами, большой привоз, как с суши, так и водой вверх по Волге...» [31. С. 201].

В 1660 г. шведский представитель в Москве Филипп фон Крузенштерн сообщает, что в город Ярославль, «... как в общий склад, свозится из Москвы и ее окрестностей, даже почти из всей России, снизу и со всех сторон, летом по воде, а зимой на санях чрезвычайно большое количество товаров, ... как русские, так и восточные товары, оттуда они по суше отправляются на расстояние в 50 миль в Вологду и затем далее по Сухоне и Двине на разных судах в Архангельск и там погружаются на корабли и вывозятся в Голландию, Англию, Германию и Италию» [22. С. 204].

О значении северного сектора торговли Ярославля говорит и Видекинд, упоминающий о роли города как пункта, отправляющего свои товары на продажу в «гавань св. Николая» в Архангельске [3. С. 336].

Таким образом, широта посреднических торговых контактов Ярославля, в том числе международных, объективно подтверждается в том числе и сообщениями иностранцев. Особо следует отметить сделанный Крузенштерном акцент на северном, двинском участке водных торговых путей, значение которого сохранялось и во второй половине XVII в., несмотря на постепенное уменьшение его роли впоследствии.

Особый интерес шведских торговых представителей к механизмам и направлениям русской торговли, а также особенно тщательная детализация информации по этим вопросам обусловлены тем, что с середины XVII в., вследствие активизации торговых отношений с Россией после подписания в 1617 г. Столбовского мира, Швеция вступает в борьбу за русский рынок. Наряду с иными проявлениями активности в это время формируются планы по постепенному перенесению северного вектора внешней торговли России из Архангельска на Балтику. Поэтому «сразу несколько шведских резидентов изучают торговую ситуацию в России, и в их отчетах, донесениях неизменно присутствует Ярославль» [28. С. 53].

Значимое свидетельство развития ярославской торговли в XVII в. приводит голландский автор описания Русского государства, известный под именем Эльзевира из Лейдена. В его работе присутствует также характеристика системы налогообложения в России, и в числе основных источников поступлений в казну он

называет подать, которая «собирается за ввоз и вывоз товаров во всех городах». «... Значительнейший пошлинный доход» дает, по его данным, наряду с другими крупными городами и Ярославль – 1 200 руб. в год [39. С. 241].

Выработка готового продукта из местного и привозного сырья служила базой для все более обширных торговых операций. Участники шведского посольства в Китай в 1692 г. Избрант Идес и Адам Бранд, проезжавшие на восток через Ярославль, сообщают, что «Город ведет большую торговлю, в особенности юфтью, которую заготавливают и обрабатывают здесь в таком большом количестве, что ею снабжают не только всю Россию, но также и много мест в Европе» [12. С. 62–63].

Одним из главных предметов торговли, в том числе с Западной Европой через шведскую границу, в XVII в. остается хлеб. Документальными свидетельствами этого служат, в частности, материалы переписки шведского купечества с Посольским приказом и другими административными учреждениями, характеризующие масштабы хлебной торговли в Ярославле.

Так, в челобитной шведского резидента Меллера от 1630 г. речь идет о закупке только двумя купцами в Ярославле двадцати судов хлеба для продажи в Швецию [35. С. 69–71].

В этом же году в обращении в Посольский приказ шведского посла Антония Моньера говорится о «столькоем множестве хлеба», закупаемого в Ярославле, и пятидесяти тысячах четвертей зерна, которые еще предстоит закупить [26. С. 64–65].

Чрезвычайно ценившиеся в XVII в. металлы и изделия из них тоже упоминаются иностранцами в связи с ярославской торговлей, для которой характерны большие обороты не только хозяйственно-мелочного товара, но и оптовые операции с листовым железом, медью в слитках и пр. Еще в 1620 г. в челобитной шведского купца Давыда Валкера говорится, что Ярославль был крупным перевалочным пунктом, через который велась торговля медью в различных формах – «которая в кричах, из которых льют пушки и колокола, или кровельная медь и иных всяких статей... свитского железа толстого и тонкого и готовых пушек и колоколов» [34. С. 28–29]. Помимо этих товаров ярославцы торговали икрой, семгой, полотном, воском [16. С. 94–99; 31. С. 157].

Следовательно, многие иностранцы, оставившие свои сообщения о России XVII в., включают Ярославль в число наиболее значимых торговых центров Русского государства, закономерно объясняя это выгодами географического положения наряду с местной деловой активностью и торговлей на базе высокого уровня развития промыслов и ремесел. Более интенсивное использование Волжского торгового пути, общий рост производительных сил в это время и усиление товарно-денежного обращения способствовали повышению значения городов-посредников – таких как Ярославль.

Наряду с повествовательными материалами иностранные источники материалов о хозяйственной жизни Ярославля представлены также документальными памятниками административно-хозяйственного делопроизводства, касающимися торговли, пошлин и таможенного дела. К этой группе относится челобитная Валкера, направленная им в Новгородскую приказную палату на имя Михаила Федоровича. Это обращение характеризует Валкера как представителя компании стокогльмских купцов, отправленного в Новгород для организации торговли шведскими товарами.

К этой же категории источников относится упомянутая выше челобитная шведского посла Моньера в Посольский приказ от 1630 г. В этом обращении на имя Михаила Федоровича речь идет о закупке хлеба для продажи в Швецию,

в том числе в Ярославле. Закупки, как следует из текста челобитной, ведутся в больших объемах, но нередко сталкиваются с административными или иными трудностями.

Особую группу документальных источников представляют материалы, касающиеся организации и деятельности в Ярославле шведского торгового двора. Появление таких дворов в русских городах стало одним из следствий оживления шведско-русской торговли после заключения Столбовского мира. Уже в 1626 г. шведские послы в своем обращении к Михаилу Федоровичу «и боярам с думными людьми» говорят о необходимости, в соответствии с мирным договором, «шведским торговым людям» иметь торговые дворы в крупных русских городах. Первым в списке таких городов назван Ярославль [15. С. 32–33].

Швеция, таким образом, становится одним из основных направлений европейской торговли Ярославля. Расширение торговых связей двух стран в это время было следствием их политических взаимоотношений. Заключение мира привело к тому, что с 1617 г. ярославские торговые люди использовали давно известный путь через Новгород для участия в прямой русско-шведской торговле. Кроме того, этот маршрут предоставлял ярославцам также возможности для транзитного торга через Швецию с другими странами Западной Европы.

В 1661 г. Россия заключила с Швецией Кардисский мирный договор, в соответствии с которым русские купцы получили право держать торговые дворы в Стокгольме и других шведских городах, а шведские – в Москве, Новгороде, Пскове и Переславле. Об этом говорится, в частности, в ответном письме шведского посла Оксеншерна на письмо Посольского приказа: «И мы, его королевского величества великие и полномочные послы, желаем, ...чтобы царское величество в Переславле и в ыных местех по мирным договорам королевского величества подданным гостиние дворы строить» [14. С. 363].

Перенос торгового двора из Ярославля в Переславль вызвал, однако, недовольство шведских купцов. Этот вопрос стал одним из главных во время переговоров шведских послов Бенгта Горна и И. Гастфера с русским правительством в 1662 г.: «... Переславль малолюдный и уезды к нему небольшие, а торговых и промышленных людей мало, и королевского величества подданным торговым людям двора ставити не для чего» [13. С. 204]. В ходе переговоров шведы повторяли, что «Ярославль – город великой и переславскому двору он не замена ... учинити по совету, царского величества в стороне, в городе Переславле Залеском, двор отставить» [13. С. 204].

Сменой места торгового двора поводы для недовольства шведов не исчерпываются. 1684 г. датируется «Перечень жалоб шведских подданных, главным образом, купцов, на убытки и обиды, причиненные им русскими купцами и властями». Одной из основных причин для жалоб служат долгие проволочки при получении разрешений для проезда через большие торговые города, включая и Ярославль. Немаловажно, что при этом речь идет фактически о «всех прочих рынках в стране»; таким образом, Ярославль включается в цепочку транзитной торговли с Западной Европой через упомянутые в обращении Новгород, Псков, Тихвин, Ладугу, Александрову Пустынь, Вологду и Холмогоры [24. С. 398].

В документе далее следуют жалобы на взяточничество таможенных служб и произвол воевод, которые «всякими способами не дают им ездить в означенные места во время ярмарок» и заставляют возить товар сначала в Новгород, где приходится платить высокую пошлину. Тем самым, утверждается в обращении, нарушается сразу несколько положений Кардисского договора, представляющего шведам свободу передвижения по торговым делам.

Есть у шведов также претензии по случаям нарушения контрагентами условий торговых и финансовых сделок и жалобы, что многолетние разбирательства по таким фактам не дают результатов. Согласно одной из таких претензий, датированной 1684 г., «... русский из Ярославля, Федор Коростелев согласно своей собственноручной подписи и ясного обязательства от 1672 г. задолжал ... 70 шиффунтов юфти или 7 000 риксдалеров» [24. С. 411]. Обращает на себя внимание объем сделки с ярославским торговцем, так как обычный вес шиффунта равен берковцу и составляет 10 пудов.

Только шведскими торговыми дворами перечень точек международной торговли в Ярославле не ограничивается. По Подворной описи Ярославля на 1631 г. в городе существовало 29 иностранных купеческих контор [6. С. 78]. Еще с XVI в. в Ярославле разворачивается деятельность английской Московской торговой компании. Постоянно действующий пункт операций английских купцов в городе, известный под названием «Ярославский “двор немецкой агленских немец”», размещался на территории Сретенской сотни [40. Стб. 627].

В 1605 г. в Ярославле побывал английский посол Томас Смит. О доме, принадлежащем английской кампании, он писал как о «весьма красивом и содержимом в большом порядке, под надзором состоящего у ней на службе лица, несомненно честного и умного человека» [32. С. 53].

Английский торговый дом в Ярославле был, вероятно, весьма обширен [41. Р. 113]. Так, Горсей пишет, что он жил там вместе с пятнадцатью слугами [7. С. 131]. Иностранцы в Ярославле и его окрестностях (как и в других городах, где имелись английские фактории) пользовались правом владения земельной собственностью для строительства домов. Чаще всего собственные дворы имели купцы; так, в Ярославле двором владел А. Терн [9. С. 109]. Наряду с собственными некоторые из англичан предпочитали селиться в наемных дворах.

В июле 1617 г. компания получила жалованную грамоту Михаила Федоровича, по которой приобрела, в частности, право содержать подворья, в том числе и в Ярославле, без уплаты налогов. Последний раз «двор немецкой агленских немец» упомянут в переписи 1646 г.

Как следует из донесения посланников Нидерландов при русском дворе Альберта Бурха и Иоганафана Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг., в Ярославле на постоянное жительство поселился голландский торговый представитель Абрагам де Биттер, «который уже много лет торгует в России». В Ярославле он намеревается продолжать свои торговые дела с выплатой всех положенных пошлин, для чего ему требуется «государева жалованная грамота за красной печатью». О предоставлении грамоты послы и ходатайствуют [10. С. 102].

Несколько ранее, в 1628 г., принц «голландской земли» Гендрик Оранский обращается к патриарху Филарету с аналогичным письмом, содержащим ходатайство за амстердамского купца Ягана Бернарда по вопросу о выдаче ему жалованной грамоты. Яган Бернардс тоже торгует в Русском государстве издавна, а грамота с красной печатью позволит ему торговать «вольно» от Архангельска до Ярославля и Москвы «без помешки, и в смиренье и в покое пребывать» [8. С. СССXXVII–СССXXVIII].

О том, что в Ярославле живут «многие немецкие и русские купцы, имеющие каменные палаты», говорит анонимный автор «Правдивого описания нашего далекого путешествия из Москвы через город Тобольск...» в 1666 г. [27. С. 146–147]. Десятилетием позже, в 1677 г., о постоянно живущих в Ярославле немецких торговцах кратко сообщает при описании своего путешествия участник голландского посольства в Россию Балтазар Койэт [18. С. 369].

Таким образом, английские и голландские купцы наряду со шведами остаются в XVII в. наиболее активными торговыми контрагентами ярославских торговых людей. Согласно переписи 1630 г., в Ярославле насчитывалось 29 дворов английских и голландских «торговых немец» [11. С. 5]. Можно утверждать, что эта категория городского населения сохранялась в структуре Ярославля на протяжении всего XVII столетия.

Наиболее подробные и разнообразные сведения о ярославской торговле во второй половине XVII в. представлены в деловых реляциях шведских торговых резидентов. Кильбургер, де Родес и Крузенштерн подолгу жили в России и имели возможность для детального изучения здешних рынков и промыслов.

Так, Филипп фон Крузенштерн дает в своем сообщении один из наиболее подробных перечней предметов торгова в Ярославле, перечисляя товары, наиболее востребованные как экспортная продукция, в том числе пеньку, лен, поташ, воск, юфть, льняное семя, индиго, шелк, сало. Крузенштерн отмечает также масштабы ярославской торговли – «чрезвычайно большое количество товаров», как русских, свозимых «почти из всей России», так и восточных [22. С. 204].

Де Родес в своих отчетах приводит сравнительные данные о ценах на хлеб в центральных регионах Русского государства, о размерах сухопутного торгового фрахта от Москвы до Ярославля и до Вологды, а также об особенностях издержек при перевозке товаров по Волге. Кроме того, в донесении королеве от 1653 г. он развивает тему шведского торгового двора в Ярославле. Этот вопрос во второй половине столетия вновь выдвигается на первый план, и, по словам Родеса, «... для споспешествования торговле такой двор также весьма сильно требуется в Ярославле» [31. С. 201]. Немаловажно, что при этом Родес настаивает на постройке будущего двора из камня, ввиду крайней пожароопасности деревянных построек не только для людей, но прежде всего для складироваемых там товаров.

В приказной переписке отражено также восточное направление ярославской торговли. В 1634 г. прибывший в Ярославль бухарский купец Хаджи Ата-кули обращается к Михаилу Федоровичу с челобитной о разрешении беспошлинно продать в городе привезенный им товар и экспортировать в Бухару русские товары, также без уплаты пошлин. От Астрахани до Ярославля Ата-кули ехал по «проезжей грамоте» [37. С. 142–143]. Эта челобитная представляет особый интерес в связи с приведенным в ней подробным перечнем товаров бухарского импорта, доставленных в Ярославль. В списке перечислены в основном ткани, включая несколько видов шелка, с указанием точного количества товаров каждой категории.

О восточном направлении связей Ярославля упоминает Видекинд, сообщающий, что «... в Ярославль прибыли персидские послы, которые оттуда собираются ехать в Москву. Русские считали, что и нашим послам лучше всего будет ехать этой дорогой» [3. С. 458]. Речь идет о прибытии в Россию в конце 1617 г. иранского посольства Кая Салтана и Булат-Бека. Известно, что встречающий их Алексей Зубов «шел ...с послы к Москве на Ярославль» [2. С. 155-159].

Выводы. На основе сравнительного анализа представленных в работе материалов можно сделать вывод об информативности и исторической репрезентативности рассмотренных источников, существенно дополняющих характеристику экономики Ярославля в XVII столетии.

Подводя итоги, следует также отметить разнообразие и информативную насыщенность сведений о хозяйственной жизни Ярославля, содержащихся в иностранных источниках. Эти материалы существенно дополняют картину экономического развития и деловой активности ярославцев в этот период.

Так, с одной стороны, сведения иноземцев иллюстрируют тот факт, что местное ремесленное и сельскохозяйственное производство в Ярославле во многом служит базой для развития торговли. Город хорошо известен за рубежами России как один из ее важнейших промысловых регионов, поставлявший продукцию собственной выработки на рынок в широких масштабах.

С другой – географическое положение Ярославля с древнейших времен способствовало формированию в нем перевалочной базы волжской торговли и одного из крупнейших рынков, который связывал протяженные общерусские торговые маршруты и транзит из Европы на Восток. Со временем город закономерно вырос в один из узлов обширной речной торговли, карта которой охватывала едва ли не всю европейскую и прилегающую сибирскую территорию русского государства. Широкая география ярославской торговли находит многочисленные подтверждения в иностранных источниках.

Объемы торговых оборотов ярославцев во второй половине XVII столетия позволяют сделать вывод о его роли одного из крупных торгово-промышленных центров Русского государства. Основными предметами торгова в XVII в. были продукты традиционных ярославских промыслов. Большое место в оборотах занимала торговля хлебом, а также продажи восточных товаров, преимущественно тканей, приходивших на север по Волге из Астрахани.

Таким образом, торговля местными продуктами успешно сочеталась с торговлей на большие расстояния, наиболее рентабельной и сформировавшей крупные состояния богатейших ярославских купцов. Относительно спокойный для Ярославля XVII в. позволил городу не только возродиться из руин Смуты, но и подняться на качественно новую ступень развития.

Литература и источники

1. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII века (к вопросу о предпосылках всероссийского рынка) // Научные труды. М.: Изд. АН СССР, 1952. Т. 2. 380 с.
2. *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. 480 с.
3. *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 652 с.
4. *Волков М.Я.* Ремесленное и мелкотоварное производство юфти в России во второй половине XVI – первой половине XVII века // Исторические записки. М.: Наука, 1973. Т. 92. С. 215–252.
5. Выпись в доклад в Посольском приказе о сборе проезжей пошлыны в Новгороде, Пскове и Тихвине с товаров, вывозимых торговыми людьми за шведский рубеж // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: сб. док. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 288.
6. *Головищikov К.Д.* История города Ярославля // История губернского города Ярославля. Ярославль: Издательство Александр Рутман, 2006. 520 с.
7. *Горсей Дж.* Записки о России XVI – начало XVII. М.: Захаров, 1991. 264 с.
8. Грамота принца Гендрика Оранского к патриарху Филарету Никитичу, присланная по просьбе амстердамского купца Ягана Бернардса, ходатайствовавшего о выдаче ему жалованной грамоты // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1902. С. СССXXVII–СССXXVIII.
9. *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М.: ИРИ, 1994. Вып. 1. 157 с.
10. Донесения посланников республики соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иогана ван Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. с приложением очерка сношений Московского государства с республикой соединенных Нидерландов до 1631 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества СПб., 1902. 243 с.
11. *Дьяконов О.П.* Посадская община г. Ярославля в первой половине XVII века // Ученые записки ЯГПИ. Вып. 9 (19). Ярославль: ЯГПИ, 1947. С. 3–20.
12. *Идес И., Бранд А.* Записки о посольстве в Китай. М.: Глав. ред. вост. лит., 1967. 464 с.
13. Из записи переговоров шведского посла Бенгт Горна в Посольском приказе по вопросам русско-шведской торговли // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: сб. док. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 204–205.
14. Из ответного письма шведского посла Г. Оксеншерна на письмо Посольского приказа от 30 апреля 1674 г. // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: сб. док. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 363.

15. Из письма шведских послов русскому правительству о шведских гостиных дворах в русских городах и о порубежной торговле // Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. М.: Изд. АН СССР, 1978. С. 32–33.

16. *Кильбургер И.Ф.* Краткое известие о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России // Сборник студенческого историко-этнографического кружка при Императорском университете Св. Владимира. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1915. Вып. VI. С. 94–109.

17. *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. С. 225–250.

18. *Койэт Б.* Исторический рассказ или описание путешествия господина Кунраада фан-Кленка // Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1900. 650 с.

19. *Лофельд П.-А.* Краткие сведения о русской торговле (1659–1661) // География России XV–XVIII вв. (по сведениям иностранцев). Л.: Изд. АН СССР, 1984. С. 58–61.

20. *Нейгебауэр С.* Московия. Статистико-географическое описание Российского государства в начале XVII столетия // Журнал министерства народного просвещения. 1836. Ч. 11. С. 621–623.

21. Новое плавание и открытие царства Московии по северо-восточному пути в 1553 г., предпринятое рыцарем сэром Х. Уиллоуби и выполненное Ричардом Ченслором, старшим кормчим плавания. Написано на латинском языке Климентом Адамсом // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 56.

22. Описание русской торговли с предложением о способах перенесения русской транзитной торговли в шведские порты в Финском заливе, составленное Филиппом фон Крузенштерном // Экономические связи между Россией и Швецией. М.: Изд. АН СССР, 1982. С. 204.

23. *Пальмквист Э.* Заметки о России, сделанные в 1674 году // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск: Крайгиз. 1936. Т. 1, ч. II. С. 46.

24. Перечень жалоб шведских подданных, главным образом, купцов, на убытки и обиды, причиненные им русскими купцами и властями // Экономические связи между Россией и Швецией. М.: Изд. АН СССР, 1982. С. 397–411.

25. *Петрей-де-Ерлезунда П.* История о Великом княжестве московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах // О начале войн и смут в Московии. М.: Фонд Сергея Дубова: Рита-Принт, 1997. 554 с.

26. Письмо шведского посла А. Моньера в Посольский приказ с просьбой о разрешении приказчику Е. Ульянову закупить в Ярославле, Костроме и Галиче хлеб для Швеции, недокупленный в 1629 г. // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: сб. док. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 64–65.

27. Правдивое описание нашего далекого путешествия из Москвы через город Тобольск, главный город Сибири, которое я сам совершил, прилежно наблюдая, в 1666 году, в обществе 46 офицеров, для полного осведомления любителей, как это ниже следует // Исторический архив. М.: Изд. АН СССР, 1936. Т. 1. С. 146–147.

28. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 219. Оп. 1.

29. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1.

30. *Рейтенфельс Я.* Сказание о Московии // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 336–401.

31. *Де Родес И.* Донесения королеве Христине из Ревеля 16 октября 1653 г. // Б.Г. Курц. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М.: Изд. Императорского общества истории древностей российских при Московском университете, 1914. С. 157–205.

32. *Сэра Томаса Смита* путешествие и пребывание в России. СПб.: Тип. Балашева и К, 1893. 154 с.

33. Челобитная в Новгородскую приказную палату представителя шведского купечества Д. Валкера, посланного с предложением об организации торговли шведскими товарами в Русском государстве // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: сб. док. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 28.

34. Челобитная шведского резидента И. Меллера в Посольский приказ о возвращении шведским приказчикам К. Демулину и Е. Ульянову конфискованного у них в Ярославле и Архангельске хлеба и о разрешении им дополнительно закупать хлеб // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: сб. док. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 69–71.

35. Челобитная выборжца торгового человека Ф. Геслинга в Новгородскую приказную палату о выдаче его товаров, задержанных в Новгороде, и об отпуске за шведский рубеж // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: сб. док. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 309–310.

36. *Чулошников А.* Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. // Труды ИАИ. Л.: Изд. АН СССР, 1932. Вып. III, ч. 1. С. 61–88.

37. *Устюгов Н.В.* Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII века // Исторические записки. М.: Изд. АН СССР, 1950. Т. 34. С. 166–197.

38. Шаброва О.Г. Ярославль в системе торговых отношений Русского государства в XVII веке (проблемы формирования всероссийского рынка): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. 256 с.

39. Эльзевир из Лейдена. Руссия или Московия. Описание России, изданное в 1630 году, в Голландии // Московский телеграф. 1826. Ч. 7, № 1. С. 237–253.

40. Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 6. Вып. 3, 4. Ярославль: Типолит. Николаевой, 1913. 627 стб.

41. A relation of three embassies from His Sacred Majestie Charles II, to the great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark performed by the Right Hoble the Earle of Carlisle in the years 1663–1664. London, 1669, pp. 107–115.

АГРАФОНОВ ПЕТР ГЕННАДЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Россия, Ярославль (ppeter@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-4334>).

Petr G. AGRAFONOV

**«THIS CITY IS FAMOUS FOR TANNERIES,
SOAP FACTORIES AND GARDEN VEGETABLES...»
(the main directions of Yaroslavl's economic activity
in foreign sources of the XVII century)**

Key words: *foreign authors, Yaroslavl, economic development, XVII century, trade, handicraft trade, crafts, agriculture.*

The relevance of the research is determined by recently increased interest in the late medieval history of Yaroslavl, as well as updating the approaches to the study of this topic. The article represents a review of the news of foreign authors concerning the economy of Yaroslavl in the XVII century. Among the sources considered in the work are trade and administrative documents, travellers' notes, reports of foreign trade representatives, excerpts from scientific works. Not all the authors of the texts used visited Russia personally, but published materials of the foreign origin contain information that complements the image of the city's economic life during this period.

The purpose of the study is a comprehensive characterization of the basic data presented in foreign sources of the XVII century and related to the main directions of the city's economic life. The analysis of these data largely makes it possible to clarify the idea of the city's economic situation and the directions of its economy development.

Materials and methods. Materials for the work – published during the XVII century foreign sources containing reports on the nature of crafts and handicraft, on trade operations. The research uses the method of comparative analysis, systematization, generalization; the principles of objectivity and historical specificity are observed.

Study results. The study analyzes information from foreign sources regarding the economy and development of Yaroslavl's economic sectors during its "golden age". The information provided in such publications is correlated with similar domestic materials. As a result of a comparative analysis of two groups of sources, the author makes a conclusion about the greatest development of the following types of economic activity – tanning industry, flax processing, handicraft metal products finishing, soap making, as well as processing of animal raw materials. On the basis of active development of these local crafts, their products were traded in large volumes – tanned leathers, linen fabrics, soap, metalware. Foreign trade developed rapidly, primarily with Sweden, Holland, England, as well as with the countries of the East. An important place in the trade turnover of Yaroslavl in the XVII century was also occupied by the intermediary trade in grain crops. A comparison of domestic and foreign sources gave us the opportunity to conclude that Yaroslavl was significant as a trade and craft center, which played an important role in the system of Russian trade of the XVII century.

Conclusions. Based on data generalization and a comparative analysis of the materials presented in the work, it can be concluded that the information content and historical representativeness of the sources under consideration significantly complement the characteristics of Yaroslavl economy during this period.

References

1. Bahrushin S.V. *Ocherki po istorii remesla, trgovli i gorodov Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XVI – nachala XVII veka (k voprosu o predposylkakh vserossiiskogo rynka)* [Essays on the history of crafts, trade and cities of the Russian centralized state of the XVI – early XVII century (on the question of the prerequisites of the All-Russian market)]. In: *Nauchnye Trudy, Tom 2* [Scientific works, volume 2]. Moscow, 1952, 380 p.
2. Bushev P.P. *Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnosheii Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1586–1612 gg. (po russkim arkhivam)*. [History of embassies and diplomatic relations of the Russian and Iranian states in 1586–1612 (according to Russian archives)]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 480 p.
3. Videkind Yu. *Istoriya shvedsko-moskovitskoi voiny XVII veka* [The history of the Swedish-Muscovite war of the XVII century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2000, 652 p.
4. Volkov M.Ya. *Remeslennoe i melkotovarnoe proizvodstvo yufti v Rossii vo vtoroi polovine XVI – pervoi polovine XVII veka* [Handicraft and small-scale production of yuft in Russia in the second half of the XVI – first half of the XVII century]. In: *Istoricheskie zapiski. Tom 92* [Historical notes, volume 92]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 215–252.
5. *Vypis' v doklad v Posol'skom prikaze o sbore proezzhei poshliny v Novgorode, Pskove i Tkhvine s tovarov, vvozimykh trgovymi lyud'mi za shvedskii rubezh*. [Write out a report in the Embassy order on the collection of road toll in Novgorod, Pskov and Tikhvin from goods exported by traffickers abroad]. In: *Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya v XVII veke* [Russian-Swedish economic relations in the XVII century]. Moscow, Leningrad, 1960, p. 288.
6. Golovshchikov K. D. *Istoriya goroda Yaroslavl'ya* [History of the city of Yaroslavl]. *Istoriya gubernskogo goroda Yaroslavl'ya* [The history of the provincial city of Yaroslavl]. Yaroslavl, Aleksandr Rutman Publ., 2006, 520 p.
7. Gorsei Dzh. *Zapiski o Rossii XVI-nachalo XVII* [Notes on Russia XVI – early XVII]. Moscow, Zakharov Publ., 1991, 264 p.
8. *Gramota printsa Gendrika Oranskogo k patriarkhu Filaretu Nikitichu, prislannaya po pros'be amsterdamskogo kuptsa Yagana Bernardsa, khodataistvovavshego o vydache emu zhalovannoi gramoty* [The letter of Prince Hendrik of Orange to Patriarch Filaret Nikitich, sent at the request of the Amsterdam merchant Yagan Bernards, who petitioned for the issuance of a letter of merit to him]. In: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Peterburg, 1902, p. CCCXXXVII–CCCXXXVIII.
9. Demkin A. V. *Zapadnoevropeiskoe kupechestvo v Rossii v XVII v. Vyp. 1* [Western European merchants in Russia in the XVII century, issue 1]. Moscow, IRI Publ., 1994, 157 p.
10. *Doneseniya poslannikov respubliki soedinennykh Niderlandov pri russkom dvore. Otchet Al'berta Burkha i logana fan Feldtrilya o posol'stve ikh v Rossiyu v 1630 i 1631 gg. s prilozheniem ocherka snoshenii Moskovskogo gosudarstva s respublikoi soedinennykh Niderlandov do 1631 g.* [Reports of the envoys of the Republic of the United Netherlands to the Russian court. The report of Albert Burch and Johann fan Feldtrill on their embassy to Russia in 1630 and 1631 with an appendix of an essay on relations between the Moscow state and the Republic of the United Netherlands before 1631]. In: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Peterburg, 1902, 243 p.
11. D'yakonov O.P. *Posadskaya obshchina g. Yaroslavl'ya v pervoi polovine XVII veka. Vyp. 9 (19)* [The Posadsky community of Yaroslavl in the first half of the XVII century., issue 9 (19)]. *Uchenye zapiski YaGPI* [Scientific notes of the YAGPI]. Yaroslavl, 1947, pp. 3–20.
12. Ides Izbrant i Brand Adam. *Zapiski o posol'stve v Kitai* [Notes on the Embassy to China]. Moscow, 1967, 464 p.
13. *Iz zapisi peregovorov shvedskogo posla Bengt Gorna v Posol'skom prikaze po voprosam russko-shvedskoi trgovli* [From the recording of negotiations by Swedish Ambassador Bengt Horn in the Embassy Order on Russian-Swedish trade]. In: *Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya v XVII veke* [Russian-Swedish economic relations in the XVII century]. Moscow, Leningrad, 1960, pp. 204–205.
14. *Iz otvetnogo pis'ma shvedskogo posla G. Oksensherna na pis'mo Posol'skogo prikaza ot 30 aprelya 1674 g.* [From the reply letter of the Swedish Ambassador G. Oxenshern to the letter of the Embassy order dated April 30, 1674]. In: *Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya v XVII veke* [Russian-Swedish economic relations in the XVII century]. Moscow, Leningrad, 1960, p. 363.
15. *Iz pis'ma shvedskikh poslov russkomu pravitel'stvu o shvedskikh gostinykh dvorakh v russkikh gorodakh i o porubezhnoi trgovle* [Russian ambassadors' letter to the Russian government about the Swedish living rooms in Russian cities and about the border trade]. In: *Ekonomicheskie svyazi mezhdru Rossiei i Shvetsiei v XVII veke* [Economic relations between Russia and Sweden in the XVII century]. Moscow, Stokgol'm, 1978, pp. 32–33.
16. Kil'burger logann Filipp. *Kratkoe izvestie o russkoi trgovle, kak ona proizvodilas' v 1674 g. vyvoznymi i privoznymi tovarami po vsei Rossii* [A brief account of Russian trade, as it was carried out in

1674 with exported and imported goods throughout Russia]. In: *Sbornik studencheskogo istoriko-etnograficheskogo krugha pri Imperatorskom universitete Sv. Vladimira. Vyp. VI*. [Collection of the student historical and ethnographic circle at the Imperial University of St. Wladimir, issue VI]. Kiev, 1915, pp. 94–109.

17. Korb I.G. *Dnevnik puteshestviya v Moskoviyu (1698 i 1699 gg.)* [Diary of a trip to Muscovy (1698 and 1699)]. St. Peterburg, 1906, pp. 225–250.

18. Koiet B. *Istoricheskii rasskaz ili opisaniye puteshestviya gospodina Kunraada fan-Klenka* [A historical account or description of the journey of Mr. Kunraad fan-Klenk]. In: *Posol'stvo Kunraada fan-Klenka k tsaryam Alekseyu Mikhailovichu i Feodoru Alekseevichu* [The embassy of Kunraad fan-Klenk to Tsars Alexei Mikhailovich and Feodor Alekseevich]. St. Peterburg, Arheograficheskaya komissiya Publ., 1900, 650 p.

19. Lofel'd P.-A. *Kratkie svedeniya o russkoi torgovle (1659–1661)* [Brief information about Russian trade (1659–1661)]. In: *Geografiya Rossii XV–XVIII vv. (po svedeniyam inostrantsev)* [Geography of Russia XV–XVIII centuries. (according to foreigners)]. Leningrad, 1984, pp. 58–61.

20. Neigebauer S. *Moskoviya. Statistiko-geograficheskoe opisaniye Rossiiskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya* [Moscovia. Statistical and geographical description of the Russian state at the beginning of the XVII century]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1936, part 11, pp. 621–623.

21. *Novoe plavanie i otkrytie tsarstva Moskovii po severo-vostochnomu puti v 1553 g., predpriyatoye rytsarem serom Kh. Uilloubi i vypolnennoe Richardom Chenslorom, starshim kormchim plavaniya. Napisano na latinskom yazyke Klimentom Adamsom* [A new voyage and the discovery of the kingdom of Muscovy along the north-eastern route in 1553, undertaken by the knight Sir H. Willoughby and executed by Richard Chancellor, the senior helmsman of the voyage. Written in Latin by Clement Adams]. In: *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in the Muscovite State in the XVI century]. Moscow, Sotcekgiz Publ., 1937, p. 56.

22. *Opisaniye russkoi torgovli s predlozheniem o sposobakh pereneseniya russkoi tranzitnoi torgovli v shvedskie porty v Finskoy zalive sostavlennoe Filippom fon Kruzenshternom* [Description of Russian trade with a proposal on ways to transfer Russian transit trade to Swedish ports in the Gulf of Finland compiled by Philip von Krusenstern]. In: *Ekonomicheskie svyazi mezhdurussiei i Shvetsiei* [Economic relations between Russia and Sweden]. Moscow, 1982, p. 204.

23. Pal'mkvist Erik. *Zametki o Rossii, sdelannye v 1674 godu* [Notes on Russia, made in 1674]. In: *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeiskikh puteshestvennikov i pisatelei. Tom 1. Chast II* [Siberia in the news of Western European travelers and writers, vol. I, part II]. Irkutsk, Kraigiz Publ., 1936, p. 46.

24. *Perechen' zhalob shvedskikh poddannyykh, glavnyim obrazom, kuptsov, na ubytki i obidy, prichinnennye im russkimi kuptsami i vlastyami* [List of complaints of Swedish subjects, mainly merchants, about losses and insults caused to them by Russian merchants and authorities]. In: *Ekonomicheskie svyazi mezhdurussiei i Shvetsiei* [Economic relations between Russia and Sweden]. Moscow, 1982, pp. 397–411.

25. Petr-de-Erlezunda P. *Istoriya o Velikom knyazhestve moskovskom, proiskhozhdenii velikikh russkikh knyazei, nedavnikh smutakh, proizvedennykh tam tremya Lzhedmitriyami i o moskovskikh zakonakh, nrvakh, pravlenii, vere i obryadakh* [The story of the Grand Duchy of Moscow, the origin of the great Russian princes, the recent troubles caused there by three False Dmitriy and about Moscow's laws, customs, government, faith and rituals]. In: *O nachale voyn i smut v Moskovii* [About the beginning of wars and troubles in Muscovy]. Moscow, Rita-Print Publ., 1997, 554 p.

26. *Pis'mo shvedskogo posla A. Moniera v Posol'skii prikaz s pros'boi o razreshenii prikazchiku E. Ul'yanovu zakupit' v Yaroslavle, Kostrome i Galiche khleb dlya Shvetsii, nedokuplennyi v 1629 g.* [Letter from the Swedish Ambassador A. Monier to the Embassy order with a request for permission to the clerk E. Ulyanov to purchase bread for Sweden in Yaroslavl, Kostroma and Galich, which was not purchased in 1629]. In: *Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya v XVII veke* [Russian-Swedish economic relations in the XVII century]. Moscow, Leningrad, 1960, pp. 64–65.

27. *Pravdivoe opisaniye nashogo dalekogo puteshestviya iz Moskvyy cherez gorod Tobol'sk, glavnyi gorod Sibiri, kotoroe ya sam sovershil, prilezhno nablyudaya, v 1666 godu, v obshchestve 46 ofitserov, dlya polnogo osvedomleniya lyubiteli, kak eto nizhe sleduet* [A true description of our long journey from Moscow through the city of Tobolsk, the main city of Siberia, which I myself made, diligently observing, in 1666, in the company of 46 officers, for the complete information of amateurs, as follows]. *Istoricheskii arkhiv Tom 1*. [Historical Archive, vol. 1]. Moscow, 1936, pp. 146–147.

28. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnih aktov. Fond 219. Opis' 1* [The Russian State Archives of Ancient Acts. Archive 219. Anagraph 1].

29. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnih aktov. Fond 396. Opis' 1* [The Russian State Archives of Ancient Acts. Archive 396. Anagraph 1].

30. Reitenfel's Ya. *Skazanie o Moskovii* [The Legend of Muscovy]. In: *Utverzhenie dinastii* [Affirmation of the Dynasty]. Moscow, Rita-Print Publ., 1997, pp. 336–401.

31. De Rodes logann. *Doneseniya koroleve Khristine iz Revelya 16 oktyabrya 1653 g.* [Reports to Queen Christina from Reval on October 16, 1653]. In: B.G. Kurts. *Sostoyaniye Rossii v 1650–1655 gg. po*

doneseniyam Rodesa [B.G. Kurtz. The state of Russia in 1650–1655 according to the reports of Rhodes]. Moscow, 1914, pp. 157–205.

32. *Sera Tomasa Smita puteshestvie i prebyvanie v Rossii* [Sir Thomas Smith's journey and stay in Russia]. St. Peterburg, 1893, 154 p.

33. *Chelobitnaya v Novgorodskuyu prikaznuyu palatu predstavatelya shvedskogo kupechestva D. Valkera, poslannogo s predlozheniem ob organizatsii trgovli shvedskimi tovarami v Russkom gosudarstve* [A petition to the Novgorod Chamber of Orders from the representative of the Swedish merchant class, D. Valker, sent with a proposal to organize trade in Swedish goods in the Russian state]. In: *Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya v XVII veke* [Russian-Swedish economic relations in the XVII century]. Moscow, Leningrad, 1960, p. 28.

34. *Chelobitnaya shvedskogo rezidenta I. Mellera v Posolskii prikaz o vozvrashchenii shvedskim prikazchikam K. Demulinu i E. Ul'yanovu konfiskovannogo u nikh v Yaroslavle i Arkhangel'ske khleba i o razreshenii im dopolnitel'no zakupat' khleb* [The petition of the Swedish resident I. Meller to the Embassy order on the return of the bread confiscated from them in Yaroslavl and Arkhangel'sk to the Swedish clerks K. Demulin and E. Ulyanov and on permission for them to additionally purchase bread]. In: *Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya v XVII veke* [Russian-Swedish economic relations in the XVII century]. Moscow, Leningrad, 1960, pp. 69–71.

35. *Chelobitnaya vyborzhitsa torgovogo cheloveka F. Geslinga v Novgorodskuyu prikaznuyu palatu o vydache ego tovarov, zaderzhannykh v Novgorode, i ob otpuske za shvedskii rubezh* [Petition of the merchant of Vyborg F. Gesling to the Novgorod Chamber of Orders for the extradition of his goods detained in Novgorod and for leave abroad]. In: *Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya v XVII veke* [Russian-Swedish economic relations in the XVII century]. Moscow, Leningrad, 1960, pp. 309–310.

36. Chuloshnikov A. *Torgovlya s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoe polozhenie Srednei Azii v XVI–XVII vv.* [Trade with the Moscow state and the international situation of Central Asia in the XVI–XVII centuries.]. Leningrad, 1932, pp. 61–88.

37. Ustyugov N.V. *Remeslo i melkoe tovarnoe proizvodstvo v Russkom gosudarstve XVII veka* [Craft and small-scale commodity production in the Russian state of the XVII century]. *Istoricheskie zapiski. Tom 34* [Historical notes, volume 34]. Moscow, 1950, pp. 166–197.

38. Shabrova O.G. *Yaroslavl' v sisteme torgovykh otnoshenii Russkogo gosudarstva v XVII veke (problemy formirovaniya vserossiiskogo rynka): dis. ... cand. ist. nauk.* [Yaroslavl in the system of trade relations of the Russian state in the XVII century (problems of formation of the All-Russian market)]. Cand. Diss.]. Yaroslavl, 1998, 256 p.

39. El'zevir iz Leidena. *Russiya ili Moskoviya. Opisanie Poccii, izdannoe v 1630 godu, v Gollandii* [Russia or Muscovy. Description of Russia, published in 1630, in Holland]. *Moskovskii telegraf*, 1826, part 7, no. 1, pp. 237–253.

40. *Yaroslavskie pistsovye, dozornye, mezhevye i perepisnye knigi XVII v.* [Yaroslavl scribal, sentinel, boundary and census books of the XVII century]. In: *Trudy Yaroslavskoi gubernskoi uchenoj arkhivnoi komissii. Kniga. 6. Vyp. 3, 4* [Proceedings of the Yaroslavl provincial Scientific Archival Commission, book 6, issue 3,4]. Jaroslav, 1913.

41. A relation of three embassies from His Sacred Majestie Charles II, to the great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark performed by the Right Hoble the Earle of Carlisle in the years 1663–1664. London, 1669, pp. 107–115.

PETER G. AGRAFONOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinski, Russia, Yaroslavl (ppeter@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-4334>).

Формат цитирования: Аграфонов П.Г. «Город сей славится кожевенными, мыльными заводами и огородными овощами...» (основные направления хозяйственной деятельности Ярославля в иностранных источниках XVII века) // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 5–20. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-5-20.

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-21-30

УДК 93/94+341.39
ББК 63.1(2)64

Н.П. БУЧКО

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА БЕЛЫХ РЕЖИМОВ В РЕШЕНИЯХ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КОМИССАРИАТА ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

***Ключевые слова:** Гражданская война в России, антибольшевистские силы, Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское правительство, военная политика.*

Формирование и реализация военной политики имеют важнейшее значение в контексте создания государства. В этом отношении необходимо отметить важность обращения к историческому опыту в данном вопросе, коим и являются события Гражданской войны в России. Представляется определенно значимой оценка проводимой антибольшевистскими силами военной политики на примере решений Западно-Сибирского комиссариата в контексте процесса ее складывания на основе выработавшейся идеологической составляющей противников советской власти. Это позволит рассмотреть механизмы формирования военной политики, как элемента функционирования политического режима и инструмента, обеспечивающего безопасность государства.

***Цель исследования** – анализ решений Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства по вопросам формирования и реализации военной политики, рассмотрение принимаемых Комиссариатом решений в условиях складывания структуры власти, при военно-политическом противостоянии в России на рубеже второго десятилетия XX в.*

***Материалы и методы.** Основным источником работы являются архивные документы, материалы периодической печати и официальные издания Западно-Сибирского комиссариата. В исследовании применялись методы контент-анализа, синтеза и систематизации на основе принципов историзма, объективности, системности и конкретности.*

***Результаты исследования.** С учетом анализа исторических документов и материалов, раскрывающих деятельность Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства, дана оценка принимаемых им решений в области военной политики, сгруппированы ее основные направления. Полученные результаты позволили определить основные принципы реализуемой Западно-Сибирским комиссариатом военной политики, выделить ее системность и определенную преемственность ее содержания относительно дореволюционных устоев.*

***Выводы.** Принимаемые и реализуемые Западно-Сибирским комиссариатом решения в рамках формируемой военной политики были направлены на создание вооруженной силы, способной противостоять установившейся в регионе после Октября 1917 г. советской власти. Стоявшую задачу Западно-Сибирский комиссариат решал на новых принципах формирования армии, которая впоследствии стала основой для складывания основных антибольшевистских сил на востоке России.*

Введение. Несмотря на более чем вековой период со времени прошедшей в России Гражданской войны, ее история еще не в полной мере нашла свое отражение в объективных исследованиях ученых. Причиной этого является, наряду со скудностью документальных источников, наличие идеологической составляющей в оценках произошедшего, что, в свою очередь, не дает действительно объективной, основанной на принципе историзма картины имевшего место военно-политического противостояния. Принимая во внимание содержание и ход исторических действий исследуемого периода, представляется достаточно важным рассмотрение вопроса о процессе формирования противоборствовавшими в Гражданской войне сторонами проводимой ими военной политики, ее принципах и характере.

Среди властных структур, формировавшихся в антибольшевистском лагере в годы Гражданской войны на востоке России, ведущее место занимает Западно-Сибирский комиссариат (ЗСК). Сформированный в середине февраля 1918 г. он был первой попыткой создания органов власти, которые стали альтернативой власти Советов, руководимых большевиками.

Принимая во внимание, что в сложившихся условиях решающее значение в наметившемся противоборстве будет иметь наличие военной силы, Комиссариат одной из главных задач ставил создание армии, способной противостоять сторонникам большевиков и их воинским формированиям. В этом вопросе ЗСК фактически стоял у основания создания Западно-Сибирской отдельной армии, формирование которой было важной, но лишь одной из составляющих реализуемой военной политики.

Анализ принятых Комиссариатом решений в контексте формируемой военной политики позволит дать оценку ее содержания и характера в рамках реализуемой антибольшевистской власти полномочий.

Изучение истории ЗСК Временного Сибирского правительства (ВСП) нашло свое отражение в исторических исследованиях. Историки анализировали процесс создания ЗСК, его идеологическую направленность, характер проводимой внутренней политики, содержание законодательной деятельности, но не рассматривали вопросы о характере и содержании военной политики, которую проводил Комиссариат в условиях как внешнего, со стороны большевиков, так и внутреннего, со стороны различных политических сил в антибольшевистском лагере, давления. Исследование обозначенной проблемы позволяет получить более полное представление о действиях властных структур в период военно-политической нестабильности.

Цель исследования. С опорой на архивные материалы, материалы официальных изданий и периодической прессы предпринята попытка проанализировать характер принимаемых ЗСК решений, ориентированных на выстраивание военной политики, основные направления которой реализовывались в ходе Гражданской войны на востоке России.

Материалы и методы. Постановления ЗСК нашли свое отражение в официально издаваемых им сборниках и периодических изданиях того периода, часть из которых сегодня хранится в архивах, и стали основой для работы над статьей. Изучение деятельности Комиссариата потребовало рассмотрения трудов авторов, которые обращались к истории его существования, но не уделили должного внимания характеру и содержанию принимаемых им решений в области военной политики. Задачи, поставленные в ходе настоящего исследования, были реализованы посредством контент-анализа документов и материалов, а также синтеза и путем систематизации полученных данных, опираясь на принципы историзма, объективности, системности и конкретности.

Результаты исследования. Вопросы истории становления и деятельности ЗСК, как одного из первых антибольшевистских правительств на востоке страны, стали важнейшими в контексте исследования истории Гражданской войны в России. Образованный по решению ВСП в Томске в середине февраля 1918 г. ЗСК включал представителей партии эсеров как уполномоченный правительством орган. В условиях нелегальной работы Комиссариат фактически координировал деятельность подпольных антибольшевистских организаций на территории Западной Сибири. Уже после свержения власти большевиков, опираясь на части Чехословацкого корпуса и формируемые вооруженные

силы – Западно-Сибирскую отдельную армию, Комиссариат вплоть до передачи легальной власти ВСП действовал как высший орган власти. Для своей работы ЗСК сформировал отделы, что во многом обеспечило преемственность власти.

История создания и функционирования ЗСК нашла свое отражение как в воспоминаниях участников тех событий, так и трудах исследователей. Одним из первых о работе ЗСК рассказал Г.К. Гинс, который с середины 1918 г. стал управляющим делами Комиссариата, а в последующем был в этих же полномочиях в составе ВСП [3. С. 86–101]. Уделив внимание декларативным заявлениям ЗСК, формированию его деятельности и составу, Гинс охарактеризовал и проводимую им политику, отметив в ней нерешительность и склонность к коллективизму [3. С. 93]. К истории ЗСК обращался и отечественный историк эмигрант С.П. Мельгунов [13. С. 85–87]. Советская историческая наука также не обошла своим вниманием ЗСК. Среди исследований того периода выделяются работы В.В. Гармизы, С.Г. Лившица [2, 10, 11] и др. Больше внимания истории ЗСК уделила современная отечественная историческая наука, где среди исследований представляют несомненный интерес работы В.В. Журавлева, Н.С. Ларькова, Е.В. Лукова, М.В. Шиловского, Л.А. Шиканова [7, 9, 12, 23, 24] и др. Вопросы истории ЗСК, проведенной им законодательной деятельности рассматриваются в исследованиях Е.В. Лукова и Л.А. Шиканова [12, 23]. Примечательно, что в работе Е.В. Лукова была отмечена деятельность ЗСК по созданию армии [12. С. 159]. Необходимо выделить и исследования В.И. Шишкина [25, 26, 27]. В контексте рассматриваемой проблемы важно сказать о проведенной им колоссальной работе по подготовке и изданию сборников документов по истории и деятельности ЗСК [1, 8].

В исследовании деятельности ЗСК ВСП по формированию военной политики важное значение имеют материалы архивных фондов и периодической печати¹.

Историографический анализ рассматриваемой проблемы позволяет отметить, что история формирования и деятельности ЗСК ВСП нашла свое отражение в работах ученых, однако вместе с тем в трудах отсутствует детальное исследование деятельности Комиссариата в вопросе формирования военной политики новой власти.

Важнейшим в деятельности ЗСК ВСП по формированию военной политики был вопрос о создании армии и ее функционировании. Уже на первом заседании 26 мая 1918 г. в Новониколаевске члены ЗСК обратились к нему. В принятом решении определялся добровольный характер формирования войск. По всей видимости, вторя своей партийно-политической традиции, члены ЗСК первоначально предложили именовать армию «народной милицией» [6. Л. 2]. Важным вопросом была и поддержка всех добровольцев, вступивших в армию. По решению Комиссариата, все финансовые расходы по оплате военной службы брало на себя правительство, при этом за военными сохранялись рабочие места на предприятиях и учреждениях по прежнему месту работы [6. Л. 6]. Для приема добровольцев на местах создавались отделы по формированию армии [19].

¹ В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) представлен фонд «Р-176. Совет министров Российского правительства. Омск». В фондах Российского государственного военного архива (РГВА) представлен фонд «Ф. 39617. Штаб Западно-Сибирской (Сибирской) армии».

ЗСК ВСП обращался к вопросам повседневной деятельности войск. На заседании от 14 июня 1918 г. Комиссариат первые четыре вопроса посвятил армии. Среди них были обсуждены проблемы утверждения различных норм довольствия, создания военного совета, выдачи пособий семьям офицеров и организации военного отдела в составе Комиссариата [6. Л. 13]. В качестве финансовой поддержки семей офицеров им предписывалось выдавать по 100 руб. в месяц.

И в дальнейшем ЗСК продолжал рассматривать вопросы обеспечения войск. На заседании 20 июня 1918 г. одной из обсуждаемых позиций было продовольственное снабжение армии [6. Л. 18].

Совершенствовалась и система военного управления ЗСК. Постановлением того же дня функции военного отдела Комиссариата были возложены на штаб Западно-Сибирского военного округа, при этом функции заведующего отделом передавались командующему войсками округа.

В обращении от 1 июня 1918 г. «Ко всему населению Западной Сибири» ЗСК был декларирован отказ от партийной и классовой составляющих при создании армии и формировании ее на основе идеи народовластия. При этом отмечалась недопустимость создания каких-либо воинских структур, не подчиненных ВСП [4]. В тот же день Комиссариат подписал приказ о мобилизации. Документ предлагал всем отставным офицерам, военным специалистам и служащим вступить в состав Сибирской армии на правах добровольцев. При этом упоминалась обязательная мобилизация офицерского состава для обеспечения армии достаточным числом военных специалистов [5]. К вопросу комплектования войск ЗСК обращается в начале лета 1918 г., когда 1 июня в Новониколаевске принял «Временные условия формирования сибирских добровольческих полков в Западно-Сибирском военном округе» [14]. Документ определял, что в Сибирскую добровольческую армию принимались все граждане не моложе 18 лет, «незапятнанные нравственно и изъявившие искреннюю готовность преданно служить идее народовластия». Для службы определялся срок в 6 месяцев; при этом он мог быть и уменьшен и должен был строго определяться при поступлении в армию. Устанавливался размер жалования, обмундирования и содержания. Регулировался и вопрос на случай потери трудоспособности или смерти военнослужащего. Необходимо отметить, что на службе, особенно в строю, устанавливалась строгая воинская дисциплина, а вне строя все объявлялись равными гражданами.

Интересно заметить, что мобилизация, проводимая ЗСК, коснулась и союзников – чехословаков. Приказом Комиссариата от 10 июня 1918 г. для всех чехословаков, находившихся на территории, занятой войсками ВСП, объявлялась всеобщая мобилизация в рабочие батальоны, а содействие этой мобилизации возлагалось на военный отдел ЗСК [20].

В вопросе мобилизации в армию Комиссариат важное значение отводил агитационной работе. На заседании от 17 июня 1918 г. процедуру подбора агитаторов, избрание механизмов и способов агитации он отнес в ведение гражданской власти, в то время как инструктирование агитаторов, создание агитационных центров Степного и Средне-Сибирского корпусов в составе Западно-Сибирской армии предписывались военному ведомству [6. Л. 15].

ЗСК предпринимал шаги по упорядочению деятельности комиссариатов на местах. Одной из важнейших их функций было содействие по формированию добровольческой Сибирской армии ВСП [21. С. 5–6].

В создании армии ВСП остро встал национальный вопрос, касаемый призыва в нее представителей различных национальностей, с учетом развала некогда единого государства. Постановлением от 18 июня 1918 г. ЗСК решил эту проблему [22. С. 114–115]. В соответствии с Постановлением Комиссариата предписывалось, что призыву в ряды Сибирской армии подлежат все проживающие на контролируемой правительством территории офицеры русской армии; офицеры-украинцы, латыши, литовцы и представители других национальностей, являвшиеся гражданами Российской республики и как таковые, не подлежали освобождению от призыва в армию. Это обосновывалось тем, что Украина, Литва, Латвия и др. области России не представляют собою самостоятельных государств. При этом призыву в ряды Сибирской армии не подлежали офицеры-финляндцы, как не несущие воинской повинности вообще, а также офицеры-поляки, состоящие на службе в польских легионах. Документом указывалось на необходимость проведения разъяснительной работы среди всех офицеров армии в отношении того, что они все подлежат призыву в ряды Сибирской армии, за исключением финляндцев и поляков-легионеров, по основаниям, указанным в постановлении.

Существенной составляющей в деятельности ЗСК было принятие решений по руководству воинскими формированиями. Одним из первых решений было назначение Н.В. Фомина в руководство военными силами [6. Л. 4]. Военное направление Фомин возглавил, будучи членом партии эсеров, с занятием должности заведующего секретариатом военного отдела. Решением от 4 июня 1918 г. Фомин был назначен заведующим образованного в составе ЗСК ВСП военного отдела [17. С. 11–12]. На заседании Комиссариата 10 июня 1918 г. Н.В. Фомин докладывал присутствующим его членам об организации в составе отдела двух частей. Во главе военной части был командующий, вторую возглавлял он сам. В его подчинении были начальник снабжения и начальник санитарной части [6. Л. 12].

В Новониколаевске 28 мая 1918 г. был подписан приказ № 1 войскам Западно-Сибирского военного округа, которым заверивший его один из руководителей антисоветского подполья в западной Сибири подполковник А.Н. Гришин-Алмазов объявил себя командующим [Омский вестник]. Деятельность Гришина-Алмазова в качестве одного из военных руководителей была направлена на формирование командных структур армии, создаваемой под эгидой представительства ВСП в Западной Сибири. Его приказом как руководителя военного отдела от 13 июня 1918 г. определялись состав органов управления Западно-Сибирского военного округа и структура Западно-Сибирской армии [16. Л. 18].

Одной из приоритетных задач стала разработка комплекса мер по обеспечению безопасности после прихода к власти. С момента прихода к власти ЗСК в Новониколаевске этот вопрос решался путем усиления патрульной службы и назначения руководства военными силами [6. Л. 3]. Уже 28 мая 1918 г. город, по распоряжению Комиссариата, был объявлен на военном положении, что ограничивало свободу собраний. В конце мая 1918 г. такое же решение было принято и начальником томского гарнизона [18].

Для обеспечения безопасности действенные шаги предпринимало командование войск. Своим приказом от 30 мая 1918 г. Гришин-Алмазов требовал прибытия в Военный городок в штаб Новониколаевского Сибирского полка всех офицеров, военных чиновников и добровольцев, не стоявших в караулах,

для разбивки по полкам, что обеспечивало вопрос укомплектования частей гарнизона [15].

В целях сохранения внутреннего порядка в городах и селах ЗСК циркуляром от 31 мая 1918 г. «всем самоуправлениям» рекомендовал организовывать из местного населения отряды, а за руководством ими или в случае необходимости военной силы обращаться непосредственно в Комиссариат в Новониколаевск [18].

К обеспечению безопасности на местах ЗСК рассчитывал привлекать и местную общественность. В этих целях на заседании 20 июня 1918 г. был рассмотрен вопрос о создании [боевых] дружин общественными организациями. Комиссариат поручил военному отделу составить проект единого для всей территории Западной Сибири документа, устанавливавшего порядок взаимодействия военных властей и общественных организаций в этом деле [6. Л. 18].

В контексте обеспечения безопасности на территориях ЗСК уделял внимание взаимодействию военных структур и органов местного самоуправления. Решением от 27 июня 1918 г. определялось, что милиция на местах обязана оказывать содействие военным властям [6. Л. 19].

Одной из важнейших составляющих военно-политического противостояния в годы Гражданской войны был контроль за железнодорожной магистралью – Транссибом. Этот вопрос в контексте обеспечения транспортного сообщения в интересах военных с первого дня был на контроле ЗСК. Решением от 27 мая 1918 г. караул по охране железнодорожного моста через Обь в Новониколаевске был передан под контроль чехословацких частей [6. Л. 3].

В содержании военной политики ЗСК ВСП были и вопросы межгосударственного характера. Таковым был «Меморандум военно-политического руководства Западной Сибири дипломатическому представителю Северо-Американских Соединенных Штатов» от 12 июня 1918 г. В документе наряду с дежурными фразами о легитимности власти, ее ориентации на созыв Учредительного собрания, приверженности свободе, отмечалось, что власть создает армию на добровольческих началах на основе строгой дисциплины по образцу Западной Европы, стоящей вне классов и политики [16. Л. 10].

Деятельность ЗСК завершилась 30 июня 1918 г., когда он передал свои полномочия ВСП, которым был создан Совет министров во главе с П.В. Вологодским [21. С. 6–7].

Проведенное исследование позволяет расширить исторический анализ функционирования органов власти в условиях военно-политической нестабильности, дает представление о механизмах и приемах ее деятельности.

Изучение военной политики белых режимов в целом и ее характера в решениях ЗСК ВСП в годы Гражданской войны в России в частности позволит более детально обратиться к оценке роли военной силы в деятельности политических режимов антибольшевистских сил на востоке России в контексте оценки результатов военно-политического противостояния в стране, возникшего в условиях кризиса власти.

Выводы. ЗСК ВСП стал фактически первым органом власти на востоке России, который ставил перед собой задачу свержения власти Советов и создания новой структуры, которая отвечала бы интересам и планам антибольшевистских сил в регионе. Одной из важнейших составляющих формировавшейся политики было обеспечение выполнения стоявших задач путем выработки

принципов организации военной силы, способной противостоять сторонникам советской власти. С самого начала своей деятельности ЗСК определил эти принципы, важнейшим из которых был принцип «добровольчества». Он декларировался повсеместно, однако уже с самого начала создания армии ВСП власти под различными предлогами прибегали к использованию процедуры мобилизации.

Вопросы военного характера практически не сходили с повестки дня работы Комиссариата. В формировании военной политики ЗСК направлял свои усилия на обеспечение войск, создание стройной организационной структуры, в основу которой ставились все же те основания, которыми пользовалась армия дореволюционной России.

За свой непродолжительный срок функционирования ЗСК лишь приступил к формированию военной политики режима, но заложенный им фундамент во многом использовался последующими властными органами при определенной корректировке.

Литература и источники

1. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. С. 33–98.
2. *Гармица В.В.* Крушение эсеровских правительств. М.: Мысль, 1970. 294 с.
3. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории (1918–1922 гг.): Впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин: Типолитография русской духовной миссии, 1921. Т. 1, ч. 1. 325 с.
4. Голос народа. 1918. 4 июня.
5. Голос народа. 1918. 5 июня.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1.
7. *Журавлев В.В.* Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 3–30.
8. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: (26 мая – 30 июня 1918 г.). Сб. документов и материалов / сост., отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Новосибирск. гос. ун-т, 2005. 246 с.
9. *Ларьков Н.С.* Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1996. № 2. С. 24–30.
10. *Лившиц С.Г.* К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы истории СССР. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. С. 69–93.
11. *Лившиц С.Г.* Крах «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 87–98.
12. *Луков Е.В.* Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по изучению внутренней политики сибирской контрреволюции (июнь–ноябрь 1918 г.) // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГГУ, 1999. Т. II. С. 156–163.
13. *Мельгунов С.П.* Трагедия Адмирала Колчака. Ч. 1. Восточный фронт Гражданской войны. Белград: [Рус. тип.], 1930. 238 с.
14. Омский вестник. 1918. 16 июня.
15. Приказ № 2 войскам Западно-Сибирского военного округа Сибирского Временного правительства. Новоиколаевск: Городская типография, 1918.
16. Российский государственный военный архив. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 1.
17. Светлой памяти Нила Валериановича Фомина // Сибирская кооперация. Ежемесячный журнал. 1919. № 1. С. 1–13.
18. Сибирская жизнь. 1918. 1 июня.
19. Сибирская жизнь. 1918. 11 июня.
20. Сибирская жизнь. 1918. 16 июня.
21. Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами комиссариата. 28 июня 1918 г. – 30 июня 1918 г. № 1, отдел первый. [Томск: б. и.], 1918. 16 с.
22. *Чеховских К.А.* Сборник документов по истории революций и Гражданской войны в Западной Сибири 1917–1921 гг. по дисциплине «Отечественная история». Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. 261 с.

23. Шиканов Л.А. Первое контрреволюционное сибирское правительство // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал: Scientific-Theoretical & Applied Science. 2014. № 9(47). С. 199–203.

24. Шиловский М.В. Новоиколаевск как столица «белой» Сибири (к истории Западно-Сибирского комиссариата) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области: сб. науч. тр., посв. 60-летию Новосиб. обл. Новосибирск: Изд-во СО РАН: НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 103–111.

25. Шишкин В.И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 103–119.

26. Шишкин В.И. Журналы заседаний Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства (июнь 1918 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2005. № 11. С. 291–303.

27. Шишкин В.И. Российская историография Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв.: материалы VI Всерос. науч. конф. (22–24 марта 2006 г.). Новосибирск: НГУЭУ, 2006. С. 71–83.

БУЧКО НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, Россия, Хабаровск (buchko65@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3816-8672>).

Nikolai P. BUCHKO

THE MILITARY POLICY OF THE WHITE REGIMES IN THE DECISIONS OF THE WEST SIBERIAN COMMISSARIAT OF THE PROVISIONAL SIBERIAN GOVERNMENT DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR

Key words: *The Russian Civil War, anti-Bolshevik forces, the West Siberian Commissariat, the Provisional Siberian Government, military policy.*

The formation and implementation of military policy is of paramount importance in the context of state building. In this regard, it is necessary to note the importance of referring to historical experience in this matter, such as the events of the Russian Civil War. An assessment of the military policy pursued by the anti-Bolshevik forces on the example of the decisions of the West Siberian Commissariat in the context of the process of its formation on the basis of the ideological component of the opponents of the Soviet regime seems to be definitely significant. This will allow us to consider the mechanisms for the formation of military policy as an element of the functioning of the political regime and an instrument that ensures the security of the state.

The purpose of the study is to analyze the decisions made by the West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government on the issues of forming and implementing the military policy, to consider the decisions made by the Commissariat in the context of power structure formation, under the conditions of military-political confrontation in Russia at the turn of the second decade of the XX century.

Materials and methods. *The main source of the work is archival documents, periodicals and official publications of the West Siberian Commissariat. The research used the methods of content analysis, synthesis and systematization based on the principles of historicism, objectivity, consistency and concreteness.*

Study results. *Taking into account the analysis of historical documents and materials revealing the activities of the West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government, its decisions in the field of military policy are assessed, its main directions are grouped. The results obtained made it possible to determine the basic principles of the military policy implemented by the West Siberian Commissariat, to point up its consistency and a certain continuity in its content relative to pre-revolutionary foundations.*

Conclusions. *The decisions taken and implemented by the West Siberian Commissariat within the framework of the emerging military policy were aimed at creating an armed force capable of resisting the Soviet power established in the region after October 1917. The West Siberian Commissariat solved the task on the basis of new principles of army formation, which later became the basis to form the main anti-Bolshevik forces in the east of Russia.*

References

1. Shishkin V.I., comp., ed. *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.)*. *Sbornik dokumentov i materialov* [The Provisional Siberian Government (26 May – 3 November 1918)]. Novosibirsk, 2007, pp. 33–98.
2. Garmiza V.V. *Krushenie eserovskikh pravitel'stv* [The collapse of the Socialist Revolutionary]. Moscow, Mysl' Publ., 1970, 294 p.
3. Gins G.K. *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povоротnyi moment russkoi istorii (1918–1922 gg.): Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva* [Siberia, the Allies and Kolchak. The turning point of Russian history (1918–1922): Impressions and thoughts of a member of the Omsk government]. Pekin, 1921, vol. 1, iss. 1, 325 p.
4. *Golos naroda*, 1918, June 4.
5. *Golos naroda*, 1918, June 5.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond. R-176. Opis'. 5. D. 1* [The State Archive of the Russian Federation. Archive R-176. Anagraph 5. Document 1].
7. Zhuravlev V.V. *Organy gosudarstvennoi vlasti sibirskoi kontrrevolyutsii (oktyabr' 1917 – noyabr' 1918 g.): ot «avtonomnoi Sibiri» k «vozrozhdennoi Rossii»* [State authorities of the Siberian counter-revolution (October 1917 – November 1918): from "autonomous Siberia" to "revived Russia"]. In: *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the 20 century]. Novosibirsk, 1997, vol. 1, pp. 3–30.
8. Shishkin V.I., comp., ed. *Zapadno-Sibirskii komissariat Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva: (26 maya – 30 iyunya 1918 g.)*. *Sb. dokumentov i materialov* [West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government: (26 May – 30 June 1918)]. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 2005, 246 p.
9. Lar'kov N.S. *Antisovetskii perevorot v Sibiri i problema vlasti v kontse vesny – letom 1918 g.* [The Anti-Soviet Coup in Siberia and the Problem of Power in the Late Spring – Summer of 1918]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser. Otechestvennaya istoriya*, 1996, no. 2, pp. 24–30.
10. Livshits S.G. *K istorii Zapadno-Sibirskogo komissariata* [To the history of the West Siberian Commissariat]. In: *Voprosy istorii SSSR* [Issues of the History of the USSR]. Barnaul, Altai Book Publ., 1974, pp. 69–93.
11. Livshits S.G. *Krakh «Vremennogo pravitel'stva avtonomnoi Sibiri»* [The collapse of the «Provisional Government of Autonomous Siberia»]. *Voprosy istorii*, 1974, no. 8, pp. 87–98.
12. Lukov E.V. *Zakonodatel'nye akty Zapadno-Sibirskogo komissariata i Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva kak istochnik po izucheniyu vnutrennei politiki sibirskoi kontrrevolyutsii (iyun'-noyabr' 1918 g.)* [Legislative acts of the West Siberian Commissariat and the Provisional Siberian Government as a source for studying the internal policy of the Siberian counter-revolution (June-November 1918)]. In: *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov: materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. 120-letiyu Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proc. of the Russ. Sci. Conf. devoted to the 120th anniversary of Tomsk State University]. Tomsk, 1999, vol. II, pp. 156–163.
13. Mel'gunov S.P. *Tragediya Admirala Kolchaka. Ch. 1: Vostochnyi front Grazhdanskoj vojny* [The tragedy of Admiral Kolchak. Part 1: Eastern Front of the Civil War]. Belgrad, 1930, 238 p.
14. *Omskii vestnik*, 1918, June 16.
15. *Prikaz № 2 voiskam Zapadno-Sibirskogo voennogo okruga Sibirskogo Vremennogo pravitel'stva* [Order Number 2 to the troops of the West Siberian Military District of the Siberian Provisional Government]. Novonikolaevsk, City Printing Office, 1918.
16. *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond. 39617. Opis'. 1. D. 1* [The Russian State Military Archive. Archive. 39617. Anagraph 1. Document 1].
17. *Svetloi pamyati Nila Valerianovicha Fomina* [To the glowing memory of Neil Valerianovich Fomin]. *Sibirskaya kooperatsiya. Ezhemesyachnyi zhurnal*, 1919, no. 1, pp. 1–13.
18. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, June 1.
19. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, June 11.
20. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, June 16.
21. *Sobranie postanovlenii i rasporyazhenii Zapadno-Sibirskogo komissariata Sibirskogo Vremennogo pravitel'stva, izdavaemoe upravleniem delami komissariata. 28 iyunya 1918 g. – 30 iyunya 1918 g. № 1, otdel pervyi* [Collection of resolutions and orders of the West Siberian Commissariat of the Siberian Provisional Government, issued by the Commissariat's Department of Affairs. 28 June 1918. – 30 June 1918, No. 1, Section One]. Tomsk, 1918, 16 p.
22. Chekhovskikh K.A. *Sbornik dokumentov po istorii revolyutsii i Grazhdanskoj vojny v Zapadnoi Sibiri 1917–1921 gg. po distsipline «Otechestvennaya istoriya»*. [Collection of documents on the history of revolutions and the Civil War in Western Siberia 1917–1921 in the discipline "National History"]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publishing House, 2010, 261 p.
23. Shikanov L.A. *Pervoe kontrrevolyutsionnoe sibirskoe pravitel'stvo* [The first counter-revolutionary Siberian government]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya*

i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: Nauchno-teoreticheskii i prikladnoi zhurnal, 2014, vol. 9(47), pp. 199–203.

24. Shilovskii M.V. *Novonikolaevsk kak stolitsa «beloi» Sibiri (k istorii Zapadno-Sibirskogo komissariata)* [Novonikolaevsk as the capital of "white" Siberia (to the history of the West Siberian Commissariat)]. In: *Voprosy kraevedeniya Novosibirska i Novosibirskoi oblasti: Sb. nauch. tr., posvyashch. 60-letiyu Novosib. obl.* [Issues of local history of Novosibirsk and Novosibirsk region. Collection of scientific papers dedicated to the 60th anniversary of the Novosibirsk Region]. Novosibirsk, 1997, pp. 103–111.

25. Shishkin V.I. *Zapadno-Sibirskii komissariat Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva: diskussionnye voprosy organizatsii i deyatelnosti* [West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government: Discussion Issues of Organisation and Activities]. In: *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI – nachale XXI v.: materialy VII Vseros. nauch. konf. (Novosibirsk, 6–8 iyunya 2011 g.)*. [Proc. VIIth Rus. Conf. (Novosibirsk, 6–8 January 2011)]. Novosibirsk, Nonpareil Publ., 2011. pp. 103–119.

26. Shishkin V.I. *Zhurnaly zasedanii Zapadno-Sibirskogo komissariata Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (iyun' 1918 g.)* [Journals of meetings of the West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government (June 1918)]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*, 2005, no. 11, pp. 291–303.

27. Shishkin V.I. *Rossiiskaya istoriografiya Zapadno-Sibirskogo komissariata Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva* [Russian historiography of the West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government]. In: *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri XVI–XXI vv.: materialy VI Vseros. nauch. konf. (22–24 marta 2006 g.)* [Proc. of 6th Rus. Conf. «Problems of the history of state administration and local self-government of Siberia XVI–XXI»]. Novosibirsk, 2006, pp. 71–83.

NIKOLAI P. BUCHKO – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, Russia, Khabarovsk (buchko65@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3816-8672>).

Формат цитирования: Бучко Н.П. Военная политика белых режимов в решениях Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства в годы Гражданской войны в России // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 21–30. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-21-30.

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-31-42

УДК 392.6"18/19" (=512.111)

ББК 63.521 (=635.1)

Г.А. НИКОЛАЕВ

К ВОПРОСУ ОБ АСОЦИАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ЧУВАШСКИХ КРЕСТЬЯН ВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: чувашская деревня, капитализм, парни и девушки, брак и семья, сожителство, поверья, мифологический персонаж Эсрел.

До 1917 г. нерусским волжским народам частью современников приписывалось асоциальное поведение в семейно-брачной сфере. Некритическое использование подобной информации отдельными современными исследователями бросает тень на историческое прошлое этнических сообществ. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью объективного освещения повседневной жизни многонациональных волжских аграрных социумов.

Цель исследования – показать действительную картину взаимоотношений молодых людей до брака и поведения супругов в семейной жизни в чувашской деревне.

Материалы и методы. Источниками исследования послужили этнографические записки, свидетельства, воспоминания и письма современников. Выбранные для анализа сюжеты автором изучаются на основе применения системного, историко-сравнительного и историко-антропологического подходов и учета восприимчивости хлебопашацки реалий действительности в аспекте «свой-чужой».

Результаты исследования. В статье подробно разбирается случай, связанный с некритическим использованием современным исследователем содержащейся в некоторых исторических источниках субъективной информации о половой распущенности чувашей волжской деревни в эпоху капиталистической модернизации. В ней приводится убедительный документальный материал, опровергающий подобные аналитические конструкции служителей православного культа и отдельных блюстителей нравственности. Показывается, что такие ложные построения имеют в своей основе неправомерное применение ревнителями христианства норм морали и нравственности монотеистической традиции для оценки реалий повседневной действительности политеистов и «двоеверов». Отмечается, что во второй половине XIX – начале XX в. асоциальное поведение чувашских крестьян в семейно-брачной сфере было редким явлением, хотя и имело тенденцию к некоторому росту. На основании привлеченных автором свидетельств отношение членов сельских обществ к распутникам предстает жестким и нетерпимым. Опровергается утверждение о связи асоциального поведения юношей и девушек до брака с традиционными верованиями этноса. Назидания, оставленные молодым людям и семейным парам из мировоззренческих установок этноса, характеризуются как моральные и глубоко нравственные.

Выводы. В эпоху капиталистической модернизации молодые люди и семейные пары в чувашской деревне в своем поведении в семейно-брачной сфере, за редким исключением, руководствовались принципами нравственности и добропорядочности.

Введение. Гуманитарная научная аудитория по-разному реагирует на выходящие из печати новые историко-этнографические изыскания. Восприятие ею выполненного труда обычно бывает позитивным. Хотя и редко, но случается, что она находит содержащиеся в таком сочинении положения спорными. Если же работа или некоторые ее заключения задевают за живое коллег по цеху, то их реакция на подобный историографический вызов не заставляет себя долго ждать. Так, в начале XX в. вскоре после выхода в свет очерка С.К. Кузнецова «Культе умерших и загробные верования луговых черемис» [4. С. 67–90; 5. С. 56–109], где автор, коснувшись вопроса взаимоотношения полов у мари, отметил, что молодые люди из их среды в пореформенное время

якобы чуть ли не повсеместно вели распутную жизнь [5. С. 90–94], марийский этнограф В.М. Васильев опубликовал специальную статью, квалифицировав сделанные предшественником обобщения о нравах этноса недоказанными и имеющими мало что общего с действительностью [1. С. 92–115].

Внешним толчком к написанию настоящей статьи для нас, как и для В.М. Васильева, по случайному совпадению стал тот же пресловутый вопрос о половой распущенности крестьян, живших в волжской деревне в эпоху капиталистической модернизации. В 2017 г. коллега по цеху Ф.Н. Козлов подготовил и издал сборник документов о христианском просвещении чувашского народа в последней трети XIX – начале XX в. [27]. Он получился добротным, содержащим богатый материал по выбранной проблематике. Единственное, что совсем не устроило нас, это комментарии составителя, имеющие отношение к сексуальному поведению чувашских крестьян.

При изучении обыденного быта чувашской деревни рассматриваемый нами сюжет, надо полагать, из-за его деликатности исследователями освещался лишь вскользь. В самых общих чертах он затронут в трудах К.П. Прокопьева [25. С. 11], В.К. Магницкого [6. С. 142], Г.И. Комиссарова [3. С. 392], О.В. Егоровой [2. С. 20, 25, 29, 37], А.К. Салмина [26. С. 261–263] и др. Из современных авторов выраженный интерес к теме, помимо упомянутого уже нами Ф.Н. Козлова, проявляет И.Г. Петров. В написанной им статье поведение чувашских девиц до брака показано в контексте ритуала первой брачной ночи [24. С. 144, 145, 151, 152].

Актуальность освещаемой темы обусловлена необходимостью объективного освещения повседневной жизни многонациональных волжских аграрных социумов.

Цель исследования – показать действительную картину поведения чувашей в семейно-брачной сфере.

Материалы и методы. В распоряжении историков и этнографов имеется внушительный корпус материалов, проливающих свет на соблюдение жителями чувашских сел и деревень брачно-семейных норм в эпоху рыночных реалей. В их ряду по информативности и разноплановости особое место занимают этнографические записки и сочинения, исходящие из среды самих членов сельских обществ. Они отложились главным образом в рукописных собраниях Н.И. Ашмарина и Н.В. Никольского, хранящихся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук [10–21]. В текстах, вышедших из-под пера служителей православного культа и чиновников разного уровня, сведения о данной сфере повседневной жизни крестьян подаются как в негативном [6], так и позитивном ключе [29]. Опосредованно интересующая нас тема получила отражение и в памятниках устного народного творчества этноса [28]. Взятые в совокупности, перечисленные исторические источники, разумеется, при критическом подходе к ним, позволяют решить поставленную нами исследовательскую задачу. В статье применялись системный, историко-сравнительный и историко-антропологический методы, а также учитывалось восприятие хлебопашцами реалей действительности в аспекте «свой–чужой».

Результаты исследования. В опубликованном Ф.Н. Козловым сборнике документов «Христианское просвещение чувашского народа в оценке духовных лиц: документы и материалы последней трети XIX – первых десятилетий XX вв.» вопрос о сожительстве мужчин и женщин вне брака у чувашей являет собой лишь прикладной сюжет [27]. Он получил освещение в небольшом числе

размещенных источников. Из них нами выбраны те информационные единицы, к которым составителем даны комментарии о половом поведении соплеменников в эпоху рыночных реалий – № 52 и 57. Первый такой документ принадлежит священнику, скрывшему свои имя и фамилию под четырьмя буквами – А. Ф-ов. Его доклад о религиозно-нравственном состоянии чувашей был прочитан 30 января 1912 г. на общем очередном собрании Буинского отделения Симбирского братства Трех Святителей. Служитель православного культа, опираясь на свои наблюдения и сообщения других священников, учителей и прочих лиц, утверждает, что якобы в Буинском и Симбирском уездах Симбирской губернии в чувашских деревнях «почти повсеместно» было распространено «внебрачное сожительство жениха и невесты супружескою жизнью»: «жених в явочном порядке уводит в свой дом невесту, сыграют свадьбу и живут невенчанно довольно долгое время, иногда по несколько недель, месяцев или даже по 1–2 года». Одновременно он подчеркивает, что «падение девушки до вступления в законный брак среди чуваш не рассматривается как тягчайший грех перед Богом и позор перед людьми», что иная из них «до вступления в законный брак успевает побывать замужем за 2–3 мужчинами». Им также отмечено, что в среде мужчин «сильно распространено прелюбодеяние на стороне, даже и при наличии у них законных жен», что «бывают даже случаи “женишьбы” или “выхода замуж” при наличии законной жены или законного мужа» [27. С. 257–263].

Документ № 57 вышел из-под пера известного русского церковного историка, священника церкви с. Кошлоуши Ядринского уезда Казанской губернии Н.А. Архангельского. Вынесенный в заголовок настоящей публикации сюжет в нем затронут лишь опосредованно. Характеризуя религиозно-нравственную ситуацию в среде чувашей, вскользь служитель православного культа коснулся и причин ухода чувашских девиц в монастыри. К таковым он причислил: неприятности в семье; неудовлетворенную любовь; разочарованность в жизни; обстоятельства, случающиеся по интимным причинам [27. С. 287–289].

Из первого комментария, данного Ф.Н. Козловым к отдельным положениям документа № 53, явствует, что он полностью разделяет мнение священника А. Ф-ва о половой распущенности и безнравственности чувашей Буинского и Симбирского уездов Симбирской губернии. Не можем не отметить весьма оригинальный прием подачи текста коллегой для убеждения читателя в оном. Зачином к разговору о религиозно-нравственной ситуации служит мнение диакона церкви чувашского села Чутеево Цивильского уезда Казанской губернии В.И. Миролубова о том, что «целомудрие чуваша считают верхом совершенства девицы» [9. С. 19]. Но тут же составитель подчеркивает, что он лишь единожды столкнулся при работе с историческими источниками с подобным утверждением. Остальные факты, выявленные им, сообщает он, «говорят об обратном». В качестве аргументов Ф.Н. Козлов приводит трактовки священнослужителей о якобы широком распространении «незаконного сожительства» в среде чувашей [27. С. 375, 376]. Вывод отсюда напрашивается сам собой: населенных мест, где целомудрие чуваша считали верхом совершенства девицы, было в разы меньше, чем сел и деревень, где на этот счет они придерживались иного мнения.

Не менее оригинален составитель и во втором комментарии, данном к документу № 53. Он призывает не трактовать упрощенно содержащиеся в докладе священника А. Ф-ва факты только как свидетельства о половой распущенности

и безнравственности чувашей. По его мнению, «ранее лишение девственности девицы или юноши было продиктовано не только и не столько физиологической потребностью, сколько мировоззренческими установками этноса» [27. С. 376]. Утверждение составителя имеет своей основой оценки духовными лицами одного весьма любопытного памятника устного народного творчества. Так, согласно поверью чувашей, умершие девственницами чувашские девицы на том свете становились женою духа смерти Эсрел. На взгляд отдельных ревнителей православия и некоторых священнослужителей, чтобы избежать этой печальной участи, якобы девушки еще до замужества старались вступать с кем-нибудь в интимную связь [8. С. 64]. Ф.Н. Козлов полностью солидарен с подобной позицией [27. С. 376, 377]. Таким образом, «безнравственное поведение» девиц им возведено, ни больше ни меньше, как бы в ранг ментальности чувашского этноса. Отметим также, что в комментарии к положению документа № 57, касающемуся причин ухода чувашских девиц в монастыри, составитель чуть ли не слово в слово повторяет ранее высказанные им мысли о религиозно-нравственной ситуации в среде этноса [27. С. 380, 381].

Во второй половине XIX – начале XX в. супружеские пары в чувашских деревнях действительно формировались и в результате приводов женихами в свои дома невест «в явочном порядке». Речь в данном случае почти всегда идет о браках, заключавшихся после умыкания девиц. В основе «краденных свадеб» лежали и здоровый прагматизм, и холодный расчет, и протест против власти отцов, и эгоизм, и жестокосердие. Отметим, что часть подобных актов совершалась, как бы это и ни звучало несколько неожиданно для современного поколения соплеменников, со взаимного согласия семей брачующихся. Цель совершаемого действия – избежать больших расходов на устройство свадебного пира по всем традиционным канонам. Чтобы убедить членов сельского общества, что проводимое стороной жениха скромное торжество есть не что иное, как вынужденная мера, следующая из сложившейся жизненной ситуации, перед ними разыгрывался целый спектакль. Под каким-нибудь надуманным предлогом родители невесты отлучались из дома. В их отсутствие в заранее оговоренное время в условленном месте их дочь «похищалась» бравыми молодцами. Вскоре в каком-нибудь амбаре близлежащей деревни наскоро совершался обряд одевания невесты, после чего она оказывалась в избе, где сразу же начиналось пиршество. Спустя несколько часов свадебный поезд отправлялся в дом жениха, где и завершалось наскоро организованное торжество. Отец невесты, заявившийся через день-другой якобы с претензией к молодым, для вида пожурив свою дочь, шел на мировую [13. Л. 676]. Некоторые похищения невест были порождены эгоизмом родителей девицы [17. Л. 41, 42]. Не получив от последних добро на брак, влюбленный молодой человек с согласия невесты организовывал ее фиктивное похищение. Последнее и наскоро организованная свадьба проходили вышеописанным же порядком. Отличие состояло лишь в том, что тесть и теща не сразу шли на примирение с новым зятем [21. Л. 288–300]. Не имея возможности заплатить за невесту в запрашиваемом объеме калым, иной бедный жених не находил ничего лучше, как силой увести понравившуюся особу и «держат ее день-другой у себя». Узнав о случившемся, во избежание нехороших пересудов в сельском обществе, родители девушки вынуждены были выдать свою дочь за горе-жениха или совсем без выкупа, или же сократив его размеры [12. Л. 32, 33]. За редким исключением, так поступали они и тогда, когда жених, похитив их дочь, совершал над ней «полнейшее насилие» [25. С. 35].

Попытка измерить общим аршином явления полярного порядка – занятие, как известно, не только неблагодарное, но и заведомо проигрышное. Служители православного культа, оценивая образ жизни, обычаи и традиции чувашей через оптику монотеистической традиции, выставляли их культурное поле, естественно, в кривом зеркале. Вступив в эпоху капиталистической модернизации номинальными христианами, представители этноса в своем большинстве еще только шли к устойчивой вере. Скрепление брачных уз по языческим нормам чуваша находили необходимым актом, открывающим путь к семейному счастью: в их представлении только после выполнения традиционного брачного ритуала и только после возложения на голову невесты *сурпана* (головное покрывало замужней женщины в виде полосы белого тонкого холста. – Г.Н.) молодые могли вступать в супружеские отношения [25. С. 11]. Таким образом, причисление к прелюбодеям язычников и «язычествующих» крестьян из чувашей, создающих семейные союзы по стародавним обычаям, с научной точки зрения неверно, ибо оно искажает реальную действительность. Необходимо учесть и следующее обстоятельство: «двоеверы», сыгравшие свадьбу по традиции своих дедов и отцов, спустя день-другой или несколько недель шли в храм венчаться. Лишь единицы из них совершали браковенчание в более поздние сроки.

Теперь слово о нравственности чувашских хлебопашцев. Деревня являет собой специфическое социальное пространство. Здесь каждый житель с момента рождения до самого ухода из жизни был у всех на виду. Из рассказов отцов и матерей юноши и девушки хорошо знали, как долго жили ушедшие в иной мир их близкие родственники, кто из них пользовался уважением в сельском обществе, чем прославил себя тот или иной род в округе и т.д. Сельчане были в курсе всего того, что происходит в их малом сообществе в текущее время. Вне внимания крестьянского «мира» не оставалось ни одно сколько-нибудь значимое событие, происшествие и, само собой разумеется, поведение в семье и за ее пределами отдельно взятых лиц. Одних людская молва хвалила, других – хулила. Молодые люди прекрасно осознавали, что их будущая жизнь зависит и от той репутации, которую они имеют в среде односельчан. Мало кто из парней и девиц хотел ударить в грязь лицом перед средним и старшим поколениями. Им хорошо было известно, что чужак, перед тем как женить сына или выдать дочь замуж, наводит справку об их потенциальных брачных партнерах и за пределами своего села [17. Л. 57, 58]. Мотив, что удачная женитьба или удачное замужество напрямую связаны с добрачным поведением юношей и девушек, получил отражение и в свадебном ритуале этноса. Невеста, которая вела себя до венца непорочно, на свадьбе не без гордости причитала [25. С. 53]:

*Шурă чăлха сырмарăм,
Ăрама тухса лармарăм,
Яла тухса сўремерём,
Атте питне пёсертмерём,
Хамăн ята ямарăм.*

Белые чулки не надевала я,
На улице не расслаживалась я,
По деревне не разгуливала я,
Отца краснеть не заставила я,
Имени своего не запятнала я.

Современный исследователь имеет в своем распоряжении предостаточно материала, характеризующего повседневную жизнь волжской деревни в рассматриваемое время в самых разных ракурсах. Он не оставляет никаких сомнений в том, что в абсолютном своем большинстве юноши и девушки из чувашей вели себя до брака весьма благопристойно. На рубеже XIX–XX вв.,

наблюдая над поведением молодых людей в Ядринском уезде Казанской губернии – конкретно в с. Александровское и его округе, священник Михаил Громов, в частности, сделал следующее обобщение: «Весьма много было и есть молодых людей, отличающиеся кротостью, воздержанием, целомудрием. Последняя добродетель может быть приписана всем молодым мужчинам, живущим дома, и всем девицам. Распутство в приходе составляет чрезвычайно редкое явление» [18. Л. 252]. Такого же плана и наблюдение жителя д. Апанасово-Темяши Тетюшского уезда Казанской губернии: «Нравственность у чуваш вообще охраняется очень строго, и проступки женщин и девушек против чести составляют весьма редкое исключение» [12. Л. 33]. В с. Моргауши Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, как явствует из этнографических записок Иллариона Алексеева, сожителство вне брака также считалось безнравственным поступком и имело «случайный характер». Отношения парней и девиц на зимних посиделках, проводившихся здесь в крестьянских жилых помещениях, не выходили за рамки морали и нравственности: «на этих собраниях свобода полового общения не допускается». Молодых людей отличало стремление вступить в брак с невинными девушками [15. Л. 33, 34]. В с. Мижеркасы Курмышского уезда Симбирской губернии в невесте ценились «дородство, способность к работе, *соблюдение чистоты девственности* (курсив наш. – Г.Н.), послушливость, покорность, достаточность роста и имущества» [15. Л. 157].

И вступив в брак, мужчины и женщины в чувашской деревне в последующей супружеской жизни, за исключением отдельных семейных пар, руководствовались принципами добропорядочности и нравственности. В воспоминаниях уроженца д. Кошки-Новотимбаево Буинского уезда Симбирской губернии И.Я. Яковлева (1848–1930), вошедшего в историю этноса и страны как выдающийся педагог-просветитель, читаем: «Во время моего детства и юности разврата среди чуваш не замечалось, хотя многие жили, не венчаясь в церкви, как мужья и жены» [29. С. 65]. Из с. Большие Яльчики Тетюшского уезда Казанской губернии в начале XX в. сообщалось: «Жена у чувашей, как и у других народов, составляет неотъемлемую собственность мужа. Муж, как глава семейства, а жена представляет из себя помощницу (спутницу) жизни во всех делах на протяжении всей жизни... Если и имеются среди них нарушители гармонии семейной жизни, то это исключение, по выражению верной пословицы: “семья не без уroda”... Даже входить в мелочные разговоры женщине с посторонним мужчиной считается, если и непредосудительным, то, по крайней мере, неблагоприятным» [21. Л. 436, 437]. На основе личных наблюдений и сообщений корреспондентов Казанской, Самарской и Симбирской губерний священник Константин Прокопьев также пришел к заключению, что «разврат сильно осуждается» чувашами и «встречается между ними как редкое явление» [25. С. 11].

К лицам, ведущим развратный образ жизни, чувашские крестьяне причисляли молодых людей, кто до вступления в законный брак состоял в любовной связи с противоположным полом [13. Л. 676]. В их число они включали также женатых мужчин и замужних женщин, имевших половых партнеров на стороне, вдовцов и вдов, состоявших в сожителстве соответственно с посторонними женщинами и мужчинами [14. Л. 17; 21. Л. 307]. Распутники не только не пользовались никаким авторитетом в сельских обществах, но и презирались их членами [21. Л. 437]. Сожителство вне брака и нарушение супружеской верности хлебопашцами воспринималось как преступное деяние: «Тяжкими преступлениями

считаются святотатство, *ачасен пайне вӑрлани* (нанесение материального ущерба малолетним) и *блуд* (курсив наш. – Г.Н.)» [19. Л. 347]. На прелюбодеев смотрели как на людей, запятнавших несмываемым позором не только свое имя, но и честь семьи и рода. В неурожайные годы блудники подвергались публичному осрамлению: «многого мужа и мнимую жену обливают водой» [14. Л. 17]. Открытое сожителство мужчины и женщины, как правило, пресекалось крестьянской общиной, порой в очень жесткой форме [19. Л. 351]. Особенно непереносимо было сельское общество чувашей к вольному поведению девиц. В случае, когда в результате любовной связи молодого человека и девушки на свет появлялся ребенок, то бесчестье падало почти всецело на последнюю [13. Л. 676]. В Козьмодемьянском уезде Казанской губернии, в частности в с. Моргауши и его округе, девицы, родившие вне брака, могли выходить замуж только за вдовцов [15. Л. 34].

Общие черты поведения жителей чувашской деревни до брака и в супружестве нами рассмотрены. Теперь самое время перейти к сюжету о связи брачно-семейных норм этноса с их мировоззрением и мировосприятием. Заметим, что интерес современников к данному вопросу подстегнул инспектор народных училищ, член-сотрудник Казанского общества археологии, истории и этнографии В.К. Магницкий, опубликовав спустя два десятилетия после отмены крепостного права насыщенную конкретикой книгу «Материалы к объяснению старой чувашской веры» [6]. В ней приведен ряд поверий, в том числе и связанных с интересующим нас духом смерти Эсрел. Из них следует, что умершие холостыми мужчины на том свете должны будут жениться на дочерях духа смерти, а умершие девственницами девушки – должны будут выйти замуж за самого духа смерти [6. С. 141, 258]. Назидание, следующее из данного ряда памятников устного народного творчества его носителям, только одно: юноши по достижении брачного возраста должны завести семью, а девушки – выйти замуж и родить ребенка. Весьма примечательно, что некоторые тексты об Эсрел завершаются именно таким наставлением представительницам прекрасного пола: «всякая девица должна выйти замуж и родить ребенка» [6. С. 141; 29. С. 242]. Таким образом, поверья данного ряда являют собой не что иное, как социально-психологический «кнут», призванный формировать у подрастающего поколения добропорядочное и нравственное поведение до брака. Попутно заметим, такую же функцию в отношении сексуального поведения членов общности несли не только поверья этноса, но и другие жанры фольклора. В одной из свадебных песен, к примеру, поется [16. Л. 126]:

<i>Хёрлӗ сапан ҫакакан,</i>	Носящие красный фартук,
<i>Вартан ясар пулать, тет.</i>	Говорят, бывают распутными.
<i>Хёрлӗ сапан ан ҫакӑр,</i>	Не носите красный фартук,
<i>Вартан ясар ан пулӑр.</i>	Не будьте распутными.

Именно принципами добропорядочности и нравственности руководствовалось абсолютное большинство молодых людей из чувашей, вступая во взрослую жизнь. Защищая этнокультурное поле сородичей от социально-психологических выпадов инациональных современников, чувашский священник Д.Ф. Филимонов в своем пространном письме от 15 июня 1885 г. директору Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминскому совершенно правомерно отмечал, что «в отношении нравственности у чуваш замечательны почитание родителей и старших, супружеская верность, трудолюбие и терпеливость» [22. С. 302].

По свидетельству И.Я. Яковлева, в среде его соплеменников вообще не принято было говорить «о таких сторонах половой жизни, которые должны составлять тайну». Сам он, сохранивший «до седых волос стыдливость и целомудренность в разговорах», русских мужчин, не поступающих подобным образом, причислял к отвратительным типам [29. С. 484]. Священник с. Мусирмы Цивильского уезда Казанской губернии Даниил Филимонов находил чувашских девиц «в высшей степени застенчивыми» [22. С. 312]. Действительно, очень сложно представить ситуацию, чтобы молодая особа, находящаяся в здравом уме, делилась еще с кем-то информацией о своем поведении в интимной сфере. Таким образом, сообщения и утверждения ревнителей православия и служителей православного культа о вступлении чувашских девушек в любовную связь до брака именно из-за страха после смерти оказаться женой духа смерти Эсрел есть не что иное, как грязные измышления, не имеющие ничего общего с реальной действительностью. Но не только. Они являют собой и намеренное действие монотеистов, направленное на очернение культурного поля политеистов. Так, в представлении учителя с. Подлесное Цивильского уезда Казанской губернии В.И. Соловьева всякий стойкий приверженец язычества являлся либо пьяницей и конокрадом, либо вором и прелюбодеем [20. Л. 137]. Священник с. Вомбукасы Чебоксарского уезда Казанской губернии Павел Велтистов со ссылкой на В.К. Магницкого всерьез утверждал, что в чувашской общине поощряется «лишение девицами себя девственности» [23. С. 48]. Что касается самого этнографа, то он, по собственному его признанию, «развращающее влияние» поверий об Эсрел на поведенческий стереотип представитель этноса «не имел случая расследовать» [7. С. 218]. Правда, возможность одного он все же не отрицал: «истинная причина его (то есть асоциального поведения девушек. – Г.Н.) «едва-ли не в религиозных верованиях» [6. С. 142].

Дотошный знаток устного народного творчества этноса вправе поставить перед нами следующий вопрос: если абсолютное большинство девиц до брака вело себя благопристойно, то как объяснить наличие в чувашских песнях строк, высвечивающих их поведение в самом неприглядном свете? Действительно, таковой материал, хотя и не широко, в устном народном творчестве этноса представлен. В одном из текстов, записанном на рубеже двух веков в д. Илгышево Ядринского уезда Казанской губернии, к примеру, находим [11. Л. 266]:

<i>Пахчин, пахчин купӑсти,</i>	Огородами, огородами капуста,
<i>Сакӑр качака юлашки.</i>	Восьми коз объедки.
<i>Ҷакӑ ялӑн хӑрӑсем,</i>	Этой деревни девицы,
<i>Сакӑр каччӑ юлашки.</i>	Восьми парней любовницы.

Предстоящей из подобных песенных строк картине есть свое объяснение. Охаивание девиц соседней деревни в весьма грубой форме не имеет ничего общего с нравственной ситуацией в ней. Дело вот в чем. Чувашское крестьянство проживало в составе локальных сообществ – соседских общин. Это обстоятельство накладывало глубокий отпечаток на мировоззрение и мировосприятие их членов. Будучи плоть от плоти детищем названного замкнутого социального организма, хлебопашцы воспринимали живущих за пределами своей деревни людей – в первую очередь жителей окрестных селений, особым образом: погружали их в стан «чужих». Возвышая социальное пространство собственного села, они намеренно помещали в кривое зеркало обывателей соседних населенных мест. Для наглядности приводим текст свадебной песни,

который исполнялся в конце XIX в. в с. Богатырево Ядринского же уезда. В нем представлены и «свои» (*пирён ял*), и «чужие» (*çакă ял*) [10. Л. 16]:

<i>Çакă ялта çёр хёр пур,</i>	В этой деревне сто девушек есть,
<i>Виçё пусран мали çук.</i>	Дороже трех копеек нет.
<i>Пирён ялта хёрсем пур,</i>	В нашей деревне девушки есть,
<i>Çёр тенкёрен кайи çук.</i>	Ниже ста рублей нет.

Выводы. Со вступлением чувашской деревни в эпоху рыночных реалий прежний уклад жизни в ней стал разрушаться. В ее социальное пространство хлынули новые порядки и пороки. И вольное поведение молодых людей до брака, и сожителство супругов с противоположным полом вне семьи, имевшие прежде в ней место как единичные явления, постепенно стали расти. Вместе с тем ситуация с соблюдением норм морали и добропорядочности в семейно-брачной сфере в среде хлебопашцев отнюдь не была столь острой, как ее изображали отдельные ревнители православия и некоторые священнослужители. Крестьянский «мир» строго следил за нравственностью в сельских обществах и принимал необходимые меры воздействия к тем лицам, кто не считался со сложившимся укладом повседневной жизни.

Приписываемая чувашам некоторыми исследователями и блюстителями нравов половая распущенность является надуманной аналитической конструкцией. Надежный и проверенный способ избежать спорные и неверные обобщения в научных изысканиях – критическое отношение к содержанию привлекаемого материала. Скрепление семейных уз язычниками и «язычествующими» крестьянами на основе свадебных ритуалов дедов и отцов ни сами брачующиеся, ни члены их сельских обществ не причисляли к распутству. Более того, чувашаши в своем большинстве находили данное действие проверенным временем шагом, открывающим путь к семейному счастью. «Двоеверы» же из их числа, кто сразу, кто спустя некоторое время, совершали и обряд браковенчания. В свете имеющихся исторических источников неверным представляется также и утверждение, что асоциальное поведение молодых людей в рассматриваемое время было связано с традиционными верованиями этноса.

Литература

1. *Васильев В.М.* Отношение черемис к половой распущенности // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1915. Т. 19, вып. 1–3. С. 92–115.
2. *Егорова О.В.* Родильные обряды и поверья у чувашей // Этнология религии чувашей / науч. ред. А.К. Салмин; ЧГИГН. Вып. I. Чебоксары, 2003. С. 16–58.
3. *Комиссаров Г.И.* Чувашаши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1911. Т. 27, вып. 5. С. 311–432.
4. *Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 60, № 1. С. 67–90.
5. *Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 61, № 2. С. 56–109.
6. *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. 268 с.
7. *Магницкий В.К.* Этнографическо-статистические данные о браках чуваш Казанской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1892. Т. 10, вып. 2. С. 205–218.
8. *Малов Е.* О чувашах // Православный собеседник. 1882. Ч. 1. С. 40–73.
9. *Мирлюбов В.И.* Из быта крещеных чуваш. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1889. 19 с.
10. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 24.
11. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 30.
12. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156.

13. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177.
14. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179.
15. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 181.
16. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 183.
17. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 184.
18. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 196.
19. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215.
20. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 266.
21. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 285.
22. Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии / сост., авт. вступ. статьи, археогр. предисл., примеч. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков. Чебоксары: ЧГИГН; Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 496 с.
23. Отчет Братства св. Гурия за девятнадцатый братский год, с 4 октября 1885 г. по 4 октября 1886 г. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1887. 68 с.
24. *Петров И.Г.* Брачная ночь и оповещение о невинности невесты в свадебной обрядности чувашей // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 143–158.
25. *Прокопьев К.* Брак у чуваш. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1903. 63 с.
26. *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
27. Христианское просвещение чувашского народа в оценке духовных лиц: документы и материалы последней трети XIX – первых десятилетий XX вв. / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары: Новое время, 2017. 416 с.
28. Чăваш халăх пултаруляхĕ. Сăнавсемпе ёненĕсем. Тĕлĕксем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. 383 с.
29. *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания / вступ. статья Л.П. Куракова, археогр. предисл. Г.Н. Плечова; примеч., имен. указ. Н.Г. Краснова. М.: Республика, 1997. 696 с.

НИКОЛАЕВ ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и развитию, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (nicga50@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1443-545X>).

Gennady A. NIKOLAEV

ON THE ISSUE OF ANTISOCIAL BEHAVIOR OF THE CHUVASH PEASANTS OF THE VOLGA VILLAGE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Key words: *Chuvash village, capitalism, young men and girls, marriage and family, cohabitation, beliefs, mythological character Esrel.*

Until 1917, part of the contemporaries attributed antisocial behavior in the family and marriage sphere to the non-Russian Volga peoples. An uncritical use of such information by some modern researchers casts a shadow on the historical past of ethnic communities. The relevance of the topic under consideration is due to the need for objective covering the daily life of multinational Volga agrarian societies.

The purpose of the study is to show the real image of relationship in young people before marriage and the behavior of spouses in family life in a Chuvash village.

Materials and methods. *The sources of the research were ethnographic notes, testimonies, memoirs and letters from contemporaries. The plots chosen for the analysis are studied by the author on the basis of applying systematic, historical-comparative and historical-anthropological approaches and taking into account the farmers perception of realities in the aspect of "friend-or-foe".*

Research results. *The article examines in detail a case related to an uncritical use by a modern researcher of subjective information contained in some historical sources about the sexual promiscuity of the Chuvash of the Volga village in the era of capitalist modernization. It provides convincing documentary material refuting such analytical constructions of the Orthodox cult servants and individual guardians of morality. Such false constructions are shown to be based on unlawful application by the zealots of Christianity of the norms of morality and morality of the monotheistic tradition to assess the realities of everyday reality of polytheists and "dualists". In the second half of the XIX – early XX century, antisocial behavior of Chuvash peasants in the family and marriage sphere was noted to be a rare*

phenomenon, although it tended to increase somewhat. Based on the evidence attracted by the author, the attitude of rural societies towards libertines appears to be harsh and intolerant. The statement about the connection of antisocial behavior of young men and girls before marriage with the traditional beliefs of the ethnic group is refuted. Edifications left to young people and married couples from the ethnic group worldview attitude are characterized as deeply moral.

Conclusions. *In the era of capitalist modernization, young people and married couples in the Chuvash village, with rare exceptions, were guided by the principles of morality and integrity in their behavior in the family and marriage sphere.*

References

1. Vasil'ev V.M. *Otnoshenie cheremis k polovoi raspushchennosti* [The attitude of the Cheremis to sexual promiscuity]. *Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, 1915, vol. 19, iss. 1–3, pp. 92–115.
2. Egorova O.V. *Rodil'nye obryady i pover'ya u chuvashei* [Kindred rites and beliefs among the Chuvash]. In: Salmin A.K., ed. *Etnologiya religii chuvashei. Vypusk 1* [Ethnology of the religion of the Chuvash. Issue I]. Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities Publ., 2003, pp. 16–58.
3. Komissarov G.I. *Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya* [Chuvash of the Kazan Volga region]. *Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, 1911, vol. 27, iss. 5, pp. 311–432.
4. Kuznetsov S.K. *Kul't umershikh i zagrobnye verovaniya lugovykh cheremis* [The cult of the dead and the afterlife beliefs of meadow cheremis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1904, book 60, no. 1, pp. 67–90.
5. Kuznetsov S.K. *Kul't umershikh i zagrobnye verovaniya lugovykh cheremis* [The cult of the dead and the afterlife beliefs of meadow cheremis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1904, book 61, no. 2, p. 56–109.
6. Magnitskii V.K. *Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very* [Materials for the explanation of the old Chuvash faith]. Kazan, 1881, 268 p.
7. Magnitsky V.K. *Etnograficheskostatisticheskie dannye o brakakh chuvash Kazanskoi gubernii* [Ethnographic and statistical data on marriages of the Chuvash of the Kazan province]. *Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, 1892, vol. 10, iss. 2, pp. 205–218.
8. Malov E. *O chuvashakh* [About the Chuvash]. *Pravoslavnyi sobesednik*, 1882, vol. 1, pp. 40–73.
9. Mirolyubov V.I. *Iz byta kreshchenykh Chuvash* [From the life of the baptized Chuvash]. Kazan, 1889, 19 p.
10. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 24* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 24].
11. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 30* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 30].
12. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 156* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 156].
13. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 177* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 177].
14. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 179* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 179].
15. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 181* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 181].
16. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 183* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 183].
17. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 184* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 184].
18. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 196* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 196].
19. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 215* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 215].
20. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 266* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 266].
21. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 285* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 285].
22. *Obrazovanie i khristianskoe prosveshchenie chuvashei Volgo-Ural'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: dokumenty i materialy iz fondov N.I. Il'minskogo i Kazanskoi uchitel'skoi seminarii* [Education and Christian enlightenment of the Volga-Ural Chuvash in the second half of the XIX – early XX century: documents and materials from the funds of N.I. Il'minsky and the Kazan Teachers' Seminary]. Cheboksary, 2023, 496 p.

23. *Otchet Bratstva sv. Guriya za devyatnadsatyi bratskii god, s 4 oktyabrya 1885 g. po 4 oktyabrya 1886 g.* [Report of the Brotherhood of St. Gurius for the nineteenth fraternal year, from October 4, 1885 to October 4, 1886]. Kazan, 1887, 68 p.

24. Petrov I.G. *Brachnaya noch' i opoveshchenie o nevinnosti nevesty v svadebnoi obryadnosti chuvashei* [The wedding night and the notification of innocence in the wedding ceremony of the Chuvash]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik*, 2016, no. 11, pp. 143–158.

25. Prokopyev K. *Brak u chuvash* [Marriage among the Chuvash]. Kazan, 1903, 63 p.

26. Salmin A.K. *Sistema religii chuvashei* [The system of religion of the Chuvash]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 654 p.

27. *Khristianskoe prosveshchenie chuvashskogo naroda v otsenke dukhovnykh lits: dokumenty i materialy poslednei treti XIX – pervykh desyatiletii XX vv.* [Christian enlightenment of the Chuvash people in the assessment of the clergy: documents and materials of the last third of the XIX – first decades of the XX centuries]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2017, 416 p.

28. *Chovash khalokh pultarulokhe. Sonavsempe eneniysem. Teleksem* [Chuvash folk art. Signs and beliefs. Dreams]. Cheboksary, 2009, 383 p.

29. Yakovlev I.Ya. *Moya zhizn': Vospominaniya* [My life: Memories]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 696 p.

GENNADY A. NIKOLAEV – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Science and Development, Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary (nicga50@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1443-545X>).

Формат цитирования: Николаев Г.А. К вопросу об асоциальном поведении чувашских крестьян волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 31–42. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-31-42.

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-43-54

УДК 93/94
ББК 63.3

Л.М. АРХИПОВА

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПОВСЕДНЕВНОЙ АРМЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ В КОНЦЕ XIX ВЕКА (по письмам подпоручика А.Н. Люпова)

Ключевые слова: социальный лифт, военное образование, армейская служба, крепостная артиллерия, офицерский быт.

Статья посвящена относительно редко привлекающей внимание исследователей и между тем неизменно актуальной и вневременной теме «частного человека» в масштабных, значимых историко-социальных процессах.

Цель исследования отвечает современным тенденциям развития исторической науки и заключается в том, чтобы, используя познавательные возможности жанра исторической биографии, раскрыть характерные черты повседневности в военной подготовке и в дальнейшей армейской службе части младших офицеров русской армии накануне Русско-японской войны.

Материалы и методы. Верификация результатов исследования обеспечивается использованием идеографического подхода и сущностно-описательного анализа источниковой информации в русле двух актуальных направлений новой социальной истории – исторической биографии и исторической повседневности. Документальной базой изучения темы послужили главным образом автобиография и письма подпоручика Алексея Николаевича Люпова, адресованные старшему брату Сергею Николаевичу Люпову и хранящиеся в Государственном архиве Ярославской области. Документы, привлеченные для решения поставленной задачи, впервые вводятся в научный оборот.

Результаты исследования. В первой части статьи выявлена мотивация А.Н. Люпова при выборе им военной службы в качестве социального лифта и достижения материального благополучия, описаны условия его обучения в Нижегородском кадетском корпусе и Московском пехотном юнкерском училище. Во второй части статьи представлен анализ социально-бытовых сторон армейской службы в крепостной артиллерии в Батуми и в Александрополе, рассмотрены возможности карьерного роста. В ней содержится также информация о том, как осуществлялось направление младших офицеров и рядового состава крепостного гарнизона в Квантунскую артиллерию, о сборах в далекий путь к новому месту службы и первых впечатлениях от Порт-Артура.

Выводы. Заключительная часть статьи содержит ряд наблюдений по теме исследования. Концентрируя внимание на жизненных коллизиях обычного, не выделяющегося талантами и героикой подпоручика А.Н. Люпова, его образе жизни и менталитете, автор предлагает документально обоснованное представление о социально-бытовых сторонах жизни части младшего офицерского состава русской армии в конце XIX в.

Введение. В статье раскрывается один из возможных вариантов включения биографического жанра исторических исследований в научную реконструкцию прошлого. Проблема приобрела дискуссионный характер в 2002 г., благодаря ее постановке в альманахе интеллектуальной истории «Диалог со временем», и сохраняет актуальность спустя два десятилетия [1]. Возможности выстраивания микроисторических сюжетов вокруг жизни обычного человека

через оптику его личной интерпретации биографических фактов – вот та теоретическая проблема, которую решает автор статьи.

Цель исследования заключается в том, чтобы, используя познавательные возможности жанра исторической биографии, раскрыть характерные черты повседневности в военной подготовке и в дальнейшей армейской службе части младших офицеров русской армии накануне Русско-японской войны.

Материалы и методы. Документальной базой изучения темы послужили автобиография и письма подпоручика Алексея Николаевича Люпова, адресованные старшему брату Сергею Николаевичу Люпову и хранящиеся в Государственном архиве Ярославской области. Документы, привлеченные для решения поставленной задачи, впервые вводятся в научный оборот¹. Верификация результатов исследования обеспечивается использованием идеографического подхода и существенно-описательного анализа источниковой информации, проведенных на основе принципов микроистории, в частности в русле двух ее актуальных направлений – исторической биографии и исторической повседневности [7–9, 11, 12].

Результаты исследования. Алексей Николаевич Люпов родился 22 февраля 1872 г. в г. Ставрополе Самарской губернии в большой, дружной и счастливой семье начальника уездной полицейской команды Николая Тимофеевича Люпова и его жены Анны Дмитриевны, у которых к этому времени уже были два сына – Владимир и Сергей, позднее родилась дочь Вера. Родовые корни им были известны только по линии отца и до третьего колена, а затем терялись «в массе простых крестьян» [2. Д. 2. Л. 25–26].

Такое заметное для России XIX в. общественное явление, как вертикальная социальная мобильность, затронуло их род. Выходец из крестьян, прапрадед стал диаконом в одной из церквей г. Епифани Тульской губернии. Службу диаконом продолжил прадед Кузьма, окончивший семинарию, где его крестьянскую фамилию Медведников изменили на Люпов. Дед Тимофей Кузьмич дослужился уже до чина титулярного советника, соответствовавшего IX классу Табели о рангах, что по закону до 1845 г. предоставляло права потомственного дворянства. Он умер от холеры в 1842 г., так и не став потомственным дворянином [2. Д. 2. Л. 25–26]. Отец Николай Тимофеевич вышел в отставку в 1894 г. в звании подполковника – VII класс. Но уже к этому времени рассчитывать на получение прав потомственного дворянства можно было только при достижении VI класса. Вместе с тем за 35-летнюю безупречную службу в офицерских чинах Н.Т. Люпову последовало награждение орденом Святого равноапостольного князя Владимира IV степени. Награда сопровождалась записью всего семейства в III часть родословной книги Российских дворянских родов [3. Д. 8. Л. 1, 3].

Выбор военной карьеры для мальчиков сделал отец. Сергей и Алексей Люповы получили начальное образование в подготовительных и в первом классе 2-й классической гимназии в Казани, а к военной подготовке приступили в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе. Реформа 1882 г. военных гимназий, отличавшихся определенным гражданским и светским уклоном, была направлена на их коренное преобразование в настоящие военизированные школы с сохранением общеобразовательной гимназической программы. Военизация заключалась в замене гражданских воспитателей офицерами, усилении военной дисциплины. Люповы не испытывали никакого влечения к военному делу, они

¹ Подробнее о характеристике фонда см.: Архипова Л.М. О возможностях воссоздания социально-психологического феномена русской военной интеллигенции по материалам фондов провинциальных исторических архивов // Социальная история российской провинции. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 170–175.

даже в детстве «никогда не играли в солдаты», но тем не менее, достигнув 11-летнего возраста, успешно сдали конкурсный экзамен в кадетский корпус. Им предстояло провести в стенах закрытого учебного заведения 7 лет.

Обучение в корпусе было поставлено основательно, преподаватели к делу относились добросовестно, проверяли знания строго. В целом учеба, быт, социальные связи кадетов внутри учебного заведения, весь строй жизни в корпусе ничем не отличались от условий в других военных школах и хорошо известны. В Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе они определялись тем, что 350 воспитанников были сгруппированы в три роты, роты состояли из отделений, строго соблюдался режим и субординация, поведение и нравственное состояние контролировались воспитателями [5].

Сергей был старше Алексея на два года и, хотя, по оценке брата, был «неврастеником», проявлял усидчивость, целеустремленность, и ровно прошел все курсы. После окончания в 1889 г. Нижегородского кадетского корпуса он продолжил военное образование в Михайловском артиллерийском училище, а после его окончания в 1892 г. и последовавшего 5-летнего срока службы в артиллерийской бригаде поступил и окончил по 1-му (высшему) разряду Николаевскую академию Генерального штаба. Военная карьера С.Н. Люпова складывалась успешно, и Февральскую революцию 1917 г. он встретил в звании генерал-лейтенанта [10].

Не таким прямым был путь в военный строй Алексея Люпова. Педагогический комитет Нижегородского кадетского корпуса дал ему следующую характеристику: «Достаточно спокойный кадет, но делом занимается мало, по натуре грубый, хитрый, заботящийся о личных своих выгодах; дурно влияет на товарищей, и, хотя сдерживается строгими мерами, но в интернате не желателен» [2. Д. 20. Л. 13].

Среди проступков 15-летнего подростка назывались: грубое обращение с прислугой, смех и невниманье в строю, невежливый ответ преподавателю и др. За проступки следовали наказания: штраф, арест на несколько часов, «посаженье на хлеб и воду», «сняты погоны на месяц». Учился Алексей плохо. Два года отсидел в 3-м классе, затем, одолев 4-й и 5-й, перевелся в 1-й Московский кадетский корпус, откуда вскоре был исключен за неуспеваемость [2. Д. 20. Л. 9, 13, 14].

Причиной всех неудач было глубокое неприятие им военной службы. «Необходимость отбывания воинской повинности натолкнула на мысль бежать от нее за границу» [2. Д. 2. Л. 12; Д. 20. Л. 9, 10]. До побега дело не дошло, но была попытка найти себя на гражданской службе. В течение года Алексей был писцом в полицейском управлении в Казани. Получал жалованье в размере 10 руб. в месяц, питался в студенческой столовой на 8 коп. в день, испытывал нужду и переживал, что такое положение никак не соответствовало его самооценке [2. Д. 16. Л. 12]. Без состояния и пока еще без прав потомственного дворянина, без специального образования Алексей оказался в безвыходном положении относительно будущего. Он пришел к мысли, что шанс на более достойное положение в обществе давала только военная служба, и смирился со своей участью.

К решению продолжить военное обучение подталкивали успехи на этом поприще брата Сергея и его советы. В результате спустя 2 года после бегства из Москвы, в 1892 г., ему, уже 20-летнему юноше, удалось подготовиться и сдать экстерном экзамен за 7-й класс Нижегородского кадетского корпуса. Для того чтобы нагнать упущенное время, он записался вольноопределяющимся в 10-й Новоингерманландский полк, находившийся в Нижнем Новгороде, и, прослужив в нем более трех месяцев, получил первый опыт солдатской службы [2. Д. 20. Л. 6, 10, 11]. «На вольноопределяющихся смотрят как на простых солдат и потому мне приходилось быть ночным часовым и ходить в ночной патруль... С солдатским воздухом

обвыкся и вообще вошел в норму», – бодро сообщал он из летнего лагеря брату [3. Д. 2. Л. 2]. Тогда же Алексей определился с будущей специализацией: «Всеми силами буду стараться, чтобы служить в артиллерии, ибо положение офицеров в пехоте скверное и на них смотрят в обществе хуже, нежели на артиллеристов» [3. Д. 2. Л. 2–3].

Перспективы вольноопределяющегося в 80-е – начале 90-х гг. XIX в. выстраивались в соответствии с непрерывно возрастающими потребностями русской армии в офицерских кадрах и реализацией всеобщего принципа ее организации. Получить офицерский чин можно было после окончания военного или юнкерского училища. Военные училища отличались однородным составом по воспитанию и образованию, так как комплектовались они преимущественно юношами, окончившими кадетские корпуса. Военные училища выпускали офицеров во все роды войск, с одним или двумя годами старшинства в чине подпоручика (корнета). Юнкерские училища принимали молодых людей «со стороны» и открывали свои стены для вольноопределяющихся всех категорий и сословий, большинство которых не имело законченного среднего образования. «Это обстоятельство придало училищам характер второсортности, питомцев их ограничивало в правах выпуска и в обществе создало им огульную репутацию “неудачников”» [4. С. 227].

Однако в 1888 г. Московское пехотное юнкерское училище было преобразовано в юнкерское училище с военно-училищным курсом (с 1906 г. Алексеевское военное училище). Программа наук в нем была та же, что и в военных училищах, такие же права, но принимались туда только вольноопределяющиеся с законченным высшим или средним образованием; для первых был установлен одногодичный курс, для вторых – двухгодичный. В конце августа 1892 г. Алексей Люпов был зачислен как вольноопределяющийся со средним образованием на двухгодичный курс обучения, чему был очень рад.

«Училище обставлено очень хорошо: есть читальня, где получается масса газет и журналов и имеется очень хорошая библиотека. Кормят тоже очень хорошо – на манер корпуса: обед в три блюда, чай утром и вечером и завтрак. Скверно только то, что казенного белья не полагается и носят все свое; мыть его также придется на свой счет, что в месяц будет стоить рубль с лишним. Казенных сапог также не полагается, так что придется непременно сшить другую пару... Да, придется непременно купить барашковую шапку (из поддельного барашка) за 1 руб. 50 коп., так как казенную выдадут только после Рождества и говорят, что они очень скверны, а в отпуск можно только в барашковой...» [3. Д. 2. Л. 4, 5].

В начале 90-х гг. XIX в. казенное содержание воспитанников юнкерских училищ было скудным: их месячный оклад только на 15 коп. превышал солдатский паек. Общее питание было регулярным, но очень скромным по сравнению с домашним столом большинства. У совсем бедных подчас не хватало денег даже на покупку зубной щетки, посылку писем [4. С. 243]. Судя по признаниям Алексея, он испытывал материальные затруднения именно такого рода. «Денег, брат, только, жаль, нет – необходимы же они мне крайне. Это письмо посылаю также на марку, занятую в долг. Да еще тут подметки у сапог износились, но новые надо заказывать, прачке за стирку отдать, да так задолжал 50 коп.» [3. Д. 2. Л. 7].

Сергей взял на себя обязанность поддерживать брата-юнкера ежемесячной суммой из небольшого оклада начинающего артиллерийского офицера [3. Д. 2. Л. 12]. Это побуждало Алексея в свою очередь сообщать о достижениях в учебе. «В среднем по наукам у меня выходит 8 с лишком», «он в I разряде по учению», и по окончании первого курса вышел в портупей [2. Д. 20. Л. 11; 3. Д. 2. Л. 12, 13].

Расписание дня в Московском пехотном юнкерском училище было типовым: 6:30–7:30 – подъем, заправка постелей; 7:30–8:00 – утренний осмотр, завтрак; 8:00–8:30 – утренняя гимнастика; 8:30–14:00 – классные занятия; 11:00–12:00 – большая перемена; горячий завтрак; 14:00–16:00 – строевые занятия в манеже; 16:00–17:00 – обед; 17:00–18:30 – свободное время; 18:30–20:00 – самостоятельная работа, подготовка уроков на следующий день; 20:00–21:00 – вечерний чай, переключка, молитва; 21:00–21:30 – строевая церемония, объявление нарядов на следующий день; 21:30–22:30 – свободное время; 22:45 – отбой [13. С. 62–63].

Твердый распорядок, субординация, строевые занятия и дисциплина в единстве составили новый уклад жизни, явились серьезным испытанием для молодых юнкеров 18–23 лет. Некоторые приходили в уныние и разочаровывались в выборе карьеры [4. С. 233].

Для вольноопределяющихся, не только зачисленных в полк, а реально послуживших в нем даже короткое время, как это было с Алексеем Люповым, училищный режим не был в тягость, напротив, его письма этой поры наполнены оптимизмом, отмечены душевным подъемом. Ему особенно понравилось дружеское, равноправное отношение старших юнкеров к вновь поступившим. Поначалу его беспокоили две вещи – необходимость быстро записывать на слух лекции, к чему вскоре привык, и придирки к нему ротного командира, на которого он пожаловался училищному начальству, и это возымело действие. Вскоре он завоевал симпатии ротного тем, что был лучшим в гимнастических упражнениях [3. Д. 2. Л. 8].

Кроме ежедневной физической подготовки в широкий перечень изучаемых дисциплин наряду с Законом Божьим, русским языком, военной историей, военной географией, математикой, химией и др. входили специальные предметы вроде военной топографии, фортификации или артиллерии. Однако освоившие в те же годы эту программу обучения выпускники Киевского юнкерского училища отмечали недостаточность полученных знаний в сфере военной педагогики и артиллерии [4. С. 250].

С теми же трудностями столкнулся Алексей Люпов в первый год службы. В августе 1894 г. после окончания училища в чине подпоручика он был направлен в Михайловскую крепостную артиллерию, находившуюся в Батуми. Систематическое строительство крепости началось только в 1878 г. и было далеко до завершения. Она относилась к 3-му классу, считалась удаленной, пограничной, что обещало молодому офицеру тяжелые условия службы без быстрого карьерного продвижения, но вместе с тем и более высокие жалование и материальное содержание по сравнению с теми, на которые мог рассчитывать подпоручик-артиллерист в военном округе центрально-европейской части России.

После положенного выпускнику училища короткого отпуска, проведенного у отца в уездном Курмыше Симбирской губернии, в начале октября 1894 г. Алексей приступил к исполнению обязанностей. Восполнение пробелов в военном образовании, применение теоретических знаний в сфере военной педагогики и артиллерии на практике потребовали от А. Люпова терпения и труда. Но через два года он был уверен в том, что освоился с делом, знал и материальную часть, и стрельбу из орудий. Это подтверждалось хорошей аттестацией от командира и воинскими умениями вверенных ему новобранцев [2. Д. 20. Л. 6, 11; Д. 16. Л. 14об., 18об.]. Однако как тогда, так и во все последующие предвоенные годы он был озабочен решением главной задачи в своей жизни – как обеспечить прочное материальное благополучие и лучшие условия службы.

Он видел несколько способов достижения цели, неустанно предпринимая попытки во всех направлениях: перевестись в более перспективное в карьерном

отношении и необременительное с точки зрения физических и интеллектуальных затрат место службы, поступить в Академию или удачно жениться. Уже в январе 1896 г. после провала первой попытки перевода из Михайловской крепости в отдельный корпус пограничной стражи А. Люпов решает начать подготовку к экзаменам в Академию. «... Если я попаду в Академию и кончу ее, то создам себе такое положение, которым по всей вероятности буду удовлетворен. В пограничной же страже я был бы доволен лишь в первые годы моей там службы, а потом бы заkis и заkis окончательно» [1. Д. 7. Л. 2, 9].

В захолустном Батуми единственным местом культурного досуга был приморский бульвар, где в хорошую погоду собирался весь город, но даже там, по убеждению А. Люпова, подстерегали опасности. «Батум такой рассадник чахотки, что всякий здоровый, случайно сюда попавший, старается как можно скорее отсюда удрать..., ибо сюда стекаются массы чахоточных и они всюду ... заражают не только квартиры, но и воздух на бульваре, где они чуть ли не днюют и ночуют» [3. Д. 7. Л. 6, 7].

Офицеры крепостного гарнизона были зрителями и участниками солдатских спектаклей, а также балов и маскарадов в офицерском собрании. Повседневность молодого подпоручика наполнялась чтением романов, новогодним праздником в кругу семьи своего полкового командира, редкими попойками с «неугомонной братией», «безнаказанно» творящей «всякие непристойности», любовными интрижками сослуживцев, слухами и сплетнями о распрях среди командиров [3. Д. 7. Л. 5; 2. Д. 16. Л. 2–2об., 12; Д. 17. Л. 2–2об., 12]. Он жалуется брату на тусклую жизнь и просит узнать о вакансиях, мечтая о жизни в Москве и службе в Кремлевском Артиллерийском арсенале [3. Д. 7. Л. 10].

В апреле 1896 г. А. Люпову все же удалось покинуть Михайловскую крепость, получив направление в расположенный неподалеку Александропольский осадный Артиллерийский парк на должность офицера для особых поручений, «сиречь Адьютанта» [3. Д. 7. Л. 11]. На первых порах он был доволен всем, включая климат. Но уже в сентябре стал хлопотать о возвращении в Батуми, заручившись освидетельствованием местного госпитального врача о том, что здешний климат ему страшно вреден. К этому моменту он уже откомандировался от Управления и заведовал в крепостной артиллерии разрядкой патронов. «Я не живу, а прозябаю», – жаловался А. Люпов брату, рассчитывая на его помощь в переводе в Казанский артиллерийский склад [3. Д. 7. Л. 13, 14]. Вернувшись в декабре 1896 г. в Батуми, он прослужил в Михайловской крепости до июня 1898 г. с перерывом на полгода при поступлении в Академию [2. Д. 20. Л. 6].

Первым рубежом на пути всех желавших стать слушателями Академии Генштаба были экзамены перед предметными комиссиями в соответствующем военном округе. А. Люпов проходил их в Тифлисе, куда приехали кроме него еще 36 офицеров Кавказского военного округа, включая 4 артиллеристов. Им предстояло в течение месяца сдавать три экзамена по русскому языку (сочинение, диктант, русская речь), один по истории (Древней, Средней и Новой), а также экзамены по тактике, администрации, уставам, математике, артиллерии, фортификации, иностранным языкам и географии [2. Д. 16. Л. 22об., 29].

Ежегодно по всей стране в окружных комиссиях отсеивалось две третьих из полутора тысяч офицеров, стремившихся в Академию Генштаба. Затем из 400–550, приехавших в Петербург на второй этап, успешно справлялись с испытаниями 140–150 соискателей. Их обучение продолжалось два года, по окончании которых по результатам экзаменов на третий (дополнительный) курс переходили 100 выпускников, из которых, наконец, только 50 приписывались к Генеральному штабу [4. С. 140].

А. Люпов признавался, что у него и «способности-то не из блестящих, да и подготовки-то надлежащей нет», может подвести плохое знание иностранных языков. Но при моральной поддержке брата, следуя его примеру, он постепенно занялся самообразованием, что внесло изменения в привычный порядок жизни [3. Д. 7. Л. 2, 3, 10].

«Я теперь по праздникам в гостях, а в будни даю урок от 11 до 1 часу, обедаю там, от 3 же до 5 занятия в роте, а от 5 до позднейшей ночи сижу у Колосова и мы вместе для большей энергии и для подбадривания зубрим себе, да зубрим» [3. Д. 7. Л. 3]. В январе 1897 г. он подал рапорт о намерении сдавать экзамены в округе, поступление в Академию приобретало в его планах все большее значение как единственная возможность выбиться из «будничной и серенькой жизни» [2. Д. 16. Л. 21].

Однако на первом месте среди личных забот оставались, как и в годы учебы в училище, ограниченность в денежных средствах и необходимость жесткой экономии. Например, получив 20 февраля жалование в размере 45 руб., отдав долг 40 руб., он остался с мизерной суммой, на которую предстояло продержаться целый месяц. Проживал А. Люпов в казарме в комнате фельдфебеля, что позволяло ему не платить за квартиру. «...Я сам столуюсь у себя дома, т.е. на "Примусе": варю 5 шт. яиц всмятку и супюк киселя, таким образом питаюсь вот уже 3-й месяц. Режим этот я установил отчасти для поправки желудка, а также для того, главным образом, чтобы перед поездкой в Академию выпутаться из всех моих мелких долгов... в марте опять буду без копейки, но зато в апреле вздохну свободнее» [2. Д. 16. Л. 3]. На деле такой режим экономии продолжался до конца мая, пока не завершились успехом экзаменационные испытания в округе, после которых его не узнавали знакомые – так он сильно похудел и ослаб [2. Д. 16. Л. 5, 22об., 23, 24].

Единственное увлечение, которому А. Люпов предавался со страстью, была фотография. В этом деле он стремился к совершенству, изыскивал средства для приобретения качественной фотокамеры («последнее слово фототехники»), которую специально выписал из Лондона через английского консула в Тифлисе [2. Д. 16. Л. 4об.–5, 28об.]. Самообразование и занятие фотографией спасали молодого офицера от хандры, периодически охватывавшей его душу вследствие одиночества, неустроенности, мыслей о необходимости оказывать материальную помощь отцу, а после его смерти мачехе, сводным братьям, родной сестре, наконец, просто от накопившейся усталости. В минуты таких тягостных раздумий любой толчок извне – ссора с ротным командиром, напоминание о смерти близких, неудача в любви – нарушали его душевное равновесие настолько, что мелькала мысль о самоубийстве [2. Д. 16. Л. 20–20об.].

Случаи суицида в армии, как и в России в целом, были редки, но они тем более обращали на себя внимание своей необъяснимостью [6. Т. 2. Прил. Табл. 50]. Генерал А.И. Деникин не прошел мимо этого явления и в воспоминаниях рассказал о самоубийстве в его бригаде в течение четырех лет четырех молодых и хороших офицеров. Он считал суициды косвенным признаком неблагополучия в артиллерийской бригаде [4. С. 294–295].

В Михайловской крепости эта беда также случалась, покончил жизнь самоубийством капитан, командир 1-го батальона, а спустя время полковник, командир 2-го батальона. Это произвело глубокое впечатление на А. Люпова, особенно потому, что причины были не ясны – «оба крепкого телосложения и люди с деньгами». Он предположил, что полковник застрелился из-за неприятностей по службе – обнаружил, что «дела не знает» и испугался ответственности [2. Д. 16. Л. 3, 5, 7].

У него же для суицида больше личных причин. Отец невесты, состоятельный алатырский помещик, которому семья Люповых задолжала деньги, не благословил дочь на брак с Алексеем. Второй, петербургский, этап вступительных экзаменов в Академию не увенчался успехом. При неплохих в целом отношениях с сослуживцами, тем не менее он близко ни с кем не сошелся; в городе о нем распространялись ужасные слухи. Наконец, «это не жизнь, а сущая дрянь. ..., куда ни помотришь, все скука, скука, скука. Нет настоящего дела..., влачу поганую жизнь на Барцхане в полном одиночестве». Одновременно он уверяет любимого брата в том, что «весел, бодр» и верит «в хорошее будущее. ... Лишь бы в Саратов попасть, ведь там можно действительно найти хороших невест», то есть богатых и красивых [2. Д. 16. Л. 12–14об., 28об.]. В третий год своей службы в Михайловской крепости А. Люпов рассматривал различные варианты бегства из Батуми: удачно жениться, поступить в юридическую академию, перевестись в Петропавловскую или Кронштадтскую крепостную артиллерию, в Казанский военный округ [2. Д. 16. Л. 22, 27об., 29]. Он отводил особую роль в своей судьбе протекциям брата, а также поддержке их общих знакомых по годам учебы в кадетском корпусе и военном училище [2. Д. 16. Л. 28об., 29об.; Д. 17. Л. 4–4об., 5–5об., 6].

Хлопоты оказались пустыми, и когда в переводе в столь желанный Саратов было отказано, А. Люпов написал прошение на Высочайшее имя с просьбой об отставке. Придя в себя от пережитого волнения, удержался от отправки прошения и вскоре выслал брату докладную записку в Главное артиллерийское управление, в которой просил о направлении его в «Талиен-Ванскую крепостную артиллерию». Для того чтобы на этот раз добиться перевода, А. Люпов решился на шантаж начальства: «...снеси мою докладную..., сообщив, на всякий случай, что если меня не переведут, то я подам в запас. Этот ультиматум будет иметь смысл, так как береговые офицеры теперь нужны...» [2. Д. 17. Л. 6–6об.]. Действовал он хладнокровно, на деле не собирался уходить со службы. А. Люпов рассчитывал, что начальство побоится отказать – незадолго до этого в Михайловской крепости застрелились два офицера, чьи подобные же ходатайства не были удовлетворены [2. Д. 17. Л. 7].

Выбрав Даляньвань в качестве нового места службы, А. Люпов надеялся на карьерный рост, поскольку в Михайловской крепости должность ротного командира замещалась преимущественно вновь прибывшими капитанами, а не из своих гарнизонных кандидатов. Еще в большей степени его заинтересовали материальные условия, которыми Дальний Восток превосходил возможности военной службы в любой из русских крепостей. Высокое жалованье, прогонные и подъемные в сумме (800 руб.), в полтора раза превышавшей его годовой оклад, дешевизна европейских товаров из-за порто-франко, введенного в китайской провинции, наконец, «дешевая земля» для постройки собственного домика. Все это было так заманчиво, что А. Люпов советовал и брату по окончании Академии Генштаба взять назначение на Дальний Восток [2. Д. 17. Л. 6–9]. В случае неудачи с Даляньванем он готов был отправиться в Порт-Артур, а оттуда уже перебраться в Даляньвань. Если бы на Востоке «пришлось очень туго..., то тогда можно будет подготовиться в Юридическую Академию и удрать себе преблагополучно» [2. Д. 17. Л. 8–8об., 10].

Вскоре в гарнизон Михайловской крепости пришло распоряжение окружного командования направить в Квантунскую артиллерию, в Порт-Артур одного офицера в штат Управления и десять нижних чинов. Немногие, пожелавшие заняться военно-бюрократической работой за тысячу километров от России,

тянули жребий. Он достался А. Люпову, и начальство незамедлительно утвердило его кандидатуру [2. Д. 17. Л. 9–9об.]. Ему предполагались подъемные в сумме годового оклада (650 руб.), прогонные в двойном размере (190 руб.), суточное содержание на время пути и возможность поехать и послужить в тех далеких местах. Он был совершенно доволен всем этим [2. Д. 17. Л. 10].

31 мая 1898 г. состоялись торжественные проводы отбывавших в Порт-Артур. Был отслужен молебен о путешествующих, в ходе которого роль церковных певчих выполнили офицеры. С напутственным словом обратился командир крепостного гарнизона, затем состоялась раздача солдатам на память серебряных рублей с изображением императора Николая II. Шумная прощальная пирушка с сослуживцами завершила последний день А. Люпова в Михайловской крепости. 1 июня вместе с вверенными его попечению десятью нижними чинами он вступил на пароход, доставивший их из Батуми в Одессу. Предполагалось задержаться там на 11 дней для оформления документов, получения имущества и денег [2. Д. 17. Л. 11–12об.].

В причерноморский «маленький Вавилон» А. Люпов явился уже неплохо экипированным. На прогонные до Одессы и часть полученного годового жалованья он еще до отъезда из Батуми сшил себе сюртучную пару, три кителя, приобрел сапоги, ботинки и белье, расплатился с долгами и офицерским капиталом. В письме брату он сообщал, что сможет выслать ему не более 30 руб., да и те ему очень нужны. Предстояло еще заказать мундирную пару, купить фотографические принадлежности, заплатить за проживание в гостинице, нужны средства на путешествие и культурные запросы – труппа Малого театра будет в Одессе, – он также сожалеет о невозможности спокойно кутнуть в одесских кафе-шантанах. И все же он выслал старшему брату 25 руб., отложив на время приобретение новой мундирной пары [2. Д. 17. Л. 12об.–13об.].

Быстрая смена впечатлений во время путешествия на пароходе «Саратов» через Черное море, Босфор, Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан, Бенгальский залив отвлекали А. Люпова от первого разочарования по поводу новой службы. Еще в Одессе он огорчился, узнав, что будет назначен не на должность адъютанта по хозяйственной части в Управление, а простым ротным офицером. Короткие остановки на день или одни – двое суток в Константинополе, Порт-Саиде, Адене, Коломбо, Сингапуре, Гонконге, Шанхае и знакомство с местной экзотикой заглушали как тревожное ожидание неизвестности, так и раздражение от некомфортного пребывания на пароходе [2. Д. 17. Л. 14–24].

Он вместе с семьей другими офицерами ехал в тесной 6-местной каюте на нижней палубе, страдая от скученности, духоты и черной пыли, забивавшейся во все щели во время погрузки угля на пароход. Иллюминаторы на нижней палубе опустились до уровня воды и были завинчены наглухо. «Саратов» принял на свой борт 1 200 человек и более 300 тыс. пудов груза. Военные почти все ехали с семьями, объемным багажом, в котором были предметы мебели и даже рояль [2. Д. 17. Д. 15–15об.]. Особенно тяжело пришлось нижним чинам, умер от брюшного тифа канонир, заразившийся, по-видимому, еще в Одессе, где пришлось оставить в местном лазарете 60 тифозных солдат. Другой солдат умер в пути от воспаления легких. Эти события в единстве с естественными опасностями морского путешествия, изнуряющей качкой во время шторма, видом огромных акул за бортом спровоцировали безумный страх у пассажиров, разговоры о гибели парохода и смерти в открытом океане [2. Д. 17. Л. 20–21об., 22].

А. Люпов не страдал от качки и не испытывал страха, его больше расстраивала судьба тянуть ляжку обыкновенного строевого офицера. Он был прикомандирован к одной из рот на период плавания, занимался с 8 до 9 утра гимнастикой с нижними чинами, учил их выполнению уставов, отрабатывал на моделях навыки установки артиллерийских платформ, водил на прогулки во время стоянок, нес ночные дежурства. Но и в этих новых обстоятельствах он оставался верен себе – познакомился с командирской дочкой с целью возможной женитьбы, приобрел в пути немало восточных дешевых безделушек с намерением перепродать их в России или в Порт-Артуре, много фотографировал для альбома, надеясь издать его с пояснительным литературно-художественным текстом [2. Д. 17. Л. 19–20об.].

3 августа пассажиры увидели берег Порт-Артура. «Пошли тихим ходом. Справа огромная, так называемая Золотая Гора, слева “Тигровый хвост”, или коса, имеющая такое название. На “Тигровом хвосте” маяк, окрашенный белой краской, и маленькие домики, обнесенные оградой. С Золотой горы народ побежал вниз, крича “Ура”, с “Саратова” тоже раздалось ответное, дружное и радостное. Тихо прошли мимо маяка... Впереди узкий, саженей 150 проход в восточный рейд... Много военных судов, окрашенных в белый цвет... Рейд довольно вместительный, но для флота, конечно, слишком мал. Берега выложены гранитом» [2. Д. 17. Л. 25].

В Порт-Артуре А. Люпов прослужил более 5 лет, принял участие в его обороне и именно у маяка на «Тигровом хвосте» командовал артиллерийской батареей.

Практическая значимость представленных в статье наблюдений об армейской повседневности части младшего офицерского состава может использоваться в образовательной и научно-исследовательской деятельности при изучении соответствующих вопросов новой социальной и военной истории. Кроме того, статья знакомит с социальным опытом переживания житейских невзгод и материально-бытовых трудностей личностью из армейской среды.

Дальнейший интерес к перипетиям отдельной судьбы в определенном смысле типичного представителя младшего офицерского корпуса русской армии направляет в сторону большего наполнения исторической конкретикой представлений о тех, кто защищал Порт-Артур, о мотивации их поступков и выбора жизненного пути не только в условиях военной повседневности, но и в мирной обстановке.

Выводы. Повседневность в средних военных учебных заведениях отличалась по меньшей мере двумя характерными чертами: весьма умеренным материальным обеспечением юнкеров, часть которых, подобно А.Н. Люпову, терпела постоянную нужду в денежных средствах и недостаток в элементарных бытовых предметах; и строгой дисциплиной с жесткими методами воспитания, ставкой на выносливость и хорошую физическую подготовку будущих офицеров, на освоение ими теоретических предметов по военной специальности и сравнительно небольшой долей практических занятий. Служба подпоручиком-артиллеристом в гарнизоне отдаленной крепости для человека с творческим воображением и завышенными ожиданиями от жизни, каким представляется А.Н. Люпов в письмах, не обещала карьерного роста, приводила к унынию и поиску новых служебных перспектив. Выбор еще более отдаленной от Центральной России дальневосточной крепости Порт-Артур воспринимался в этих обстоятельствах как меньшее зло, поскольку вселял надежду на лучшее материальное обеспечение и в тот период еще не пугал опасностью войны.

Литература

1. *Володихин Д.М.* Две ветви микроисторической платформы в отечественной историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 445–447.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф 1299. Оп. 1.
3. Государственный архив Ярославской области. Ф. 1299. Оп. 2.
4. *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2005. 512 с.
5. *Карцов П.П.* Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородский гр.[афа] Аракчеева кад.[етский] корпус): составил к 50-ти летнему юбилею корпуса кадет первого приема и первого выпуска генерал-лейтенант Карцов. 1834–1884. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1884. 416 с.
6. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланов, 2003. Т. 2. 566 с.
7. *Побережников И.В.* Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4(29). С. 8–13.
8. *Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В.* Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 1. С. 7–21.
9. *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории / пер. с фр. Е.И. Лебедевой. М., 1996. С. 110–127.
10. Русская армия в Великой войне: Картоотека проекта: Люпов Сергей Николаевич [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=486> (дата обращения: 31.05.2024).
11. *Филюшкин А.И.* Методологические инновации в современной российской исторической науке // АСТЮ NOVA: сб. ст. М.: Глобус, 2000. С. 7–52.
12. *Черутти С.* Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2006. Вып. 7. С. 354–375.
13. *Шапошников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. 574 с.

АРХИПОВА ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Россия, Ярославль (Lubov.a2011@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8285-5720>).

Lyubov M. ARKHIPOVA

**BIOGRAPHICAL DISCOURSE OF EVERYDAY ARMY SERVICE
AT THE END OF THE XIX CENTURY**

(based on letters from lieutenant A.N. Lupov)

Key words: *social elevator, military education, army service, fortress artillery, officers' everyday life.*

The article is devoted to the topic of the "private gentleman" which relatively rarely attracts the attention of researchers and, meanwhile, it is invariably relevant and timeless in large-scale, significant historical and social processes.

The purpose of the study is in line with modern trends in the development of historical science and is to use the cognitive capabilities of historical biography genre to reveal the characteristic features of everyday life in military training and in further army service of a part of the Russian army's junior officers on the eve of the Russo-Japanese War.

Materials and methods. Verification of the research results is ensured by using an ideographic approach and an essential descriptive analysis of source information in line with two relevant directions of new social history – historical biography and historical everyday life. The documentary basis for studying the topic was mainly the autobiography and letters of Lieutenant Alexei Nikolaevich Lupov, addressed to his elder brother Sergei Nikolaevich Lupov and stored in the State Archive of Yaroslavl region. The documents involved in solving the task are introduced into scientific circulation for the first time.

Research results. The first part of the article explains the motivation of A.N. Lupov when choosing military service as a social elevator and achieving material well-being, it describes the conditions of his studies in Nizhny Novgorod Cadet Corps and Moscow Infantry Military

School. The second part of the article presents the analysis of social and everyday aspects of army service in the fortress artillery in Batumi and Alexandropol and considers career opportunities. It also contains information about how junior officers and enlisted personnel of the fortress garrison were sent to Kwantung Artillery, about preparations for the long journey to a new duty station and first impressions of Port Arthur.

Conclusions. *The final part of the article contains a number of observations on the research topic. Focusing on life conflicts of an ordinary, not distinguished by talents and heroics second lieutenant A.N. Lupov, his lifestyle and mentality, the author offers a documented understanding of social and everyday aspects of the life of a part of the Russian army's junior officers at the end of the XIX century.*

References

1. Volodikhin D.M. *Dve vetvi mikroistoricheskoi platformy v otechestvennoi istoriografii* [Two Branches of the Microhistorical Platform in Russian Historiography]. In: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii. 8. Spetsial'nyi vypusk. Personal'naya istoriya i intellektual'naya biografiya* [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History. 8. Special Issue: Personal History and Intellectual Biography]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, pp. 445–447.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Yaroslavskoi oblasti. Fond 1299. Opis' 1* [State Archives of the Yaroslavl Region. Archive 1299. Anagraph 1].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Yaroslavskoi oblasti. Fond 1299. Opis' 2* [State Archives of the Yaroslavl Region. Archive 1299. Anagraph 2].
4. Denikin A.I. *Staraya armiya. Ofitsery* [The Old Army. Officers]. Moscow: Airis-press Publ., 2005. 512 p.
5. Kartsov P.P. *Istoricheskii ocherk Novgorodskogo grafa Arakcheeva kadetskogo korpusa i Nizhegorodskoi voennoi gimnazii (nyne Nizhegorodskii gr.[afa] Arakcheeva kad.[etskii] korpus): sostavil k 50-letnemu yubileyu korpusa, kadet pervogo priema i pervogo vypuska general-leitenant Kartsov. 1834–1884* [Historical sketch of the Novgorod Count Arakcheev Cadet Corps and the Nizhny Novgorod Military Gymnasium. 1834–1884]. St. Petersburg, 1884, 416 p.
6. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii XVIII – nachalo XX v. Genezis lichnosti demokraticheskoi sem'i grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t.* [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX centuries). The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law. 2 vols.]. St. Petersburg, 2003, vol. 2, 566 p.
7. Poberezhnikov I.V. *Mikroistoriya: deistviya i struktury v istoricheskom kontekste* [Microhistory: Actions and Structures in a Historical Context]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2010, no. 4(29), pp. 8–13.
8. Pushkareva N.L., Lyubichankovskii S.V. *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremen-nom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k Rossiiskoi filosofskoi shkole* [Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: From the Annales School to the Russian Philosophical School]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 7–21.
9. Revel' Zh. *Mikroistoricheskii analiz i konstruirovaniye sotsial'nogo* [Microhistorical Analysis and Construction of the Social]. In: *Odissei. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History]. Moscow, 1996, pp. 110–121. Available at: <https://lilitlife.club/books/84957/read?page=48> (Access Date: 2024, May 31).
10. *Russkaya armiya v Velikoi voine: Kartoteka proekta: Lyupov Sergei Nikolaevich* [The Russian Army in the Great War: Card Index of the Project: Lyupov Sergey Nikolaevich]. Available at: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=486> (Access Date: 2024, May 31).
11. Filyushkin A.I. *Metodologicheskie innovatsii v sovremennoi rossiiskoi istoricheskoi nauke* [Methodological Innovations in Modern Russian Historical Science]. *ACTIO NOVA: sb. st.* [ACTIO NOVA: Digest of articles]. Moscow, Globus Publ., 2000, pp. 7–52.
12. Cherutti S. *Mikroistoriya: sotsial'nye otnosheniya protiv kul'turnykh modelei?* [Microhistory: Social Relations vs. Cultural Patterns?]. In: *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii* [Casus. Individual and unique in history], 2006, iss. 7, pp. 354–375.
13. Shaposhnikov B.M. *Vospominaniya. Voенно-nauchnye trudy* [Memories. Military-scientific works]. Moscow, Voenizdat Publ., 1974, 574 p.

LYUBOV M. ARKHIPOVA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia, Yaroslavl (Lubov.a2011@yandex.ru).

Формат цитирования: *Архипова Л.М.* Биографический дискурс повседневной армейской службы в конце XIX века (по письмам подпоручика А.Н. Люпова) // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 43–54. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-43-54.

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-55-68

УДК 930.1
ББК 63.3(2)6

А.В. МАНЬКОВ

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 1920-х ГОДОВ:
УЛЬЯНОВСКИЕ ГАЗЕТЫ
ОБ ОТКРЫТИИ ДВОРЦА КНИГИ ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА
И ЕГО ПЕРВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ**

Ключевые слова: культура, Среднее Поволжье, Ульяновск (Симбирск), Дворец Книги, В.И. Ленин, учреждение культуры, библиотека, Губернское книгохранилище, А.А. Знаменская, М.Г. Медведева, «Пролетарский путь».

Обширная история российских библиотек периодически привлекает к себе повышенное внимание исследователей российской культуры. Это положение имеет отношение и к региональному аспекту данной научной проблемы. Не является исключением из правил и Среднее Поволжье, где первые библиотеки в учебных заведениях появились еще в самом начале XIX в., а коммерческие и публичные – в период царствования Николая I. В январе 2025 г. исполняется 100 лет со дня открытия в Ульяновске Дворца Книги, что придает представленному исследованию несомненную актуальность. Более того, интерес к этому событию подчеркивается присвоением Дворцу Книги имени вождя мирового пролетариата и уроженца Симбирского края, а также приглашением на его открытие вдовы В.И. Ленина – Н.К. Крупской. Как следствие того общественно-политического и идеологического значения, которое придавали ему губернской власти, о нем в свое время немало писали ульяновские газеты. Как видели современники факт открытия Дворца Книги в губернском центре? Каковы его особенности? Что известно о начальной истории учреждения?

Цель работы – изучение особенностей процесса появления и открытия Дворца Книги имени В.И. Ленина, а также его первых мероприятий, проведенных в начале 1925 г.

Материалы и методы. Автором используются проблемно-аналитический и хронологический методы. В представленной публикации анализируются в основном советские газеты, выходявшие в Ульяновске в 1925 г.

Результаты исследования. Автор указывает на то, что открытие 21 января 1925 г. нового учреждения советской культуры – Дворца Книги – состоялось в торжественной обстановке при участии ответственных работников города Ульяновска, а также известного библиографа М.Г. Медведевой. Образованное новое учреждение советской культуры, являясь наследником Карамзинской общественной и Гончаровской публичной библиотек, имевших богатую многолетнюю историю, стало не только одним из крупнейших хранилищ книг и рукописей Среднего Поволжья, но и по праву оказалось одним из важнейших образовательных и просветительских центров региона, о чем свидетельствуют ранние культурно-просветительские мероприятия, первым из которых считается масштабная выставка, посвященная событиям 1905 г.

Выводы. Возникновение Дворца Книги, несомненно, придало мощный импульс духовному и научному развитию всего Среднего Поволжья во второй половине 1920-х гг., а также процессу сохранения культурного наследия его народов. Для ульяновцев стал важен не только факт начала работы новой библиотеки, но и само торжественное открытие крупного книгохранилища. Это заметное явление культурной и всей общественно-политической жизни города Ульяновска и Среднего Поволжья 1920-х гг. и, возможно, одно из первых событий начинавшейся культурной революции в Симбирско-Ульяновском Поволжье.

Введение. После завершения в Советском Союзе Гражданской войны (последние серьезные очаги вооруженного сопротивления белогвардейцев были ликвидированы Красной армией на Дальнем Востоке и Сибири только летом 1923 г., а иностранная интервенция продолжалась до 1925 г. – А.М.) при переходе к мирному строительству советскому государству необходимо было

не только преодолеть экономическую и технологическую отсталость страны, но и выработать основные пути построения нового социалистического общества. С другой стороны, как справедливо отметила доктор педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ Г.В. Михеева, «одной из первостепенных задач, стоявших в этот период перед советской властью, стало проведение в жизнь культурной революции» [22. С. 8].

Как известно, несмотря на объективные трудности военного и послевоенного периодов, сфера культуры советского общества в 1920-е гг. продолжала активно функционировать, но, в первую очередь, в самых больших городах страны, таких как Петроград (Ленинград), Москва или Екатеринбург (с 14 октября 1924 г. он назывался Свердловском. – А.М.). А как обстояло дело с культурой в средневожских городах? В фокусе данного исследования – культурная жизнь Среднего Поволжья середины 1920-х гг. По нашему мнению, в череде событий культурной деятельности в этом большом регионе Советского Союза на одном из ведущих мест оказалась открытие в январе 1925 г. в центре Ульяновской губернии Дворца Книги. Столетие этого исторического события, которое планируется отметить в Симбирско-Ульяновском Поволжье в начале 2025 г., придает, на наш взгляд, представленному исследованию несомненную актуальность.

Вполне естественно, что об истории Дворца Книги уже писали, и в первую очередь ульяновские исследователи. Например, один из ведущих сотрудников библиотеки Г.Н. Мартынова в 2015 г. в своей работе «Нам много лет, и сделано немало (к 90-летию отдела литературы на иностранных языках Дворца Книги – Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина)» в журнале «Библиотековедение» раскрыла важные эпизоды рождения в Ульяновске нового учреждения культуры и появления в нем 15 марта 1925 г. отдела литературы на иностранных языках [3. С. 104]. Наша статья «О деятельности Симбирского губернского книгохранилища по сохранению культурного наследия Симбирско-Ульяновского Поволжья в 1920-е годы (по материалам симбирских газет)»¹, вышедшая в 2022 г., также содержала краткую информацию, почерпнутую из современного исследования ульяновского специалиста В.В. Морозовой, которая указывала, что «в 1924 г., следуя положениям декрета о централизации библиотечного дела, все библиотеки были объединены в Дворец Книги, торжественно открытый 21 января 1925 г.» [5. С. 104]. В этой работе лишь лапидарно упоминается о факте появления новой библиотеки, в первую очередь, в контексте связи и преемственности истории Симбирского губернского книгохранилища и Ульяновского Дворца Книги им. В.И. Ленина. В данной же статье рассматриваются другие аспекты истории культуры Среднего Поволжья, опубликованные в печатных изданиях Ульяновска 1925 г. Такое положение дел стало возможным вследствие большого общественно-политического и идеологического значения, которое придавали этому событию губернские власти и, исходя из этого, советские ульяновские газеты, немало писавшие о нем.

В связи с этим для современной исторической науки актуальным является исследование основных причин возникновения Дворца Книги и его связи с предыдущими организациями, характера отражения его открытия в губернских

¹ См.: Маньков А.В. О деятельности Симбирского губернского книгохранилища по сохранению культурного наследия Симбирско-Ульяновского Поволжья в 1920-е годы (по материалам симбирских газет) // Исторический поиск / Historical Search. 2022. Т. 3, № 4. С. 112–131. DOI: 10.47026/2712-9454-2022-3-4-112-131.

газетах, особенностей начала работы учреждения культуры, реакции местной общественности на означенное событие.

Цель исследования – раскрытие специфики процесса появления и открытия Дворца Книги им. В.И. Ленина в Ульяновске в контексте исторических связей с имевшимися в городе объектами культуры, а также содержания первых мероприятий, проведенных новым учреждением советской культуры в 1925 г.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись проблемно-аналитический и хронологический методы исторического исследования. По имеющейся традиции в качестве главного источника выступают советские печатные издания, выходявшие в губернском центре в 1925 г. В основном это касаются газеты «Пролетарский путь», которая в 1920-е гг. являлась органом Симбирского (Ульяновского) Губисполкома, Губкома РКП(б) и Губпрофсовета. Указанное издание стало печататься в городе в марте 1923 г. вместо другой подобного общественно-политического уровня газеты, а именно – «Экономический путь». Как известно, редакторами «Пролетарского пути» в разное время работали известные симбиряне: И. Рыбочкин, А. Рытиков, Р. Азарх, И. Булатов и др. Тираж газеты в исследуемый период колебался в пределах от 2 400 до 10 000 экземпляров [21. С. 17].

Результаты исследования. История российских библиотек представляется нам достаточно обширной. Кстати, в Среднем Поволжье первые библиотеки в учебных заведениях появились еще в самом начале XIX в., а коммерческие и публичные – в 1850–1860-х гг. Так, например, говоря о процессе возникновения библиотек в России XIX в., их исследователь И.А. Кутейников писал о наличии в 1860-х гг. публичной библиотеки в Самаре, ставшей одной из первых в Среднем Поволжье [3. С. 105].

Исторический факт появления в городе Ульяновске столь крупного учреждения культуры, каким, несомненно, оказался Дворец Книги, обуславливался процессом дальнейшего развития библиотечной системы Ульяновской губернии, появившейся на карте Советского Союза после решения ЦИК СССР от 9 мая 1924 г. Эта большая советская административная единица, вне всякого сомнения, должна считаться продолжателем истории очень крупной в Императорской России Симбирской губернии (далее, объединяя историю двух губерний, используется термин «Симбирско-Ульяновское Поволжье»). – *А.М.*

Обратимся к прошлому библиотек Симбирско-Ульяновского Поволжья, оказавшихся частью культурной истории средневолжского региона. Ранее мы уже писали о том, что ко времени прихода к власти большевиков Симбирская губерния являлась местом, где было достаточно хорошо развито библиотечное дело, а губернский город Симбирск (с 1924 г. Ульяновск. – *А.М.*) был крупным культурным и, особенно, литературным центром всего Поволжья. Подобное положение дел сложилось отнюдь не случайно. Так, по мнению авторов крупного исследования советского периода отечественной истории, посвященного деятельности партии большевиков и проникнутого абсолютно классовыми подходами к изучению прошлого, в XIX в. Симбирская губерния дала целую плеяду замечательных писателей, поэтов и ученых, ставших известными всей России и за ее рубежами [6. С. 21]. По нашему убеждению, имена И.А. Гончарова, Н.М. Карамзина, Н.М. Языкова, П.В. Анненкова и других видных деятелей российской культуры, тесно связанных с Симбирском, служат явным подтверждением этого тезиса.

С другой стороны, мы считаем, что, зная о количестве в губернии библиотек разного уровня подчинения и их реальном состоянии, Симбирск в те годы

вполне можно было назвать и «библиотечной столицей Среднего Поволжья». Так, например, в начале XX в. в Симбирске уже работали Карамзинская общественная библиотека, Симбирская бесплатная народная библиотека-читальня в память И.А. Гончарова и публичная библиотека хорошо известной в городе меценатки А.А. Знаменской [7. С. 114–116].

Старейшим нечастным собранием книг Симбирско-Ульяновского Поволжья объективно является Карамзинская общественная библиотека. Книгохранилище, получившие имя русского историографа и уроженца Среднего Поволжья Н.М. Карамзина, начало свою деятельность в губернском центре при императоре Николае I в конце первой половины XIX в. (основана в 1846 г., открылась 18 апреля 1848 г. – *А.М.*). Историк культуры Среднего Поволжья И.А. Кутейников отмечает большую роль в становлении Карамзинской библиотеки известной симбирской семьи Языковых, с чем необходимо согласиться [3. С. 105]. Следует отметить, что основу книжных богатств Карамзинской общественной библиотеки действительно составили 2325 томов личной библиотеки Николая Михайловича Языкова. Они были переданы после смерти поэта его братьями – Петром и Александром, принимавшими самое деятельное участие в учреждении библиотеки в Симбирске. Кстати, подарки стали одним из основных источников комплектования фондов Карамзинской библиотеки на протяжении всего её существования до 1918 г. Интересен и тот факт, что размещавшаяся в доме Симбирского дворянства «Карамзинская общественная библиотека была единственной из провинциальных библиотек, которая предлагала не только чтение в помещении, но и получение книг на дом бесплатно всякому желающему» [7. С. 114].

Истории Гончаровской и публичной библиотек тесно связаны друг с другом. К слову, в библиотеке, посвященной писателю, заведующей, как и в публичной, также работала Александра Знаменская [7. С. 115]. Эта образованная симбирская помещица была хорошо известна в крае не только своей просветительской деятельностью. Удивительно, но факт, что накануне Первой русской революции в 1904 г. политические власти Симбирска считали эту женщину дворянского происхождения «личностью в политическом отношении весьма неблагонадежной» и, более того, оценивая «круг ее знакомых», полагали, что его «составляли большей частью лица, скомпрометированные в политическом отношении» [1. Д. 248. Л. 624].

Библиотекарем Симбирской бесплатной библиотеки-читальни в память И.А. Гончарова с самых первых дней ее функционирования до 1920 г. трудилась одна из самых авторитетных библиотекарей Симбирска (Ульяновска) Мария Григорьевна Медведева [7. С. 115]. М.Г. Медведева родилась в 1869 г., а на библиотечной работе находилась с 1891 г., в Гончаровскую библиотеку она пришла работать в 1893 г. [5. С. 111].

Работу публичной библиотеки А.А. Знаменской, вне всякого сомнения, можно считать особым явлением культурной жизни Симбирска. Она была открыта в октябре 1899 г. и размещалась в том же помещении по ул. Лосевой, что и библиотека-читальня [7. С. 115]. Исследователь библиотек И.А. Кутейников называет ее «платной публичной библиотекой», но официально используемым названием было «публичная библиотека Знаменской» [2].

Кстати, в ней, например, в 1902 г. работали те же самые люди, что и в Гончаровской библиотеке (библиотекарь – М.Г. Медведева, помощница – Н.В. Кашкадамова. – *А.М.*). В том же году в библиотеке имелось 1457 томов и 959 периодических изданий, а ее услугами воспользовались 140 человек [8. С. 226].

Важным событием культурной жизни Симбирско-Ульяновского Поволжья стало изменение статуса крупнейших библиотек, работавших в крае, произошедшее в начале XX в. Во-первых, обе библиотеки, созданные симбирской помещицей А.А. Знаменской, в 1894 г. получили в городе «новую прописку» в частном доме Беляева на ул. Покровской, а в 1907 г. – в доме городского правления, что можно считать довольно престижным местом. Во-вторых, в первые годы нового века произошло другое и не менее заметное преобразование. Так, 16 ноября 1901 г. в день чествования 10-й годовщины смерти русского писателя и уроженца Симбирского Поволжья И.А. Гончарова Александра Знаменская передала и ту, и другую библиотеки в дар своему городу. При этом она, в частности, отметила: «... В день чествования памяти великого русского романиста я, как учредительница библиотеки-читальни его имени, решила передать основную мою библиотеку в заведывание города» [8. С. 224]. Таким образом, можно поддержать мнение уже упоминавшегося нами И.А. Кутейникова, которое мы приводили в своих исследованиях, – к началу революционной эпохи 1917 г. в Симбирске работали две публичные библиотеки [2].

В то же время в контексте нашего исследования необходимо отметить, что в городе было немало и других библиотек, принимавших заметное участие в культурной жизни края. Так, местом хранения уникальных и ценных книг всегда являлась Симбирская губернская ученая архивная комиссия [4]. При ней, в частности, работала специальная библиотека, имевшая богатые литературные фонды [8. С. 202]. Например, к 1 января 1901 г. в ней находилось «названный книг 1242, томов же и брошюр 1473» [8. С. 207]. Учитывая также наличие библиотек в учебных заведениях города, можно говорить о том, что в Симбирске к началу Октябрьской революции существовала крупная разветвленная сеть библиотечных учреждений. По нашей оценке, все вышесказанное является серьезным аргументом в пользу того, чтобы считать Симбирск крупным библиотечным центром своего региона перед приходом к власти большевиков.

Победа в Петрограде в октябре 1917 г. строителей нового общества и формирование ими советских органов власти ознаменовали собой новый этап как в культурной жизни края, так и, что вполне естественно, в развитии библиотечной системы Симбирско-Ульяновского Поволжья.

Большую роль на этом этапе сыграла, как часто бывает, новая война. Последствия завершившейся в 1922 г. по всей стране Гражданской войны, а в отдельных районах и позже, выразившиеся в трудностях социально-экономического характера и откровенной разрухи в некоторых регионах, привели к тому, что молодая Советская республика не имела возможностей содержать большое количество учреждений культуры, в частности провинциальных библиотек.

В результате по итогам многочисленных преобразований новой власти к 1925 г. ведущим библиотечным учреждением Симбирско-Ульяновского Поволжья оказалось Симбирское губернское книгохранилище, возникновение которого стало следствием наличия в «дворянском городе», как называли Симбирск до революции 1917 г., показанной нами выше сети библиотек различного подчинения [7. С. 32].

История Симбирского книгохранилища достаточно хорошо известна исследователям. Например, как указывала исследователь библиотек Симбирско-Ульяновского Поволжья В.В. Морозова: «В январе 1921 г. Губисполком (Симбирский. – А.М.) утвердил решение междуведомственной комиссии о реорганизации библиотеки имени Гончарова – Карамзина в Губернское книгохранилище [5. С. 103].

Следует подчеркнуть, что в 1924–1925 г. богатейшее Симбирское губернское книгохранилище оказалось в центре очередного реформирования библиотечной системы региона. Так, оно вошло в состав созданного по декрету о централизации всего библиотечного дела Дворца Книги и прекратило свое самостоятельное существование [6. С. 104]. После расформирования Губернского книгохранилища, где она работала заведующей, с октября 1924 г. во Дворец перешла и уже упомянутая нами М.Г. Медведева, где вскоре стала трудиться заместителем заведующего (работала в учреждении до 1 октября 1926 г. – А.М.) [5. С. 104]. Необходимо отметить, что средневолжский библиограф М.Г. Медведева также приняла участие в торжественном открытии в Ульяновске Дворца Книги и выступила на нем, наряду с рядом ответственных работников города.

Особо отметим, что ульяновская региональная печать в этот период постоянно привлекала внимание широкой общественности губернии к работе своих библиотек самого разного уровня. Как мы выяснили, не стал исключением и новый этап их реформирования, который находится в центре нашего научного интереса. Так, 7 января 1925 г. в очередном номере ульяновской газеты «Пролетарский путь» было опубликовано небольшое сообщение «К открытию “Дворца Книги”», в которой мы находим нужную нам информацию: «21 января открывается “Дворец Книги” имени Ильича. В нем теперь собрано более 300 000 книг. Есть очень ценные старинные экземпляры: венецианские издания, голландские “Эльзевиры” и т.д.» [12. С. 5].

На наш взгляд, очень важно и то, что автор этого сообщения заявил о том, что «“Дворец Книги” будет одной из лучших библиотек в Республике» [12. С. 5]. В наши дни, анализируя эту информацию, несмотря на довольно своеобразное название, мы конкретно определяем Ульяновский Дворец Книги не только как учреждение культуры, но, в первую очередь, как библиотеку.

В 1925 г. Дворцу Книги было присвоено имя вождя мирового пролетариата В.И. Ленина, а на открытие библиотеки была приглашена его вдова Н.К. Крупская. В исследуемой нами заметке 1925 г. автором был подчеркнут социально-политический уровень будущего мероприятия. Он заметил: «На открытие ожидается Н.К. Крупская. Ей, на днях, спешной почтой, послано приглашение» [12. С. 5].

Есть смысл обратить внимание на то, что Надежда Крупская в 1925 г. была не только вдовой В.И. Ленина, но и заметным советским государственным и общественным деятелем (С 1920 г. она возглавляла Главполитпросвет при Народном комиссариате просвещения, в ведении которого находились библиотеки. – А.М.).

По нашему мнению, в условиях молодого Советского государства эти меры в сознании рядового гражданина Страны Советов означали, что открытие большой библиотеки является не только важным культурным событием, но и значительным мероприятием политического и идеологического характера. В связи с этим следует отметить, что практика увековечивания памяти главы первого Советского Правительства В.И. Ульянова-Ленина, свойственная для второй половины 1920-х гг., стала составной частью идейно-политической и агитационно-массовой работы, проводимой РКП(б) после смерти своего вождя в январе 1924 г. В 1925 г. роль образа В.И. Ленина в жизни страны оставалась очень важной. Так, 1 января 1925 г. «Пролетарский путь» подчеркивал: «Второй год без Ленина. Но партия и рабочий класс будут неуклонно выполнять заветы вождя. В 25-м году мы расширим и углубим все начатое в минувшие годы» [9. С. 1].

Это видно и по анализируемой нами заметке, в которой было обращено внимание читателя на характер мероприятия, а также упоминается имя умершего вождя: «В 6 ч. веч. в “Дворце Книги” состоится торжественное заседание. Затем – инсценировка «памяти Ленина» с участием хора, оркестра, и групповой декламацией и – концерт. В концерте участвуют любители и артисты Большого театра (название городского театра г. Ульяновска. – А.М.)» [12. С. 5].

По факту Дворец Книги открыл свои двери 15 ноября 1924 г. В этот день началась работа выдачного отделения (абонемент) и детского отделения (детская читальня). Однако его официальное торжественное открытие было приурочено ко дню памяти «вождя мирового пролетариата», что и отражается в сценарии появлением инсценировки «памяти Ленина». Через десять дней после первого сообщения об открывающейся библиотеке, 17 января 1925 г., та же газета обнародовала довольно обширный план торжественного открытия нового учреждения культуры. В заметке «К открытию Дворца Книги», опубликованной в газете «Пролетарский путь», было указано: «Ко дню открытия – 21 января готовятся три выставки, устраиваемые “Дворцом” вместе с Истпартом: ленинская, “История 1905 года” и “структура Дворца Книги”. Выставки обогатятся плакатами, снимками, диаграммами и т.п.» [14. С. 5].

В публикации было уделено внимание и торжественной части мероприятия. Так, например, в ней указано «В память даты открытия и в память библиотек, вошедших в “Дворец”, будет сооружена мраморная мемориальная доска. После торжественного открытия, вечером состоится спектакль с участием артистов гортеатра, любителей и учеников школы имени Маркса. Будут оркестр и хор. Инсценируется постановка “памяти Ленина”. Билеты распространяются по ячейкам и профсоюзам» [14. С. 5].

Следует подчеркнуть, что вопрос об увековечивании памяти Владимира Ильича Ленина был поставлен в Советском Союзе в 1924 г. практически сразу после смерти выдающегося политического деятеля.

«Пролетарский путь» писал об этом 21 января 1925 г: «Вопрос об увековечивании памяти В.И. в Ульяновске и губернии является одной из наших текущих задач. Созданная в прошлом году губкомиссия по увековечиванию памяти В.И. Ленина часть намеченного плана уже претворила в жизнь, но это только часть. Целиком план нам еще предстоит выполнить. Намеченные комиссией мероприятия в области создания в Ульяновске ряда культурных показательных учреждений осуществляются открытием “Дворца Книги”. Кроме того, проведено в жизнь решение комиссии о расширении дома Ленина, представлении в нем более полных материалов о жизни и деятельности В.И. Но главная задача и цель, поставленная комиссией, пока еще далека от осуществления – это постановка в Ульяновске памятника Владимиру Ильичу» [15. С. 2].

Здесь необходимо отметить, что кампания по увековечиванию памяти В.И. Ленина развернулась в исследуемый период не только на его родине в Ульяновске (бывш. Симбирске), но она проходила по всей огромной стране. При этом, что вполне естественно, эта практика принимала самые разнообразные формы. Так, например, в столице «Московский Комитет РКП, учитывая наметившийся подъем среди рабочих масс, в связи с проведением кампании годовщины смерти т. Ленина, а также наблюдающуюся тягу рабочих в партию, постановил направить внимание парторганов на подготовку проведения массового приема рабочих от станка в партию» [11. С. 1].

Ульяновская печать также не оставалась в стороне от этой политической задачи. Так, в конце января 1925 г. «Пролетарский путь» в публикациях на своих страницах немало уделял внимания памяти В.И. Ленина. Как писал «Пролетарский путь» в статье «К годовщине смерти В.И. Ленина»: «Ленин жив. Ленин бессмертен» [20. С. 1]. Заметки о «Памяти Ильича», «Без Ильича, но с его заветами» и «Распространении ленинизма» занимали немало места на ее страницах. Например, мы встречаем подобный материал в номере газеты от 30 января 1925 г. [20. С. 3].

Образ руководителя революции и создателя Советского государства являлся одним из основных и в культурной жизни СССР. Ленинская тема присутствовала, в частности, в библиотечной повестке. Так, к траурной дате смерти В.И. Ленина Дворец Книги принял новые поступления книг. Например, Главполитпросвет прислал Дворцу Книги три выпуска нового издания книги «Первая годовщина смерти Ленина» [13. С. 5]. Газета «Пролетарский путь» 17 января 1925 г. сообщила, что «книга имеет массу материалов статейных и литературных и служит прекрасным пособием для проведения ленинских дней. Присланы также новые книги «Ленинизм в лозунгах», «9-е января в рабочих клубах». Книги распределяются по клубам и библиотекам» [13. С. 5].

20 января 1925 г. «Пролетарский путь» указывал: «В музее при доме В.И. Ленина ежедневно с 5 до 8 час. вечера включительно принимается запись на очередь для Экскурсии в Дом Книги на выставку двадцатилетия “1905 года”. После 22 января запись будет вестись в читальном зале Дворца Книги, с 4 до 8 час. вечера, у тов. Быковой. Выставка будет открыта с 22 января с 5 до 8.30 час. вечера ежедневно для всех посетителей, экскурсии же будут приниматься с 5 до 7 час. вечера. Истпарт» [14. С. 5].

Интересно узнать, что Губполитпросвет (Губернский политико-просветительный комитет. – А.М.) организовал для ведущей ульяновской библиотеки подписку периодических изданий. «Пролетарский путь» сообщал: «На 1925 год губполитпросвет выписал для “Дворца” свыше 10 газет и около 40 различных журналов, т.е. почти все журналы общеобразовательного значения, издающиеся в СССР» [13. С. 5].

Каковы были масштабы обслуживания Дворца Книги? Стал ли он популярен в городе? Ответы на эти вопросы мы тоже находим в газете «Пролетарский путь». В номере от 17 января под рубрикой «К открытию Дворца Книги» была помещена соответствующая информация. Так, говоря о посещаемости Дворца, было сказано: «“Дворец книги” зарегистрировал посещения: выдачное отделение – 5666 человек за 1,5 месяца, детское отделение – 7921 человек за 3 месяца, читальный зал за 8 дней имеет 484 посещения. Всего, таким образом, дворец посетили 14 071 человек. По губернии, для изб-читален и библиотек коллектор «Дворца» разослал за три месяца – 27 916 томов книг» [13. С. 5].

В связи с этим нельзя не отметить тот факт, что в наследство от Симбирского губернского книгохранилища и других учреждений новая библиотека получила в свой состав и богатый губернский коллектор. Так, 3 января «Пролетарский путь» отмечал: «С 5 января возобновляется работа коллектора по выдаче передвижных библиотек и коллективных абонементов. Коллективные абонементы бывших библиотек Детской и Центральной переданы в коллектор. Коллектор открыт ежедневно, кроме четвергов, от 9 до 3 ч. дня» [11. С. 5].

Тогда же в январе 1925 г. во Дворце были проведены первые публичные мероприятия: в библиотеке были организованы крупные выставки. «Пролетарский путь», в частности, указал: «С первых дней своего существования Дворец

определил себя не только как библиотека, но и как крупный культурно-просветительский центр. Уже в январе 1925 г. он представил свои первые выставки. Так, в центре внимания учреждения оказалась «Первая русская революция» (в 1925 г. отмечалось двадцатилетие русской революции 1905–1907 гг. – А.М.).

29 января «Пролетарский путь» писал: «Выставка поставлена во Двор. Книги губархивом и истпартком совместно со служащими Дв. Книги. Она состоит из двух частей, взаимно дополняющих друг друга. 1-я русская революция 1905 г. и Ленин и РКП(б) и год без Ленина. Много плакатов подобраны по темам, лозунги из сочинений Ильича, масса литературы. Прокламации и нелегальная коммунистическая литература 1905–06 гг. и кандалы в витринах говорят о тяжести пережитого, о кровавом пути, пройденном партией РКП(б) и авангардом пролетариата» [19. С. 4].

По нашему мнению, значимость этого мероприятия подтверждается назначением сотрудников на первую выставку. Газета указала: «Объясняют выставку выделенные горкомом товарищи; в дежурстве принимают участие делегатки горженотдела, которые имеют в Дв. Книги постоянный уголок работницы» [19. С. 4].

Автор заметки «К 20-ти летию русской революции», скрывшаяся за инициалами Е.Л., призвала: «Члены РЛКСМ, делегатки женотдела, комячейки и пионеры, все ли вы посетили выставку двадцатилетия русской революции? а вы учащиеся, профсоюзы, 12 пехотная школа и др., если еще не были на выставке, то торопитесь!! Через 3 дня она закроется. Месткомы, вы когда пойдете со своими ячейками на выставку? Ленин работал для масс и с массами, так не ходите же, товарищи, одиночками на выставку, а идите организованно: ячейками и экскурсиями, принося с собой список своей экскурсии» [19. С. 4].

Газета поместила на своих страницах и мнение простого посетителя. 25 января 1925 г. вышла объемная статья: «Выставка Истпарта и Дворца Книги. (Впечатления посетителя)» [16. С. 2]. Ее автор замечает: «Шла в библиотеку менять книги. Оказывается, выдачное отделение не работает, и сотрудники любезно приглашают всех проходящих осмотреть выставку. Большой зал Дворца Книги имеет оживленный вид: повсюду, группами и одиночками, рассыпались посетители. Вдоль стен, на щитах, столах, в витринах и т.д. расположены экспонаты. Содержание выставки толково разнообразится многочисленными плакатами, лозунгами, картинами и ориентировочными надписями» [16. С. 2].

И далее: «Вся выставка разделена на две большие части: памяти В.И. Ленина и 1905 год. Как в первом, так и во втором – целый ряд подотделов: Ленин и РКП, год без Ильича, СССР в капиталистическом окружении, 1905 г. в музыке, печать 1905 г., аграрные волнения и 1905 г. в Симбирской губернии, 9 января и декабрьское восстание и т.п. Повсюду на столах разложены книги, относящиеся по содержанию к соответствующим разделам выставки. Многочисленные лозунги и изречения, взятые из сочинений В.И. Ленина, подобраны очень удачно, и часть посетителей тут же записывает их для себя. В форме большой раскрытой книги дан довольно большой указатель к сочинениям В.И. Ленина, причем многие подотделы выставки имеют краткие рекомендательные списки литературы, подробно знакомящие с освещаемым вопросом» [16. С. 2].

В заметке особо было отмечено: «Из газет ценны “Искра” и “Пролетарий”, редактировавшиеся В.И. Лениным. Многие экспонаты, помещенные в витринах, очень желательно осмотреть подробно, но по объяснению устроителей

выставки возможно это будет только лишь по окончании выставки, когда и Дворец Книги будет в состоянии выдать для прочтения заинтересовавшую посетителя Книгу, и музей в доме Ленина сможет предоставить для более полного ознакомления помещенные под витринами экспонаты» [16. С. 2].

Автор поделился своими впечатлениями о вспомогательных надписях: «Сравнительно большой размер выставки и обилие материалов заставляют посетителя несколько теряться в обозревании, но тут на выручку приходят ориентировочные надписи, а главным образом устроители выставки, подробно объясняющие группам и даже отдельным лицам содержание развернутого материала, причем объяснения эти по временам носят характер настоящих лекций» [16. С. 2].

На выставке было уделено внимание женщинам Советской страны. А именно: «В одном из концов зала, под хорами, помещается женский уголок, устроенный – как видно работницами с большими стараниями и любовью и, по объяснению одного товарища, исключительно силами одних работниц. Тут привлекает внимание исполненный одной железнодорожной работницей плакат с надписями: “Станция отправления – Коминтерн, путь Ленинизм, станция назначения – Коммунизм”» [16. С. 2].

В заключение было подчеркнуто, что «нет сомнения, что выставка дана не для поверхностного обзора, и внимательное ознакомление с ней принесет, безусловно, большую пользу, рисуя в наглядных образах целый ряд политических этапов страны» [16. С. 2].

Как следствие, делается вывод о необходимости посетить выставку: «Остается только пожелать, чтобы возможно большее количество организаций и отдельных лиц поспешили бы осмотреть выставку, которая продлится всего лишь до 25–26 января» [16. С. 2].

Какова была реакция общественности на это событие?

Очень наглядна в связи с этим информация, помещенная в газете «Пролетарский путь» от 28 января, в которой сообщалось о том, что «выставка Истпарта (Во Дворце Книги) продлена до 1-го февраля с.г.», что, вне всякого сомнения, на наш взгляд, говорило о ее популярности среди горожан [18. С. 4].

Действительно, можно сказать, что практика работы Дворца Книги в первых его мероприятиях отвечала положениям Первого библиотечного съезда РСФСР, проходившего летом 1924 г., о том, что «... изменение в характере библиотек, превращение их из мертвого хранилища, из своего рода архива печатного материала в культурную, живую, двигающуюся и оплодотворяющую массы силу, изменяет и значение библиотекаря. Библиотекарь – хранитель, библиотекарь – книжный червь, который хранит эти книги, выдавая те или другие исключительно по спросу тех, которые нуждаются в этих книгах, такой библиотекарь осужден на умирание, как осуждена и вся старая система. Теперь новый тип библиотекаря есть настоящий просветительный работник ... Он является первичным просветительным работником, он является необходимым звеном, связывающим массы с наукой и культурой» [22. С. 16].

А что это, как ни культурная революция в библиотечном деле? Пожалуй, Дворец Книги стал первой библиотекой в Симбирско-Ульяновском Поволжье, которая начала работать по-новому. Говоря же о революции в сфере культуры, сегодня необходимо согласиться со словами В.И. Ленина из статьи о кооперации: «Мы начали с другого конца, с политической революции, с социальной

революции, подошли теперь к революции культурной, перед которой мы стоим» [22. С. 27].

Интересно и то, что помещение новой городской библиотеки в исследуемый период часто использовалось в научных и просветительских целях представителями разных ульяновских сообществ. Особенно активны в этом направлении, на наш взгляд, были местные медики. Например, 18 декабря 1924 г. во Дворце Книги происходило заседание «научного общества медицинских врачей, на котором среди других присутствовали врачи Литов, Ноинский, Томковид» [10. С. 5].

В конце января 1925 г. в «Пролетарском пути» была опубликована заметка под заголовком «В научном обществе врачей». В ней указывалось: «В четверг, 29 января в 8 ч. веч. во Дворце Книги состоится общее собрание обва, на котором будут сделаны доклады: д-ром Н.И. Якуб – “К вопросу о стенозах и атрезиях влагалища”, д-ром А.Ф. Макаровым – “Вендиспансер и его функции”, д-ром А.И. Банцековым – “Роль социального совета при вендиспансере”. Вход свободный» [17. С. 5].

Выводы. Таким образом, в непростых социально-экономических условиях недавно завершившейся в отдельных районах страны осенью 1922 г. Гражданской войны советское общество постепенно переходило к мирной деятельности, где нашлось место и сфере культуры. На примере официального открытия в Ульяновске в январе 1925 г. Дворца Книги им. В.И. Ленина можно констатировать факт наличия содержательной культурной практики и в Среднем Поволжье середины 1920-х гг. В то же время после появления в губернском центре такого крупного учреждения культуры Ульяновск, как и в довоенную эпоху (период до Гражданской войны. – А.М.), имея в интеллектуальном багаже богатые духовные традиции досоветского периода истории края, продолжал оставаться важным библиотечным центром всего Среднего Поволжья. В связи с этим для нас абсолютно очевидна связь этого учреждения культуры не только с Симбирским губернским книгохранилищем, появившимся уже в Советской России, но и ранее работавшими в дореволюционном Симбирске Карамзинской общественной и Гончаровской публичной библиотеками. Эта преемственность, в том числе, выражалась и в работе библиотечных кадров. В Ульяновске таким носителем библиографических традиций Симбирско-Ульяновского Поволжья, по нашему мнению, необходимо считать М.Г. Медведеву, трудившуюся с 1893 г. практически во всех библиотеках края. Появление Дворца Книги в Ульяновске, несомненно, стало заметным событием не только культурной, но и общественно-политической жизни всего региона. Уровень проведения первых мероприятий Дворца Книги под общей темой «К 20-летию русской революции» позволяет говорить о высоком уровне профессиональной подготовки работников культуры губернского города, а идеологическая направленность, в частности, выставки «Двадцатилетие русской революции 1905–1925 гг.» дает право считать Дворец Книги заметным очагом идейно-политического воспитания советских граждан в Симбирско-Ульяновском Поволжье. Ульяновская печать в начале 1925 г. часто, полно и объективно писала о процессе появления и открытия в губернском центре нового учреждения культуры. Освещение открытия исследуемой библиотеки и ее деятельности в начальный период в городских газетах свидетельствует о том, что ульяновская общественность с интересом и энтузиазмом восприняла факт создания в регионе большого объекта советской культуры.

В завершение отметим, что возникновение Дворца Книги придало мощный импульс духовному и научному развитию всего Среднего Поволжья во второй половине 1920-х гг., а также процессу сохранения культурного наследия его народов. Возможно, что факт открытия библиотеки – одно из первых событий начинавшейся в Симбирско-Ульяновском Поволжье культурной революции. В наши дни Дворец Книги продолжает оставаться главной библиотекой Ульяновской области и крупным просветительским центром всего средневожского региона.

Литература

1. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 855. Оп. 1.
2. Кутейников И.А. Библиотеки города Симбирска во второй половине XIX – начале XX века // Библиотекосведение. 2012. № 1. С. 104–109.
3. Мартынова Г.Н. Нам много лет, и сделано немало (к 90-летию отдела литературы на иностранных языках Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина) // Библиотекосведение. 2015. № 3. С. 104–110.
4. Мельникова С.А. Деятельность Симбирской губернской ученой архивной комиссии // Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 32–36.
5. Морозова В.В. Общественные и частные библиотеки Симбирской губернии в 1920–1930-е гг. (по материалам региональной прессы и архива Ульяновской области) // История библиотек. Исследования, материалы, документы. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2000. Ч. 3. С. 101–112.
6. Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть 1. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1964. 512 с.
7. Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1901 г. Симбирск: Губернская тип., 1901. 262 с.
8. Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1902 г. Симбирск: Губернская тип., 1902. 386 с.
9. Пролетарский путь. 1925. № 1 (548), 1 янв.
10. Пролетарский путь. 1925. № 2 (549), 3 янв.
11. Пролетарский путь. 1925. № 4 (550), 4 янв.
12. Пролетарский путь. 1925. № 5 (552), 7 янв.
13. Пролетарский путь. 1925. № 14 (561), 17 янв.
14. Пролетарский путь. 1925. № 16 (563), 20 янв.
15. Пролетарский путь. 1925. № 17 (564), 21 янв.
16. Пролетарский путь. 1925. № 20 (567), 25 янв.
17. Пролетарский путь. 1925. № 21 (568), 27 янв.
18. Пролетарский путь. 1925. № 22 (569), 28 янв.
19. Пролетарский путь. 1925. № 23 (570), 29 янв.
20. Пролетарский путь. 1925. № 24 (571), 30 янв.
21. Столов Н.Н. Периодическая печать Ульяновской губернии – 1838–1927. Библиографический справочник. Ульяновск: Типо-лит. № 1 Коммун. треста, 1928. 28 с.
22. Труды Первого библиотечного съезда РСФСР 1–7 июня 1924 г.: Избранные материалы // сост. С.А. Басов, И.Н. Качковская; вступ. ст. Г.В. Михеевой. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2015. 304 с.

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт-Петербург (63donetsk@mail.ru).

Andrei V. MANKOV

**ON THE ISSUE OF CULTURAL HISTORY
OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE 1920s:
ULYANOVSK NEWSPAPERS ABOUT OPENING
BOOKS PALACE NAMED AFTER V.I. LENIN AND ITS FIRST EVENTS**

Key words: culture, the Middle Volga region, Ulyanovsk (Simbirsk), Books Palace, V.I. Lenin, cultural institution, library, Provincial book depository, A.A. Znamenskaya, M.G. Medvedev, "Proletarskii put".

The extensive history of Russian libraries periodically attracts the attention of researchers in Russian culture. This provision is also relevant to the regional aspect of this scientific

problem. The Middle Volga region is no exception to the rules, where the first libraries in educational institutions appeared at the very beginning of the XIX century, and commercial and public ones – during the reign of Nicholas I. January 2025 marks the 100th anniversary of the opening Ulyanovsk Books Palace, which gives the presented research an undoubted relevance. Moreover, the interest in this event is emphasized by assigning the Books Palace the name of the world proletariat leader and a native of Simbirsk Region, V.I. Lenin, as well as inviting the widow of V.I. Lenin – N.K. Krupskaya to its opening. As a result of the socio-political and ideological importance that the governorate authorities attached to him, Ulyanovsk newspapers wrote a lot about him at that time. How did contemporaries see the fact of opening the Books Palace in the provincial center? What were its features? What is known about the initial history of the institution?

The purpose of the work is to study the peculiarities in the process of appearance and opening of the Books Palace named after V.I. Lenin, as well as its first events held in early 1925.

Materials and methods. The author uses problem-analytical and chronological methods. The presented publication analyzes mainly Soviet newspapers published in Ulyanovsk in 1925.

Research results. The author points out that the opening of a new institution of Soviet culture, the Books Palace, on January 21, 1925, took place in a solemn atmosphere with the participation of responsible employees of the town of Ulyanovsk, as well as the famous bibliographer M.G. Medvedeva. The newly formed institution of Soviet culture, being the heir of Karamzin Public Library and Goncharovskaya public libraries, which had a rich long-term history, became not only one of the largest repositories of books and manuscripts in the Middle Volga region, but also rightfully turned out to be one of the most important educational and enlightenment centers of the region, as evidenced by early cultural and educational events, the first of which is considered to be a large-scale exhibition dedicated to the events of 1905.

Conclusions. The uprising of the Books Palace undoubtedly gave a powerful impetus to the spiritual and scientific development of the entire Middle Volga region in the second half of the 1920s, as well as to the process of preserving the cultural heritage of its peoples. For Ulyanovsk residents, not only the fact of the start of the new library became important, but also the grand opening of a large repository itself. This was a notable phenomenon in the cultural and socio-political life of the town of Ulyanovsk and the Middle Volga region in the 1920s. And, perhaps, it was one of the first events of beginning cultural revolution in Simbirsk-Ulyanovsk Volga region.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanskoï oblasti. Fond 855, Opis1 [State Archive of the Ulyanovsk Region. Archive 855. Anagraph. 1].
2. Kuteinikov I.A. Biblioteki goroda Simbirskā vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Libraries of the city of Simbirsk in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Bibliotekovedenie*, 2012, no. 1, pp. 104–109.
3. Mart'yanova G.N. *Nam mnogo let, i sdelano nemalo (k 90-letiyu otdela literatury na inostrannykh yazykakh Dvorca knigi – Ul'yanskoï oblastnoi nauchnoi biblioteki im. V.I. Lenina)* [We are many years old, and a lot has been done (to the 90th anniversary of the Department of Literature in Foreign Languages of the Book Palace – Ulyanovsk Regional Scientific Library named after V.I. Lenin)]. *Bibliotekovedenie*, 2015, no. 3, pp. 104–110.
4. Mel'nikova S.A. *Deyatel'nost' Simbirskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Activity of the Simbirsk Provincial Scientific Archival Commission]. *Otechestvennye arkhivy*, 1999, no. 2, pp. 32–36.
5. Morozova V.V. *Obshchestvennye i chastnye biblioteki Simbirskoi gubernii v 1920–1930-e gg. (po materialam regional'noi pressy i arkhiva Ul'yanskoï oblasti)* [Public and private libraries of the Simbirsk province in the 1920s–1930s (based on the materials of the regional press and archive of the Ulyanovsk region)]. In: *Istoriya bibliotek. Issledovaniya, materialy, dokumenty* [History of libraries. Research, materials, documents]. St. Petersburg, 2000, iss. 3, pp. 101–112.
6. *Ocherki istorii Ul'yanskoï organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Ulyanovsk organization of the CPSU]ю Saratov, 1964, iss. 1, 512 p.
7. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Simbirskoi gubernii na 1901 g.* [Commemorative Book and Address-Calendar of Simbirsk Province for 1901]ю Simbirsk, 1901, 262 p.
8. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Simbirskoi gubernii na 1902 g.* [Commemorative book and address-calendar of the Simbirsk province for 1902]. Simbirsk, 1902, 386 p.
9. *Proletarskii put'*, 1925, no. 1 (548), Jan. 1.
10. *Proletarskii put'*, 1925, no. 2 (549), Jan. 3.
11. *Proletarskii put'*, 1925, no. 3 (550), Jan. 4.
12. *Proletarskii put'*, 1925, no. 5 (552), Jan. 7.

13. *Proletarskii put'*, 1925, no. 14 (561), Jan. 17.
14. *Proletarskii put'*, 1925, no. 16 (563), Jan. 20.
15. *Proletarskii put'*, 1925, no. 17 (564), Jan. 21.
16. *Proletarskii put'*, 1925, no. 20 (567), Jan. 25.
17. *Proletarskii put'*, 1925, no. 21 (568), Jan. 27.
18. *Proletarskii put'*, 1925, no. 22 (569), Jan. 28.
19. *Proletarskii put'*, 1925, no. 23 (570), Jan. 29.
20. *Proletarskii put'*, 1925, no. 24 (571), Jan. 30.

21. Stolov N.N. *Periodicheskaya pechat' Ul'yanovskoi gubernii – 1838–1927* [Periodical Press of the Ulyanovsk Province – 1838–1927. Bibliographic reference book]. In: *Bibliograficheskii spravochnik* [Bibliographic reference book], Ulyanovsk, 1928, 28 p.

22. Basov S.A., Kachkovskaya I.N., comps. *Trudy Pervogo bibliotechnogo s'ezda RSFSR 1–7 iyunia 1924 g.: Izbrannye materialy* [Proceedings of the First Library Congress of the RSFSR 1–7 June 1924: Selected Materials]. St. Petersburg, 2015, 304 p.

ANDREI V. MANKOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of the Humanities and Socio-Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budenny, Russia, St. Petersburg (63donetsk@mail.ru).

Формат цитирования: Маньков А.В. К вопросу об истории культуры Среднего Поволжья 1920-х годов: ульяновские газеты об открытии Дворца Книги имени В.И. Ленина и его первых мероприятиях // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 55–68. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-55-68.

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-69-81

УДК 94(47)297 "1905"
ББК 63.(2)6-36

И.К. ЗАГИДУЛЛИН

**ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ДУХОВНЫХ ЛИЦ
МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(по материалам прошений 1905 года)**

***Ключевые слова:** Мензелинский уезд, Первая русская революция, петиционная кампания 1905 г., мусульманские духовные лица, религиозные права, гражданские права мусульман, корпоративные интересы.*

Актуальность изучения общественного сознания и социальной активности татарских мусульманских духовных лиц в начале XX в. обусловлена ростом интереса к проблемам социального служения современного поколения духовенства как осознанного синтеза форм общественной деятельности религиозных институтов.

Целью исследования является изучение общественного сознания татарского мусульманского приходского духовенства Мензелинского уезда Уфимской губернии по текстам петиций.

Материалы и методы. Методологической основой изучения предмета являются принципы историзма и метод источниковедческого синтеза. По результатам анализа опубликованных и архивных источников, а также имеющейся литературы по заявленной теме в статье отражены социальное поведение и коллективное мнение татарского мусульманского приходского духовенства о собственных нуждах и злободневных местных и общественных проблемах мусульман начала XX в.

Источниковой базой исследования являются опубликованные источники – законодательные акты Российского государства конца 1904 г. – первой половины 1905 г. и архивные источники – прошения мусульман Мензелинского уезда Уфимской губернии. Научная новизна исследования заключается в использовании текстов прошений, исходящих от сельских обществ и татарских мусульманских духовных лиц, для характеристики общественного сознания данной корпоративной группы татарского населения в начале XX в.

Результаты исследования. В статье выделяются законодательные акты Российского государства, оказавшие влияние на общественное настроение татарского приходского духовенства, установлены два этапа в его социальном поведении: март – июнь 1905 г. – участие в организации подачи прошений по образцовому тексту (дается краткая характеристика различным формам проявления социальной активности); конец апреля и май 1905 г. – период составления муллами собственных коллективных прошений. В статье рассматриваются два прошения сельских мусульманских духовных лиц Мензелинского уезда Уфимской губернии, составленные в мае и июне 1905 г. Анализируются состав и расселение 81 участника собрания духовенства, по итогам которого было подписано второе из указанных прошений. По содержанию и тематике просьбы сельского духовенства структурируются по трем группам: корпоративно-сословные интересы, повышение статуса институтов религиозно-культурной автономии под руководством Оренбургского магометанского духовного собрания, вопросы гражданского равноправия. Характерной чертой обоих прошений является презентация корпоративных интересов в качестве «нужд» всего мусульманского сообщества. О повышении собственного юридического статуса просители рассуждали, рассматривая в качестве ориентира сословные привилегии православного духовенства.

Выводы. *Прошения мулл Мензелинского уезда Уфимской губернии были направлены на расширение религиозно-культурной автономии мусульманского сообщества округа Волго-Уральского региона и Западной Сибири, и в этом плане их просьбы перекликаются с большинством прошений, составленных единоверцами других губерний и областей. Петиции подтверждают доминирование факторов объединения над факторами внутреннего расслоения мулл-традиционалистов и мулл-джадидистов. Такой мотивацией для них являлись назревшая необходимость укрепления религиозно-культурной автономии мусульман и возможность повышения собственного юридико-правового статуса. Следующим общим моментом прошений следует назвать «комплексный подход» – восприятие приходского духовенства, Оренбургского магометанского духовного собрания и оренбургского муфтия как частей единого организма, института. Духовенство видело себя важным звеном религиозно-административной системы во главе с Духовным собранием и настаивало на сосредоточении всех духовно-религиозных вопросов, в том числе мектебов и медресе, в его компетенции. Не ограничиваясь корпоративными интересами, муллы также ставили перед правительством местные и общемиллетские проблемы.*

Введение. Актуальность изучения общественного сознания и социальной активности татарских мусульманских духовных лиц в начале XX в. обусловлена ростом интереса к проблемам социального служения современного поколения духовенства как особого синтеза форм общественной деятельности религиозных институтов.

Целью исследования является изучение общественного сознания татарского мусульманского приходского духовенства Мензелинского уезда Уфимской губернии по текстам петиций.

Материалы и методы. Основными методологическими принципами исследования являются принципы историзма, объективности и системности, а также исторические методы: сравнительно-исторический и источниковедческий синтез.

Источниковой базой исследования являются опубликованные источники – законодательные акты Российского государства конца 1904 г. – первой половины 1905 г. и архивные источники – прошения мусульман Мензелинского уезда Уфимской губернии. Оригиналы этих документов, адресованные председателю Комитета министров С.Ю. Витте, хранятся в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий Российского государственного исторического архива.

Научная новизна исследования заключается в использовании текстов прошений, исходящих от сельских обществ и татарских мусульманских духовных лиц, для характеристики общественного сознания данной корпоративной группы татарского населения в начале XX в.

Результаты исследования. Мусульманские духовные лица являлись интеллектуальной элитой, в руках которой были сосредоточены вопросы организации религиозно-обрядовой жизни, духовного образования и нравственного воспитания единоверцев. На рубеже XIX – начала XX в. повсеместно существовали династии и кланы духовенства, скрепленные кровными узами. В поддержании родственных и корпоративных отношений большую роль играло общение во время свадеб и других важных событий в семье, а также на базарах и ярмарках, куда духовные лица систематически выезжали. С началом Русской революции 1905–1907 гг. медресы мулл постепенно превращались в неофициальные собрания по обсуждению общественных проблем единоверцев и политических событий в стране.

На социальное поведение и активность духовенства, как и других групп элит мусульман, безусловно, повлияли законодательные инициативы самодержавия, направленные на установление диалога с различными сословными,

социальными, профессиональными и этноконфессиональными группами населения страны.

Большое воодушевление среди мусульман вызвал указ «О предназначениях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., в котором российский государь заявил о предстоящих системных реформах в важнейших общественных областях жизнедеятельности населения и органов власти. В частности, основным правилом во взаимоотношениях власти с населением должно было стать одинаковое исполнение «всеми подданными законов, соблюдение законности властью и наказание должностных лиц за нарушение законов» (п. 1). С целью соблюдения изложенных в «Основных законах Российской империи» гарантий религиозных прав российских подданных, было заявлено о намерении пересмотреть законы «о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к усмотрению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» (п. 6).

Последующие законодательные новшества воспринимались российским обществом как начало реализации заявленных системных реформ.

Так, именной указ от 18 февраля 1905 г. впервые предоставил российским подданным, «крадеющим об общей пользе и нуждах государственных», «частным лицам и учреждениям» возможность подавать петиции на имя императора [6. С. 133]. Рассмотрение поступающих на его имя от частных лиц и учреждений проектов и предложений «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», возлагалось на Совет министров. Иными словами, указ предусматривал неременное принятие по поступившим петициям решения на правительственном уровне.

Закон от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» впервые в истории России объявил о праве подданных перехода из одной конфессии в другую, в том числе из православия в ислам, продемонстрировав демократические установки правительства. В нем также содержался конкретный план действий власти на ближайшую перспективу по решению некоторых аспектов «мусульманского вопроса» в империи. В частности, учреждаемому Особому совещанию о веротерпимости, призванному по итогам изучения поступивших петиций составлять «справедливые» законопроекты и представлять их на высочайшее утверждение, предписывалось разработать определенные в журналах Комитета министров от 22 апреля и 1 марта 1905 г. и имеющие отношение к мусульманам следующие вопросы: 1) о сооружении «молитвенных домов иноверных исповеданий»; 2) о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства – приходских и высших; 3) об освобождении от призыва на действительную военную службу «из запаса» некоторых лиц мусульманского духовенства; 4) о порядке открытия мусульманских школ – мектебов и медресе; 5) об учреждении особых духовных управлений для казахов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области; 6) о возможности дозволения воспитывать подкидышаемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей [4. С. 14].

Закон от 17 апреля 1905 г. широко освещался в российской периодической печати и демонстрировал серьезность и необратимый характер декларированных российским правительством реформ в сфере государственно-исламских отношений. Полагаем, что именно данный законодательный акт стал «отправной

точкой» для публичного выражения собственного мнения осторожных в действиях представителей сельского мусульманского духовенства.

В целом, петиционная кампания по подаче прошений в высшие инстанции (императору и председателю Комитета министров) в Мензелинском уезде Уфимской губернии происходила с 22 марта по 15 июня 1905 г., ее сроки нами определены по датам составления поступивших в столицу ходатайств. Всего из Мензелинского уезда поступило более 100 прошений, пик подачи которых пришелся на апрель и май.

Большинство текстов оформлялись в установленном порядке: к прошению прикреплялся общественный приговор старших домохозяев поселения, которые на сельском сходе принимали решение о подаче прошения, как правило, поручая его доверенным лицам, а сельский староста удостоверял постановление прикладыванием печати.

Духовные лица не являлись членами сельского общества, по этой причине их участие в сельском сходе не требовалось. Однако не вызывает сомнения, что к подаче петиции по религиозным вопросам они имели непосредственное отношение.

Их организаторские качества зафиксированы в некоторых прошениях. Так, 30 апреля 1905 г. мулла дер. Карашай-Сокловской Нуркеевской волости Газзалаев Зиганшин Ардуганов [7. С. 194–195] и мулла д. Сюлюковой Шайхузуди Муслухудинов [7. С. 211–212] подписали от имени единоверцев своих деревень печатные прошения, адресованные императору. На следующий день, 1 мая, чтобы придать легитимность тексту, жители д. Карашай-Сокловской составили в установленном порядке общественный приговор о подаче петиции императору, который подписали также 2 муллы и муадзин [7. С. 196–197об.]. Аналогичное действие совершило и сельское общество д. Сулюкова [7. С. 213–214]. Очевидно, муллы сами инициировали подачу прошений от имени местных сельских обществ.

Такая же ситуация выявляется при сопоставлении дат составления прошения и общественного приговора мусульман Деуковского общества Кузкеевской волости. 14 мая 1905 г. в прошении за всех и за себя расписались Мухаметзян Сайфуллин и имам Мухамед Шариф Абдулнасихов [7. С. 69–69об.], а общественный приговор о его подаче был составлен на следующий день, 15 мая, когда на сельском сходе был оглашен текст ходатайства [7. С. 70–71об.].

Во время подачи петиций большинство сельских обществ воспользовалось текстом адресованного императору образцового прошения, содержащего следующие просьбы.

1. Сосредоточить исключительно в Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС) все административные дела по избранию мулл, образованию приходов, постройке мечетей, молитвенных домов и назначению в них духовных лиц, «а также все дела по образованию магометан».

2. Освободить мулл от отбывания воинской повинности, как не соответствующей их положению в обществе.

3. «...муфтием должно быть лицо, получившее образование в духе Корана и других священных книг магометан, вполне знающее сущность религии и ее исторических проявлений, набожное, благочестивое и вообще удовлетворяющее условиям, необходимым для занятия места высшего духовного лица, по нашему крайнему разумению и убеждению желательно, полезно и возможно было бы указание или предварительное избрание такого лица представить местному магометанскому духовенству и тем из ученых магометан,

которые вполне знакомы с правилами своей религии, так как им ближе известны лица, способные и достойные занять должность муфтия».

4. Оставить без изменения за духовенством право решать дела о заключении и расторжении браков по шариату, не подчиняя общим гражданским законам (реакция на проект Гражданского уложения, в котором дела о расторжении браков магометан планировалось подчинить ведению гражданского суда. – *И.З.*).

5. Освободить мулл от обязательного изучения русской грамоты. («При выдаче указов муллам главное внимание обращается на то, чтобы кандидат на должность муллы имел надлежащее удостоверение о знании русской грамоты, испытанию же в познании духовных наук придается второстепенное значение, каковое положение мы находим ненормальным», – отмечали просители) [7. С. 1–2].

В целом, если рассматривать приходское мусульманское духовенство в качестве корпоративной группы, в период петиционного движения 1905 г. ее общественная активность развивалась по нарастающей, становясь все более многогранной.

Прежде всего, в родном приходе/поселении они принимали участие в организации подачи петиции. Некоторые участвовали в организации собраний мусульман окрестных селений, прибывших на базары и ярмарки, на которых обсуждались проблемы, принимались тексты петиций или распространялись образцовые тексты прошений. В ряде случаев при подаче петиции они становились уполномоченными местного или соседнего общества. В соседних губерниях в составе депутатий, а в нескольких случаях сами выезжали в Санкт-Петербург для передачи в руки сановников прошений единоверцев¹.

В мае и июне 1905 г. новым явлением в социальном поведении представителей приходского духовенства стала подача прошений от своего имени.

В этом отношении представляет большой интерес коллективное прошение духовных лиц Мензелинского уезда Уфимской губернии. Не позднее 6 июня 1905 г. в канцелярию председателя Комитета министров поступило коллективное прошение 81 муллы Мензелинского уезда без указания даты («июня ... дня»). Из числа подписавших петицию имама только один – имам дер. Кузеево Башинды-Останковской волости Мухамедрахим Ахмадеев – расписался порусски, остальные подписались по-татарски, каждый указав свое имя и фамилию, духовное звание, как правило, название волости и поселения, где несет духовную службу.

В списке подписавшихся каждая строка имеет порядковый номер. Волостей не указали 4 духовных лица. Их населенные пункты не удалось выявить по Мензелинскому уезду. Очевидно, эти лица так поступили преднамеренно, чтобы не противоречить заглавию петиции: «нижеподписавшихся указных мулл и имамов Мензелинского уезда Уфимской губернии прошение». Также имеют место случаи неуказания названия населенного пункта, в мечети которого служит духовное лицо, и своего духовного звания.

Судя по подписям, Мухамедрахим Ахмадеев являлся одним из организаторов или главным исполнителем поручений организаторов совещания духовенства. Последним петицию подписал ахун из д. Тлянчи-Тамак Кузкеевской вол. Габделжаббар Забир углы. Как будет далее рассмотрено, именно духовные

¹ Подробнее см. в монографии: *Загидуллин И.К.* Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг. Казань, 2019. С. 123–127.

лица Кузкеевской волости принимали самое активное участие в подписании прошения.

Собрание восьми десятков мулл в начальный период первой русской революции, когда российское общество ожидало позитивные перемены в жизни, представляется возможным событием. В то же время нами не исключается возможность набора организаторами новых подписей коллег после совещания с целью придания большего общественного веса тексту. Следует отметить, что организаторы достигли своей цели. На первой странице прошения имеется надпись столичного чиновника: «Представить г. Председателю Комитета Министров» [7. С. 349]. Значит с текстом ознакомился сам С.Ю. Витте; надо полагать, прошение представителей корпорации имамов позволило российскому государственному деятелю сформировать определенное представление о «мусульманском вопросе» в округе ОМДС.

Петицию подписали более 30 духовных лиц Кузкеевской, более 10 человек Ахметевской, Башинды-Остановской и Нуркеевской волостей. Также значатся 5 человек из Языковской, 2 человека из Сухаревской волости, по одному духовному лицу из Афанасовской и Бетькинской волостей.

Высокая активность духовенства Кузкеевской волости выразилась в массовом участии в мероприятии духовенства ряда селений: по 3 человека – из четырех деревень, по 2 человека – из восьми населенных пунктов и т.д. Можно сказать, что духовные лица этих селений приняли участие в меджлисе в полном составе.

Текст петиции напечатан на пишущей машинке, что предполагает два варианта ее составления: или она была подготовлена заранее и подписана после обсуждения, или же составлена по итогам обсуждения, затем напечатана и подписана участниками собрания.

В тексте петиции чувствуется влияние манифеста от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», о чем имеется в преамбуле прошения специальное указание.

Полагаем, что текст составило лицо, еще не до конца овладевшее тонкостями российской делопроизводственной традиции. В частности, в петиции отсутствуют слова, выражающие глубокое уважение председателю Комитета министров. Также отсутствует традиционная клаузула со словами выражения надежды на разрешение вопроса.

Каждая просьба имеет порядковый номер и составлена тезисно, как пункт резолюции собрания.

В списке своих корпоративных интересов первым пунктом ходатайствующие написали изъятие духовных лиц из податного, непривилегированного сословия: «Указанные муллы и имамы не должны подлежать за свои проступки ведомству земских начальников и волостных судов», а также освобождение от воинской повинности и призыва в ратники ополчения во время выполнения обязанностей имама.

Поскольку российское общество состояло из различных сословий, возникал закономерный вопрос о новом юридическом статусе мусульманских духовных лиц. Данный вопрос успешно решался благодаря сложившейся в российском законодательстве практике перевода отдельных категорий населения за заслуги в сословие личного почетного гражданина или потомственного почетного гражданина, которое представляло в отечественной иерархии прослойку между непривилегированными слоями и дворянством. Муллы оценивали свою религиозно-проповедческую и социальную работу с населением как

«полезную деятельность» во благо Российского государства. Ими рекомендовалось присваивать имамам за безупречную службу в продолжении 10 лет звание личного почетного гражданина, за 20-летнюю службу – звание потомственного почетного гражданина, а для духовенства старшего поколения при отставке по болезни или другим причинам – сохранение прав мулл как награду за 20-летнюю безупречную службу [7. С. 349]. Здесь муллы воспользовались законом от 9 июля 1892 г., согласно которому награждение званием личного почетного гражданина могло быть испрашиваемо представителями всех сословий за оказанную ими «полезную деятельность», продолжавшуюся не менее 10 лет. Звание потомственного почетного гражданина испрашивалось лицам, состоявшим не менее 10 лет в звании личного почетного гражданина [5. С. 519].

Следующим важным моментом в списке корпоративных интересов было прописано уравнение прав мулл в государственных и земских делах с духовенством других конфессий в Российской империи, с тем чтобы имамы имели возможность выбирать из своей среды, когда потребуется, представителей в собрания народных представителей в земские учреждения. Получается, что организаторы составления петиции были знакомы с содержанием обращения императора к министру внутренних дел А.Г. Булыгину от 18 февраля 1905 г. с сообщением о своем намерении привлечь «достоинейших доверием народа облаченных, избранных населением людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предложений». Булыгину было предложено созвать Особое совещание для обсуждения путей реализации своей инициативы [2. С. 30–31].

Большинство пунктов коллективного прошения касалось вопросов расширения религиозно-культурной автономии мусульман округа ОМДС и повышения статуса его институтов. Приведем часть из них: сосредоточение в ОМДС, помимо имеющихся полномочий, исключительных компетенций, таких как выдача разрешения на постройку мечетей и медресе, на печатание Корана и религиозной литературы (эти просьбы повторялись в большинстве прошений мусульман округа ОМДС), а также оформление отпусков муллам по болезням и другим причинам (без участия губернского правления). В этом перечне следует признать новшеством просьбу об освобождении от воинской повинности преподавателей и учителей мектебов и медресе в период состояния на службе.

Другую группу обозначенных духовенством вопросов можно охарактеризовать как чрезвычайные меры: привлечение административно-полицейского ресурса для сохранения особого традиционного (конфессионального) уклада мусульман в православном Российском государстве.

Как правило, сельские муллы противились открытию заведения по продаже спиртных напитков. В крупных мусульманских селениях, где располагалось волостное правление или проходили еженедельные базары округа, их старания очень часто оказывались тщетными. Торговцы спиртными напитками, привлекая административный ресурс и подкупая нужных людей, добивались своего. В результате муллы, будучи блюстителями нравственности, оказывались заложниками ситуации, когда употребление спиртных напитков и пьянство отдельных жителей становились новой реальностью мусульманского общества. Именно по этой причине муллы хотели ввести в российское законодательство положение о запрещении открывать винные лавки, трактиры и портерные лавки в мусульманских деревнях, если даже эти поселения являются торговыми местами. Вторая просьба, вероятно, является продолжением

первой: в случае безрезультативности увещевания муллой прихожанина они просили предоставления права на обращение к местным властям за содействием для наложения на таких лиц известного наказания.

Лишь один из пунктов коллективного ходатайства имеет отношение к общегражданским правам мусульман. Муллы просили о выделении средств земствами на нужды мектебов и медресе из сумм, собираемых с каждой деревни на нужды образования. Рекомендовалось передавать эти суммы законоучителям мусульманских школ, т.е. муллам [7. С. 349–349об.].

В целом, прошение духовенства выделяется от петиций сельских обществ несколькими важными моментами.

Прежде всего, в юридическом плане интегрированным в действующее законодательство представляется механизм перевода мулл из крестьянского сословия в привилегированное.

Второй отличительной чертой следует признать отсутствие в петиции часто повторяющейся в большинстве прошений сельских обществ просьбы об отмене русского образовательного ценза для кандидатов на духовные должности. Видимо, за истекший период (с 1891 г.) эта группа духовенства Мензелинского уезда смирилась с законом о русском образовательном цензе, осознала полезность знания государственного языка и отсутствие от него опасности для ослабления ислама.

Большим новшеством представляется просьба о перераспределении земствами части собираемых с мусульман налогов на нужды исламского образования, тогда как нередко духовенство противодействовало получению выделенных средств. Только в 1908 г. Духовное собрание постановило, что шариатом не запрещено использование субсидий земств для строительства и поддержания конфессиональных школ [3. С. 108]. Этот момент частично можно объяснить также конфессиональным составом жителей Мензелинского уезда, где мусульмане составляли более половины населения, а выделяемая земством сумма на нужды русских училищ и русско-мусульманских школ была значительной.

Вследствие подачи петиции после публикации закона от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» для ходатайствующих стал неактуальным вопрос об официальном причислении крещеных татар, тайно исповедующих ислам, к мусульманам.

В список исходящих от духовных лиц прошений также следует включить «докладную записку» «магометан Мензелинского уезда Уфимской губернии» (без даты), поступившую в канцелярию Комитета министров 11 мая 1905 г. и подписанную по-русски имамами Галиуллой Идиятуллиним Крымовым и Хафизетдином Биктимировым.

В преамбуле «докладной записки» составление муллами текста «о некоторых изменениях и дополнениях существующих законоположений о магометанах» представлено как отклик на призыв царя к верноподданным, изложенный в указе от 12 декабря 1904 г., ввиду предстоящего «пересмотра законов об инородцах... повергнуть к стопам его императорского величества вместе с выражением нашей верноподданнической благодарности за непрестанные заботы о нас и наше ходатайство о некоторых изменениях и дополнениях существующих законоположений о магометанах» [7. С. 351].

По содержанию и тематике просьбы сельского духовенства структурируются по трем группам: корпоративно-профессиональные интересы, которые

являются составной частью проблемы укрепления религиозно-культурной автономии под руководством ОМДС и повышения статуса его институтов, и вопросы гражданского равноправия.

И в данном случае текст мулл по вопросам укрепления религиозно-культурной автономии под руководством ОМДС в значительной степени совпадает с большинством прошений, исходящих от сельских обществ. Отличие заключается в том, что просители постарались комплексно изложить свое видение предстоящих преобразований в этой области. Причем некоторые из указанных моментов уже находятся в компетенции ОМДС. Видимо, при выстраивании своей концепции муллы рассматривали себя как составителей готового материала для «пересмотра законов» о мусульманах.

По мнению авторов «докладной записки», религиозно-культурная автономия (такого термина в прошении нет, однако речь идет именно об этом. – *И.З.*) мусульман должна быть подлинно автономной, самодостаточной и завершенной, непременно с выборным началом на определенный срок руководителей: муфтия и членов Духовного собрания, под ведомством которого должны были состоять практически все вопросы, имеющие отношение к организации религиозно-обрядовой, семейной и духовной жизни мусульман, а именно:

- подчинение духовных лиц, с правом устранения от должности, «в случае нарушения ими своих обязанностей, предосудительного поведения или плохого и дерзкого обращения с прихожанами»;

- рассмотрение в качестве последней инстанции всех семейно-брачных и наследственных дел;

- обсуждение, изъяв из ведения общей цензуры, религиозных вопросов и текстов;

- разрешение строительства мечетей и открытия мектебов и медресе;

- изъятие мектебов и медресе «из ведения инспекторов народных училищ, как лиц совершенно неосведомленных ни в деле магометанского преподавания, ни в языке, ни в магометанских законах»; передача в ведение ОМДС конфессиональных школ и вопросов назначения в них учителей;

- устранение обязательности требования от кандидатов в муллы знания русского языка и грамоты («достойные, посвятившие всю свою молодость на изучение Корана и шариата, лишены возможности занимать эти должности»; «от лиц других инославных исповеданий обязательного знания русского языка не требуется» (второй аргумент не соответствует действительности. – *И.З.*));

- преподавание в мусульманских школах на родном языке учащихся;

- уравнивание мусульманского духовенства в сословных правах с духовенством православным, в том числе в отношении отбывания воинской повинности (т.е. предоставление льготы. – *И.З.*) и суда (т.е. изъятие из непривилегированного сословия. – *И.З.*);

- перенесение в мусульманских селениях, где есть мечети, базарных дней с пятницы на другой день недели, «так как мусульмане, привлекаемые базарами, в этот-то именно день и отвлекаются от исполнения своих религиозных обязанностей», что имеет религиозное и политическое значение: «в пятницу, день по нашему закону долженствующий преимущественно быть посвященным молитве и богоугодным делам, день, в который обязательно служится молебен о здравии государя императора и всего царствующего дома, вследствие назначения в этот день по городам и селам базаров, не читится так, как того требует наш закон»;

– воздержание от винной торговли в селениях, населенных одними мусульманами. (Запрет на винную торговлю объясняли нравственным и социальным аспектами проблемы: «С открытием коей мусульмане сильно развращаются и разматывают без того небольшое свое имущество и плохо уплачивают повинности».)

В группу просьб о предоставлении мусульманам общегражданских прав нами отнесены следующие положения «докладной записки»:

– выделять земский сбор, собранный от татар, на нужды образования татар, выдавать эти средства особо уполномоченным лицам из мусульман уезда «для распределения этих сумм по существующим школам, содержимым на счет населения»;

– предоставить мусульманам одинаковую с другими народностями государства «свободу печатного слова» с тем, чтобы прекратить разные слухи, беспокоящие умы и волнующие население;

– вводить преподавание мусульманского закона на родном языке в русских учебных заведениях, где процент учащихся мусульман достигает пяти; надзор за воспитанием и преподаванием в мусульманских общеобразовательных или профессиональных школах должен быть предоставлен образованным мусульманам;

– предоставить военным-мусульманам возможность питаться «незапрещенной пищей» и по возможности совершать намазы; исполнение духовных треб в войсках возложить на компетентного в вопросах религии нижнего чина;

– допустить с правом голоса лицо, выбранное единоверцами, в комиссии (очевидно, речь идет об Особом совещании по делам веры под председательством графа А.П. Игнатьева. – *И.З.*), где будут обсуждаться проблемы мусульман [7. С. 351об.–353].

В конце своей «докладной записки» имамы сочли необходимым актуализировать политический аспект затрагиваемых ими вопросов: «Удовлетворение всех этих наших ходатайств, касающихся чисто религиозной стороны нашего быта, не подрывает ни престижа власти, ни подчинения общерусским законам, а, напротив, дает возможность мусульманину стать полноправным гражданином России, оставаясь в то же время верноподданным его императорского величества государя императора, благословляющим его за то, что он гражданин, а не ограниченный в правах [человек] только за то, что он родился магометанином и желает оставаться верным вере своих родителей» [7. С. 353].

Выводы. Резюмируя, следует отметить, что в концептуальном плане прошения муллы Мензелинского уезда Уфимской губернии были направлены на расширение религиозно-культурной автономии мусульманского сообщества округа ОМДС, и в этом плане их просьбы перекликаются с большинством прошений.

Характерной чертой обоих прошений является презентация корпоративных интересов в качестве «нужд» всего мусульманского сообщества. О повышении собственного юридического статуса просители рассуждали, рассматривая в качестве ориентира правовое положение сословия православного духовенства. Повторяющуюся во многих прошениях сельских обществ просьбу об освобождении муллы от воинской повинности они дополнили пунктами о превращении духовенства в привилегированное сословие со статусом личного или потомственного почетного гражданина.

Необходимость повышения статуса исламских институтов и сохранения незыблемости основ религиозно-культурной автономии мотивировали муллы-традиционалистов к участию в петиционной кампании. В этом плане петиция

81 духовного лица также дает богатый материал для размышлений об общественном сознании мулл-кадимистов. Не вызывает сомнения, что лица, подписавшие петицию по-татарски, являлись выпускниками кадимистских медресе, тем не менее они посчитали неактуальным включение в коллективное прошение пункт об отмене русского образовательного ценза для кандидатов на духовные должности. Более того, поставили несколько задач, характерных для модернистов: высказали пожелание участвовать в решении государственных и местных вопросов в качестве избранных представителей духовной корпорации, ходатайствовали о законодательном закреплении получения от земств средств на нужды конфессиональных школ.

Второе прошение, составленное двумя муллами, можно охарактеризовать как содержащее просьбы и модернистов, и традиционалистов.

Эти два документа, исходящие от приходских духовных лиц, подтверждают доминирование факторов объединения над факторами внутреннего расхождения мусульманских общин, о чем писал Стефан Дюдуаньон [1. С. 60]. Такой мотивацией для традиционалистов и джадидистов являлись назревшая необходимость укрепления религиозно-культурной автономии мусульман и возможность повышения собственного юридико-правового статуса.

Следующим общим моментом прошений следует назвать «комплексный подход» – восприятие приходского духовенства, ОМДС и оренбургского муфтия как частей единого организма, института. Духовенство видело себя важным звеном религиозно-административной системы во главе с ОМДС и настаивало на сосредоточении всех духовно-религиозных вопросов, в том числе мектебов и медресе, в его компетенции. Такой подход обеспечивал сохранение действующей модели взаимоотношений – автономности приходского духовенства: в условиях отсутствия среднего звена контроля в регионах ОМДС объективно не могло отслеживать деятельность дисперсно расселенного приходского духовенства за исключением случаев, когда на одного из них не поступала жалоба, которая становилась поводом обращения внимания Духовного собрания на обвиняемое лицо.

Не ограничиваясь выражением корпоративных интересов, муллы выступали также в качестве общественных деятелей и ставили перед правительством местные и общемиллетские нужды. Ставилась задача учитывать разнообразие цивилизационного поля империи. Просьба о недопущении в мусульманских селениях продажи спиртных напитков свидетельствовала о низкой эффективности практики увещевания муллами своих прихожан.

Литература и источники

1. Дюдуаньон С.А. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII – нач. XX в.) // Ислам в татарском мире: история и современность: материалы Междунар. симпозиума, Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. / ред. Р. Хакимов. Казань, 1997. С. 57–69.

2. Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг. Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного указателя. 2-е изд. / под ред. Н.И. Лазаревского. СПб., 1907. 733 с.

3. Наганаева Н. Формирование мусульманского сообщества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 года // Татарские мусульманские приходы Российской империи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 27–28 сентября 2005 г. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2006. С. 101–128.

4. О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 г. М., 1905. 48 с.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб., 1895. Т. 12. 734 с.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб., 1905. Т. 25, ч. 1. 966 с.

7. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 10. Д. 31.

ЗАГИДУЛЛИН ИЛЬДУС КОТДУСОВИЧ – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Россия, Казань (zagik63@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>).

Ildus K. ZAGIDULLIN

**PUBLIC CONSCIOUSNESS OF MUSLIM CLERICS OF
MENZELINSKY UYEZD OF UFA GOVERNORATE IN THE EARLY XX CENTURY
(BASED ON THE MATERIALS OF PETITIONS DATED 1905)**

Key words: *Menzelinsky uyezd, the First Russian Revolution, the petition campaign of 1905, Muslim clerics, religious rights, civil rights of the Muslims, corporate interests.*

The relevance of studying public consciousness and social activity of the Tatar Muslim clerics in the early XX century is due to the growing interest in the problems of social administration of the modern clergy generation as a special synthesis of social activity forms of religious institutions.

The purpose of the research is to study the public consciousness of the Tatar Muslim parish clergy of Menzelinsky uyezd of Ufa governorate based on the texts of petitions.

Materials and methods. *The methodological basis for studying the subject is made by the principles of historicism and the method of source study synthesis. Based on the analysis of published and archival sources, as well as available literature on the stated topic, the article reflects the social behavior and collective opinion of the Tatar Muslim parish clergy about their own needs and topical local and social problems of the Muslims of the early XX century.*

The source base of the research is published sources – legislative acts of the Russian state dated the end of 1904 – the first half of 1905 and archival sources – petitions of the Muslims of Menzelinsky uyezd of Ufa governorate. The scientific novelty of the research lies in the use of the texts of petitions emanating from rural societies and the Tatar Muslim clerics to characterize public consciousness of this corporate group of the Tatar population in the early XX century.

Research results. *The article gives prominence to the legislative acts of the Russian state that influenced the public mood of the Tatar parish clergy, two stages in their social behavior are established: March – June 1905 – participation in the organization of submitting petitions according to an exemplary text (a brief description of various forms of social activity is given); the end of April and May 1905 – the period of compiling their own collective petitions by mullahs. The article examines two petitions of rural Muslim clerics of Menzelinsky uyezd of Ufa governorate, drawn up in May and June 1905. The composition and settlement of 81 participants of the clergy meeting are analyzed, as a result of which the second of these petitions was signed. According to the content and subject matter, the requests of the rural clergy are structured into three groups: corporate and estate interests, raising the status of religious and cultural autonomy institutions under the leadership of Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, and issues of civil equality. A characteristic feature of both petitions is presenting corporate interests as the "needs" of the entire Muslim community. The petitioners discussed raising their own legal status, considering the class privileges of the Orthodox clergy as a guideline.*

Conclusions. *The petitions of the mullahs of Menzelinsky uyezd of Ufa governorate were aimed at expanding the religious and cultural autonomy of the Muslim community of the Volga-Ural region and Western Siberia, and in this regard their requests echo the majority of petitions drawn up by co-religionists of other governorates and regions. The petitions confirm the dominance of unification factors over the factors of internal stratification of the traditionalist mullahs and the Dzhadidist mullahs. Such motivation for them was an urgent need to strengthen the religious and cultural autonomy of the Muslims and the opportunity to improve their own legal status. The next common point in the petitions should be called an "integrated approach" – perception of the parish clergy, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and Orenburg Mufti as parts of a single organism, institution. The clergy saw themselves as an important link in the religious and administrative system headed by the Spiritual Assembly and insisted on concentrating all spiritual and religious issues, including maktab and madrasahs, in its competence. Not limited to corporate interests, the mullahs also posed local and global problems to the government.*

References

1. Dyudian'on S. A. *Kadimizm: elementy sociologii musul'manskogo tradicionalizma v tatarskom mire i v Maverannahre (koniec XVIII – nach. XX v.)*. In: *Islam v tatarskom mire: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunar. simpoziuma, Kazan', 29 aprelya – 1 maya 1996 g.* [Kadimism: Elements of Sociology of Muslim Traditionalism in the Tatar World and in Transoxiana (Late XVIII – Early XX Centuries)]. Kazan, 1997, pp. 57-69.
2. *Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904 – 1906 gg. Sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pr. Senatu, reskriptov i polozhenij Komiteta ministrov, odnosyashchihsia k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s prilozheniem alfavitnogo ukazatelya. Izd. 2-e* [Legislative acts of the transitional period. 1904–1906. Collection of laws, manifestos, decrees of the Prgovernment. Senate, rescripts and regulations of the Committee of Ministers relating to the transformation of the state system of Russia, with an alphabetical index attached. 2nd ed.]. St. Peterburg, 1907, 733 p.
3. Naganava N. *Formirovanie musul'manskogo soobshchestva cherez carskuyu administraciyu: mahallya pod yurisdikciei Orenburgskogo magometanskogo duhovnogo sobraniya posle 1905 goda* [Naganawa Norihiro. Formation of the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905]. In: *Tatarskie musul'manskije prihody Rossijskoj imperii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Kazan', 27–28 sentyabrya 2005 g.* [Proc. of Russ. Sci. Conf. «Tatar Muslim parishes of the Russian Empire»]. Kazan, 2006, pp. 101–128.
4. *O veroterpimosti. Zakon 17 aprelya 1905 g.* [On religious tolerance. Law of April 17, 1905]. St. Peterburg, 1905, 48 p.
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e: v 33 t.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3: 33 vols.]. St. Peterburg, 1895, vol. 12, 734 p.
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e: v 33 t.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3: 33 vols.]. St. Peterburg, 1905, vol. 25, part 1, 966 p.
7. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv. F. 821. Op. 10. D. 31* [Russian State Historical Archives. Archive 821. Anagraph 10. Document 31].

ILDUS K. ZAGIDULLIN – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia, Kazan (zagik63@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>).

Формат цитирования: Загидуллин И.К. Общественное сознание мусульманских духовных лиц Мензелинского уезда Уфимской губернии в начале XX века (по материалам прошений 1905 года) // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 69–81. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-69-81.

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-82-95

УДК 929(470.344)
ББК 63.3(2Рос. Чув.)-8

А.П. ЛЕОНТЬЕВ

ПЕТР ПАЗУХИН: ПЕДАГОГ, ФОЛЬКЛОРИСТ, ОФИЦЕР, ПАТРИОТ

Ключевые слова: *Петр Васильевич Пазухин, педагог, собиратель текстов чувашского устного народного творчества, царская армия, Николай Васильевич Никольский, переписка.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что в апреле 2024 г. исполнилось 135 лет со дня рождения педагога, собирателя фольклора, составителя одного из первых сборников чувашских народных песен, офицера царской армии П.В. Пазухина. Его жизнь и деятельность в советский период освещена во многих публикациях, однако в некоторых из них немало явных ошибок, мифов (или легенд) в угоду идеологическим пристрастиям. В постсоветское время не появилось объективных исследований.

Цель исследования – проследить некоторые этапы жизненного пути П.В. Пазухина на основе достоверных документов.

Материалы и методы. Основой исследования послужили опубликованные в различных изданиях материалы о П.В. Пазухине, а также вновь выявленные документы, хранящиеся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Использовались принципы историзма, объективности и системности, методы исследования: фактологический, описательный, аналитический, проблемно-хронологический.

Результаты исследования. Среди работ о П.В. Пазухине доминируют статьи журналистов и внештатных корреспондентов чувашских периодических печатных изданий, которые зачастую вольно интерпретируют некоторые факты, а из профессионалов можно отметить лишь небольшой фрагмент из обзорного материала музыкаоведа и композитора Ф.П. Павлова о сборнике П.В. Пазухина (1926 г.) и газетную статью известного чувашского фольклориста Г. Юмарта к очередной юбилейной дате, которые высоко оценивают деятельность музыкального фольклориста. В нашей статье не рассматриваются тексты песен, так как это удел фольклористов. Нами выявлены неточности и явные ошибки в освещении жизнеописания П.В. Пазухина. Так, доказано, что Петр Васильевич был убежденным сторонником прогрессивных преобразований в жизни родного народа, но никогда не занимался революционной деятельностью. Он не был фронтовиком во весь период службы в армии, как об этом пишут некоторые авторы, а обучал новобранцев в тылу. Кроме того, сам учился в школе прапорщиков, лишь в конце весны 1917 г. добровольно ушел «на позиции», как тогда называли фронт. В течение 1914–1917 гг. не раз находился в отпуске, в частности, проживал в Симбирске и, соответственно, навещал родню в деревне Полевое Чекурowo Буинского уезда Симбирской губернии.

Выводы. Большинство опубликованных материалов о П.В. Пазухине носят субъективный характер с ясно выраженными идеологическими штампами советского периода. Поэтому в данной статье предпринята попытка объективного исследования жизни и деятельности педагога, одного из первых чувашских музыкальных фольклористов, офицера царской армии. Впервые введены в научный оборот материалы из Рукописного фонда профессора Н.В. Никольского и других фондов Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Введение. Петр Васильевич Пазухин – выпускник Симбирской чувашской учительской школы. С 1909 по 1914 г. работал в народных училищах Ядринского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии. Дружил с автором поэмы

«Нарспи» К.В. Ивановым, будущим музыковедом и композитором Ф.П. Павловым, известными чувашскими лингвистами Т.М. Матвеевым и Ф.Т. Тимофеевым, которые посодействовали ему в сборе материалов для сборника «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. II часть» (1912 г.) (далее – Образцы мотивов...) [10]. Книга была реализована в самые короткие сроки и прославила имя собирателя. Петр Васильевич, как и многие его соратники в деле просвещения соплеменников, был сторонником прогрессивных реформ в системе образования, но не был революционером, кем пытались выставить его некоторые авторы публикаций. После призыва на действительную военную службу он сначала проходил обучение, затем сам обучал новобранцев, по прохождении ускоренных курсов в школе прапорщиков в Петергофе был отправлен на фронт, чему он, истинный патриот Отечества, был чрезвычайно рад: «Счастлив, что вырвался из тыла, а то что за военный, не побывавший на войне?» [8. С. 420]. В июле 1917 г. погиб в одном из сражений на карпатских горах.

Петр Васильевич Пазухин более известен как «музыкальный фольклорист и учитель» [2. С. 361]. Имя его сохранилось в памяти народной наряду с именами других достойных представителей дореволюционной чувашской интеллигенции. Периодически о нем рассказывается в газетных и журнальных статьях, ему посвящают радио- и телепередачи. Однако в них повторяются, по сути, одни и те же шаблонные фразы, воспроизводятся одни и те же неточности. Приходится констатировать, что и биография П.В. Пазухина, и его деятельность в просвещении соплеменников, и его сборник «Образцы мотивов ...») до сих пор остаются слабо изученными.

Цель данной статьи – подвергнуть критическому анализу некоторые периоды жизненного пути П.В. Пазухина на основе достоверных документов. Часть их впервые вводится в научный оборот, например дневниковые записи в тот период приват-доцента Казанского университета Н.В. Никольского и письма к нему офицера П.В. Пазухина, воспоминания его старшей сестры.

Материалы и методы. В основе исследования – опубликованные материалы, посвященные выпускнику Симбирской чувашской учительской школы (СЧУШ), учителю начальных училищ в Ядринском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии и офицеру царской армии в годы Первой мировой войны, собирателю чувашских песен в разных этнографических группах соплеменников П.В. Пазухину, а также воспоминания его родственников, односельчан и коллег. Научная новизна данной работы состоит в том, что в ходе подробного анализа известных публикаций автор использовал неопубликованные письма П.В. Пазухина к Н.В. Никольскому, хранящиеся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Среди вновь выявленных документов – воспоминания старшей сестры Петра Васильевича Марии Васильевны Урмаковой, по-деревенски Малля (в девичестве Федоровой), вышедшей замуж в д. Балабаш-Нурсово Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Батыревского муниципального округа Чувашии). Их приводит в письме к народному писателю Чувашской АССР А.С. Артемьеву журналист Комсомольской районной газеты, уроженец деревни Балабаш-Нурсово П. Печников (поэтический псевдоним Петёр Эревет). В ходе работы было выявлено, что Петр Васильевич в годы учительства фамилию Федоров (по деду) поменял на родовую, языческую фамилию Пасухха – Пазухин [9. С. 39]. Фактологическим методом обобщены результаты анализа довольно большого пласта источников,

непосредственно относящихся к жизни и деятельности П.В. Пазухина; описательный метод был применен для первичного анализа выявленных источников и их характеристики; аналитический метод позволил более глубоко познать чередование разных событий, объективно оценить функционирование административных структур в рассматриваемый в исследовании период, например их роль в «гонениях» П.В. Пазухина за «революционную деятельность», «задержание цензурой» его сборника; посредством проблемно-хронологического метода установлен детерминированный временной ряд в биографии педагога.

Результаты исследования. Илья Тукташ в предисловии к своей хрестоматии «Чăваш фольклорĕ» [Чувашский фольклор] называет П.В. Пазухина автором чувашских песен наряду с Ф.П. Павловым [17. С. 11], между тем чувашским музыковедам неизвестен Пазухин-композитор, он собиратель текстов устного народного творчества. Некоторые моменты в его биографии приоткрыл А.И. Иванов-Ехвет. Например, в числе тех, кто помогал П.В. Пазухину в сборе текстов для «Образцов мотивов...», был автор поэмы «Нарспи» К.В. Иванов, преподнесший другу четыре мелодии с текстами из Белебеевского уезда Уфимской губернии. Константин Васильевич, учитель рисования СЧУШ, к тому же являлся будто бы редактором «Образцов мотивов...», к которому 17 ноября 1912 г. обращался Петр Васильевич: «Что ничего не пишешь? Ведь я жду, Бог знает, как! Пожалуйста, напиши, но только скорее. Как обстоят дела? Что мне делать? Где песни?» Повод для переживаний был более чем серьезный. Как отмечает А. Иванов-Ехвет, «книга была задержана цензурой и поступила в продажу лишь в 1914 г.» [1. С. 247].

Являлся ли редактором сборника К.В. Иванов? Об этом факте не находим сведений ни в одном источнике. Возможно, Петр Васильевич в ожидании тиража книги лишь обращался так страстно к своему другу.

Цензурой ли задержана? Автор не приводит фактов. Однако своей статье он дает более чем красноречивое название: «Подвиг гонимого учителя».

Да, «труд его был подвигом и гражданским, и ученого-фольклориста», ведь П.В. Пазухин выпустил книгу в сложное время, притом на свои деньги. Но были ли «годы гонений»? Если бы дело обстояло так, то он не смог бы свободно реализовать тираж книги за короткое время. Односельчанин и друг П.В. Пазухина вспоминал, что он по просьбе фольклориста помогал ему продавать книги, за час-другой на базаре было распродано свыше ста книг [18. С. 88]. Действительно ли П.В. Пазухин преследовался «не только ведомственной администрацией, но и полицией, часто пребывал на грани ареста и суда?» [1. С. 248]. Насчет этого А. Иванов-Ехвет не располагает ни одним фактом. Этот же автор публикует воспоминания его односельчанина: «Петра Васильевича часто можно было видеть в народе. Вместе с ним он пел, плясал, искусно играл на скрипке, полюбившиеся песни записывал». А. Иванов-Ехвет указывает даже источник этих фраз: «НА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 265» [1. С. 248]. Однако в этом томе НА ЧГИГН нами не найден этот текст, хранится лишь письмо П.В. Пазухина к Н.В. Никольскому, к которому мы обратимся чуть позже.

В советское время авторы биографических статей об известных деятелях национальной культуры дореволюционного периода зачастую пытались превращать своих героев в борцов против царского режима, выставляли их революционерами. Но навряд ли «революционеру» П.В. Пазухину разрешили бы выпустить столь солидную книгу – 110 страниц, 98 песен. В одной статье читаем:

«С сентября 1911 г. Пазухин начал работать в Моргаушах заведующим училищем... Активно распространяет революционную литературу, из-за чего попадает под надзор жандармов. ...Осенью 1914 г. сельский учитель был призван в царскую армию. И здесь он выступает активным агитатором. Командир 178-го пехотного запасного батальона запрашивает у Казанского губернатора сведения о политической благонадежности рядового П.В. Пазухина. На что тот сообщает, что в 1912 г. Козьмодемьянской уездной полицией велось расследование по поводу распространения Пазухиным среди чуваш брошюр «противопротестного содержания» [14. С. 8].

Здесь возникает несколько вопросов: каким училищем заведовал П.В. Пазухин? Имеются ли доказательства того, что будущий офицер стал «активным агитатором?» Конкретно какую литературу распространял? Первая мировая война началась 28 июля 1914 г. П.В. Пазухин был мобилизован не осенью, а в начале августа 1914 г.

Для того чтобы убедить читателя в том, что П.В. Пазухин революционер, автор использовал документ, хранящийся в Центральном государственном архиве Татарской АССР под названием «Дело по заявлению учителя Моргаушского Козьмодемьянского уезда земского училища Якима Никифорова о вредном направлении другого учителя этого же училища Петра Васильева Пазухина». К слову, Я. Никифоров – предшественник П.В. Пазухина в должности заведующего. Соответственно, исправник Козьмодемьянского уезда Валетов проинформировал Казанского губернатора о том, что у П.В. Пазухина нашли номера «Чăваш календарё» [Чувашский календарь] за 1906 и 1907 гг., брошюры «Земство синчен» [О земстве] и «Автономи тата Раççей пёрлехё» [Автономия и единство России] ядринского предпринимателя З.М. Таланцева. Губернатор поручил жандармскому управлению проверить моргаушского учителя на предмет «неблагонадежности» [15. С. 3]. Но автор статьи то ли намеренно, то ли от незнания упустил важную деталь: вышеназванные издания распространялись совершенно легально, то есть с разрешения цензуры. «Революционность» их заключалась лишь в том, что календари были выпущены не совсем благонадежным издателем-редактором газеты «Хыпар» Н.В. Никольским, а брошюры были переведены на чувашский язык «хыпаровцами» и изданы «Хыпаром». Проверка доноса обиженного учителя Я. Никифорова завершилась ничем. Без преувеличения можно сказать, что аналогичным проверкам подвергалось абсолютное большинство чувашских учителей. По поводу и без... Так всех их включить в число революционеров? Петр Васильевич остался в должности, вскоре сдал в симбирскую типографию «Сидневой и К^о» рукопись «Образцов мотивов...». И еще. Если бы П.В. Пазухин подвергался гонениям, то сразу же после революции он, безусловно, был бы упомянут в числе борцов против царизма, этот факт непременно был бы приведен в некрологе, опубликованном в «Хыпаре».

Петр Васильевич с 1909 по 1914 г. работал в Аликовском, Моргаушском и Орабакасинском земских училищах Ядринского уезда [2. С. 361], из-за принципиальности будто бы не мог найти общего языка с местными законоучителями (священниками). В годы реакции, после подавления первой русской революции, со стороны властей предпринимались попытки запрета обучения в начальных училищах на иностранных языках. Пазухину, как и многим другим, приходилось не только слушать пение школьного хора вместе с хором в церкви, но и дирижировать. А. Иванов-Ехвет приводит воспоминания бывших учеников Петра Васильевича о случае, когда он, искусный регент Аликовской

двухклассной школы, не выдержал фальшивого пения священника, не умевшего подлаживаться к стройному пению хора, и сделал ему дерзкое замечание. Это привело к крайнему ухудшению и без того натянутых отношений между ними и послужило причиной вынужденного ухода опытного педагога из училища. Заметим: вынужденный уход – это не гонения. Архивный документ свидетельствует: «Уменьшение числа обучающихся пению следует объяснить призывом на действительную военную службу учителей», среди которых персонально названо только имя учителя Моргаушского училища регента Пазухина (из отчета Козьмодемьянской уездной управы (с июня 1914 г. по 1 июня 1915. Казань, 1916. С. 94) [1. С. 251]. Разве так характеризовали бы неблагонадежного учителя?

Таким образом, Петр Васильевич не был революционером, но, очевидно, полностью поддерживал прогрессивные преобразования в российском обществе. Первая мировая война выпестовала из него офицера, преданного Родине и присяге. Сотни и сотни представителей революционной интеллигенции (учителя, агрономы, врачи...), с началом войны призванные в армию, в ускоренном режиме обученные и ставшие офицерами, после Февральской революции вполне законно оказывались в запасных полках, чтобы активно участвовать в делах своих партий. Чувашские социалисты-революционеры (эсеры), например будущие депутаты Всероссийского Учредительного собрания С.Н. Николаев, Д.П. Петров и Г.Т. Титов, были приписаны в Симбирске, Г.Ф. Алюнов – в Ярославле, многие – в Казани. Так же мог поступать П.В. Пазухин. Но он выбрал стезю воина...

Еще одна легенда, кочующая из одной статьи в другую: Петр Васильевич сначала якобы работал в Моргаушах, а после крупной ссоры с местным священником, «чтобы замести следы», перешел в Аликовскую школу. Такого не могло быть до революции: вопросы о кадровых перестановках решали попечитель учебного округа совместно с окружным инспектором. Легенда продолжается: будто бы в августе 1914 г. Петр Пазухин приезжает в родную деревню Полевое Чекурово, прощается с больными родителями, со старшей сестрой Малля, с другими родственниками, однодеревенцами. «Это – его последняя встреча с ними. Три года переписывается Петр Пазухин с родней, друзьями и сверстниками, с возлюбленной Лисук» [13. С. 3].

По поводу переписки вопросов не возникает, относительно последней встречи заглянем в безграничный мир (306 томов) рукописного фонда профессора Н.В. Никольского – великого «печальника чувашской нации». (Так называл его в одном из писем к нему еще в феврале 1909 г. один из чувашских просветителей, педагог, переводчик и публицист Д.Ф. Филимонов [4. С. 262].) Н.В. Никольский не вел дневниковых записей в классическом понятии этих слов, то есть в отдельных тетрадях. Вместо этого если не ежедневно, то периодически оставлял записи то на клочке бумаги, то на полях своих рукописных текстов исследований, то вперемешку с записанными им фольклорными образцами и этнографическими материалами. Все это хранится в его рукописном фонде. На одном из пожелтевших листков находим такую запись: «1 июня 1916 г. Пазухин Петр Васильевич. Прапорщик. Часть зимы и весну прожил в Симбирске. Чувашин. Печатал “Песни...” на чувашском языке. Был учителем. Мы избалованы хорошим жалованьем офицера. Едва ли теперь вернется на прежнее учительство и жалованье в 30 р. (ежемесячно)» [5. С. 272].

Понятно, что Николай Васильевич в июне не мог встречаться с Пазухиным. Очевидно, ему о настроениях офицера поведали хорошо знающие его люди, вот

и пришел он к такому грустному выводу: чувашская школа потеряла еще одного педагога. Значит, вчерашний музыкальный фольклорист окончательно выбрал новую «профессию – Родину защищать».

«Часть зимы и весны прожил в Симбирске», значит, был в отпуске, уж точно навещал родню в деревне, в том числе и свою возлюбленную.

Н.В. Никольский переписывался с П.В. Пазухиным и до весны 1916 г., и после отбытия последнего на фронт. Сохранились 3 письма Петра Васильевича.

Письмо 1: «Многоуважаемый Николай Васильевич!

Простите за беспокойство. Хотелось было приехать к Вам в Казань, но мобилизация задержала. Я взят на действительную службу. Пока нас держат, как солдат, в казарме и обучают. Говорят, что из других уездов всех учителей отравили, а из нашего пока только часть. Нас 33 человека учителей. Держат в Козьмодемьянске. Ждут телеграмму об отправке.

Величания (краткое песнопение, прославляющее Иисуса Христа, Богородицу или какого-либо святого; речь, по-видимому, о переводе текстов с русского на чувашский язык. – А.Л.) придется закончить после возвращения. Ну пока идут брошюры (имеется в виду, очевидно, изданный им сборник «Образцы мотивов...». – А.Л.). Если вы успели продать сколько-нибудь, то не сможете ли прислать мне хоть 10 рублей? Деньги весьма нужны. Жалованье пошло на покрытие долгов крестьянскому товариществу. Выехать в армию без денег очень опасно. Кабы не пришлось голодать. Ведь солдатская пища не очень вкусна. Адресуйте в г. Козьмодемьянск, мобилизованному запасному Петру Вас. Пазухину.

Пока желаю всего наилучшего.

С совершенным почтением учитель П. Пазухин.

18 августа 1914 г.» [б. С. 223–225].

Письмо 2: «3 ноября 1916 г.

Уважаемый Николай Васильевич!

Приветствую Вас с берегов хладного моря. Судьба, по-видимому, закинула в Петергофскую школу прапорщиков. Вот уже вторую неделю пребываю здесь. Пока дела только поправляются. Что будет в дальнейшем – не знаю. Обучаюсь военным наукам, но, наверное, это мне так не пройдет, придется подраться с немцами. В феврале выпуск, в конце февраля буду там (т.е. на фронте. – А.Л.). Отсюда больше половины назначают в действующую армию, а я, как бывший в батальоне 1,5 года, во всяком случае являюсь одним из первых кандидатов туда. Впрочем, пора и честь знать. Ведь не вернуться же, ничего не выдавши. Стыдно будет явиться домой. Новостей из военного мира я меньше, наверное, знаю, особенно здесь, когда по целым неделям не видим газет. Военный режим в школе, не как в полку. Приходится привыкать ко всему. В школе прапорщиков хотя строго, но положение лучше, чем в полках. И обращение совершенно человеческое. Здесь того пресловутого “ты” не встретишь. По воскресным дням свободно можно ездить в Петроград. Но, к сожалению, нет там знакомых. А так низших чинов не пускают никуда: ни в чайную, ни в столовую, ни в номера ночевать. Так что без знакомых мало прелести кататься по столице.

Какие у Вас новости? Что нового на [миссионерских] курсах? Не слыхали ли про Симбирскую школу и про ее нового начальника? Нет ли какого изменения относительно родного языка в начальных училищах? Каков округ? А главное, не можете ли вы сообщить адреса Тимофея Матвеева? Я его совсем потерял. Если знаете, то, пожалуйста, не откажитесь сообщить по адресу:

г. Петергоф, 2-я школа прапорщиков, 3-я рота, 3-й взвод, младшему унтер-офицеру П.В. Пазухину.

С совершенным почтением П. Пазухин» [7. С. 203–204].

Письмо 3: «Многоуважаемый Николай Васильевич!

Приветствую Вас с фронта новой России. Наконец-то немного отлегло на душе. Я было совсем в уныние впал после назначения [Николая Константиновича] Кульчицкого министром народного образования [Российской империи], а больше меня Иван Яковлевич [Яковлев]. Старик на старости лет совсем было упал духом. Все говорил, что вот попросит в отставку, вот дело о преобразовании школы будет изъято.

Ну теперь уж совсем хорошо. Теперь надо подумать о своей газете и о букварях в начальных училищах. Нет ли перемен в округе? Как встретили казанцы новое правительство, как в военных сферах?

На фронте мы узнавали все понемногу. Сначала об ответственном министерстве. Еще шутили насчет штатского министра. Потом об отречении Николая II, дальше о подчинении новому правительству. Так что каждый день выходит новый и новый приказ, что принималось без колебаний. Здесь противодействий никаких не было. Все было так хорошо принято, что приходится только удивляться. Уже изменены некоторые ст[атьи] ст[арого] Устава, как-то: титулование (типа «ваше благородие», «ваше высокоблагородие» и т.д. – А.Л.), обращение на «ты», запрещение курить на улице, езда на трамвайных площадках, разрешается солдатам ездить в I и II классах поездов и пароходов, бывать в общественном месте. Хотя некоторые нововведения не особенно приятны для старых офицеров, но прогресс и культура в будущем все это сгладит. Хотя нужно было это сначала обсудить с военными. Но это ничего, все пройдет хорошо, лишь бы установился внутренний порядок в России. Немцы на фронте нервничают, по-видимому, чувствуют плохо. Желания у них не исполнились, французы вытесняют их, на турецком тоже неладно. Внутри страны у них тоже идут брожения. Так что, наверное, и мы также легко вытесним их из России. Лишь бы прорвать где-нибудь, а там пойдет свалка. Теперь уже мы возьмем. У нас всего довольно. Может быть, в недалгом будущем Вы прочтете в газете и о наших успехах. К позиционной жизни привыкаю. Уже здесь я второй месяц сижу. Счастлив, что вырвался из тыла, а то что за военный, не побывавший на войне? Ну как Ваши дела по миссионерским курсам?

Привет Вашей супруге.

Адрес: Дейст. армия. 109-й пехотный Волжский полк, 6-я рота.

С почтением прапор[щик] Пазухин» [8. С. 417–420].

В письме дата не указана. Достоверно можно полагать, что оно отправлено в первые месяцы после Февральской революции 1917 г.

В июне 1916 г. Н.В. Никольский оставил запись, характеризующую воинво-соплеменников периода Первой мировой войны: «Перед Пасхой (которая была 10 апреля) [я] был в Симбирском офицерском собрании. С позиций был один офицер, который очень благодарил Ивана Яковлевича Яковлева, инспектора Симбирской чувашской учительской школы за чуваш-солдат.

В своей речи перед офицерами боевой офицер, между прочим, коснулся чуваш армии. Сам он из 97-го полка. Про чуваш (точно передаю) он выразился так: “солдаты-чуваша презируют смерть”, “легко переносят тягости и лишения – голод, холод”, “послушны”, “патриотичны”. Это “лучшие боевые силы”, “героизму, патриотизму их нет конца”, “в вылазах чрезвычайно незаменимы”.

Исключительно чувашские батальоны Спасский и Чебоксарский. В германских газетах были сводки: “В армии русских явились дикари какие-то: лезут на какие угодно высоты”» [5. С. 272].

Сохранились ли письма П.В. Пазухина к другим известным людям из среды чувашской интеллигенции или к родственникам? Увы, авторы предыдущих многочисленных статей этот факт умалчивают. Родной дом его в деревне сгорел с его рукописями и библиотекой, в пепел обратились 300 народных песен с нотами, переплетенные в две толстые книги [1. С. 252].

Приведем еще один материал. Некий «Т.Х.» в газете «Хыпар» от 9 (по новому стилю 22) октября 1917 г. опубликовал некролог под названием «Петр Васильевич Пазухин»: «9 июля (по новому стилю 22 июля. – А.Л.) [1917 г.] на позициях во время сражения с врагами погиб офицер по имени Петр Васильевич Пазухин. Петр Васильевич – чуваш из [села] Арабуси Буинского уезда (ныне с. Первомайское Батыревского муниципального округа. Здесь у автора неточность: Пазухин – уроженец деревни Полевое Чекурново, в соседних Арабусях он учился в двухклассном училище. – А.Л.). Он в 1909 г. окончил Симбирскую чувашскую школу, в том же году стал работать учителем. Один год жил и преподавал в школе с. Аликово Ядринского уезда, следующие годы учительствовал в с. Моргауши Козьмодемьянского уезда. Петр Васильевич обучал детей весьма хорошо и понятным всем языком, больше всего он их учил петь песни. С началом войны Петра Васильевича призвали в солдаты, там он вышел в офицеры. Когда он стал офицером, его оставили в тылу, так как он преуспел в обучении новобранцев. Но Петр Васильевич, полагая, что негоже и неприлично офицеру находиться вдалеке от военных действий, ушел добровольно на фронт. Там он сражался с врагами и погиб за мирную жизнь народа.

Когда я услышал весть о гибели П.В., душа моя сильно скорбела. П.В. был учителем, любящим чувашей, деятелем, радеющим за чуваш.

Вспомнились предвоенные годы. Когда мы с товарищами встречались в гостях или по делам, начинали вести разговоры о “чувашском деле”. В то время надзирающие за школьной работой казанские чиновники очень даже ненавидели образованных чувашей, говорили, что никому не нужны чувашский язык и чувашская книга. Чтобы чуваша не обучались, умышленно не направляли учителей в Симбирскую чувашскую школу. Предпринимали оголтелые нападки на Ивана Яковлевича [Яковлева], чтобы сместить его с должности. И мы на тех встречах говорили о деятельности Ивана Яковлевича, о Н.И. Ильминском, о тяжелой доле чувашей, о том, как облегчить жизнь соплеменников, и всегда пели чувашские песни.

Больше всех и лучше всех исполнял чувашские песни П.В. Он их любил так, что собрал множество чувашских песен, выпустил их отдельной книгой: “Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. II часть. Издание П.В. Пазухина”. Петр Васильевич предпринял попытку аранжировки чувашских песен в четыре голоса, но этому помешала нагрянувшая война.

П.В. был очень живым, проницательным человеком. Он не боялся инспекторов, русских священников, прямо высказывал им о нуждах чувашей, если даже инспектор ненавидел обучение на чувашском языке, П.В. уроки вел на родном языке. Немало было тех, кто ненавидел Петра Васильевича, поэтому его из хорошей школы перевели в плохую.

Последний раз я Петра Васильевича видел прошлой осенью в Симбирске. Тогда я ему показал свою рукопись, написанную для чувашских школ. Эта работа весьма приглянулась Петру Васильевичу. Он сразу же сказал: “Опубликуй эту книгу!” – и вручил мне около 25 рублей своих денег, которые были при нем.

Нынешние свободы П.В. не суждено увидеть. А он так мечтал о них. П.В. постоянно размышлял о чувашском обществе, о созыве чувашских съездов, о чувашской газете, об издании чувашских книг. Он никогда не сомневался в том, что если будут открыты для чувашей школы повышенного типа – гимназии, реальные училища, учительские семинарии, сельскохозяйственные школы, то чувашки непременно пошли бы вперед. Это все теперь осуществится, но П.В. не довелось стать счастливым свидетелем преобразований, он погиб далеко от чувашского народа – на карпатских горах, отдал душу за всю Россию.

Да пусть Господь даст успокоение душе твоей, Петр Васильевич, ты в своей короткой жизни изо всех сил трудился за чувашский народ и покинул ты этот мир, оставив добрый след.

Тебя и чувашский народ не забудет за то, что ты усердно пекся за него. Он вечно будет помнить тебя, ставя в один ряд со своими лучшими людьми. Т.Х.» [16. С. 2].

«Т.Х.», вне всякого сомнения, Федор Тимофеевич Тимофеев – известный чувашский педагог и языковед, одноклассник и друг Петра Васильевича, в 1915–1918 гг. работавший учителем в с. Абызово Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Вурнарский муниципальный округ Чувашии). Он не сообщал, откуда узнал о смерти Пазухина. Скорее всего, от симбирских или казанских чувашских деятелей, возможно, от Н.В. Никольского.

Сестра П.В. Пазухина Мария Васильевна по прошествии времени вспомнила и спела журналисту П. Печникову прощальную песню брата, перед уходом на армейскую службу: «*Атте лаши, тур лаша, / Мёншён пусна ы(в)тан-ши? / Аякри сула сывӑх тӑвасшӑн. / Атте-анне, ма татӑлса йӑретӑр, / Нихсан килмӑ тетӑр-им? / Атте, ан йӑр, анне, ан йӑр, / Эпӑ калла таврӑнӑп... = Отцовская лошадь, гнедая лошадь, / Отчего голову вскидываешь? / Дальнюю дорогу близкой хочешь сделать. / Батюшка с матушкой, отчего навзрыд плачете? / [Сын] никогда не вернется, думаете, что ли? / Батюшка, не плачь, матушка, не плачь, / Я обратно вернусь...*» [9. С. 42]. Не суждено было вернуться с поля боя...

Скажем вкратце о сборнике П.В. Пазухина «Образцы мотивов...». Эта книга – продолжение сборника под таким же названием, изданного инспектором СЧУШ И.Я. Яковлевым [11]. В предисловии к своему сборнику Петр Васильевич пишет: «Года четыре тому назад в Симбирске впервые появился сборник мотивов народных чувашских песен. Познакомившись с этим сборником, я заметил, что туда не вошли песни чуваш, которые живут в более глухих уголках Симбирской и Казанской губерний и у которых сохранились мотивы песен более старинного характера. Я сам, будучи из тех мест, еще в детстве замечал между многими мелодиями такие, которые производили на меня особенно глубокое впечатление. По окончании Симбирской чувашской учительской школы я задумал пополнить первый сборник более старинными и новыми мотивами и, главным образом, из тех мест, куда еще не могли проникнуть собиратели мотивов народных песен первого сборника» [10. С. 2].

Действительно, в предисловии И.Я. Яковлев отмечает, что в этом впервые появляющемся сборнике семь отделов, в которых 91 мотив, записанный в Симбирской губернии: в селениях Буинского уезда – Альшееве, Ракове, Чувашских Кищаках, Старых Мертлях, Кошки-Новотимбаево, Черепанове, Больших Арабузях и Белой Воложке; в Симбирском уезде – в Кайсарове и Богдашкине; в Казанской губернии – в с. Сиктерме Спасского уезда; в Саратовской губернии – в с. Белая Гора Петровского уезда. Тексты песен записаны в этих же селениях

[11. С. 2]. В сборник включены: песни хороводные, песни в осенние и святочные девичьи праздники, песни праздничные, свадебные, рекрутские, плач невесты и такмаки (шутки). Как видим, все перечисленные населенные пункты входят в этнографическую группу низовых чувашей.

П.В. Пазухин не дает восторженную оценку сборнику И.Я. Яковлева, он как бы даже критически оценивает издание – «туда не вошли песни... у которых сохранились мотивы старинного характера». На автора новой книги произвели «особенно глубокое впечатление» не песни, вошедшие в сборник Ивана Яковлевича, а «замеченные» им «в глухих уголках» образцы. С яковлевским сборником П.В. Пазухин познакомился еще в СЧУШ, который окончил в 1909 г. Он пишет: «Живя учителем раньше в Ядринском, теперь в Козьмодемьянском уездах, а по вакатам (в период отпусков. – А.Л.) в самом отдаленном углу Буинского уезда, я прислушивался к пению тамошних чуваш и старался заносить их песни в свой сборник. Собранные мотивы и тексты к ним в достаточном количестве дали мне возможность издать их в отдельной брошюре, но всякий любезный читатель может представить ее как продолжение первого сборника» [10. С. 2]. Составитель ни словом не делится с читателем, обращался ли он к Ивану Яковлевичу за советом, просил ли его разрешения давать сборнику то же название. Возможно, и обращался, так как в своих воспоминаниях инспектор СЧУШ не упоминает П.В. Пазухина наряду с тремя другими Пазухиными – секретарем канцелярии Министерства внутренних дел России, симбирским дворянином и симбирским же помещиком, значит, не было повода держать обиду за «плагиатство» в названии сборника. Петр Васильевич сам всегда с уважением относился к учителю, о чем свидетельствуют его слова и в письмах к Н.В. Никольскому.

В сборник П.В. Пазухина вошли песни чуваш Буинского, Симбирского, Сенгилеевского, Ядринского, Козьмодемьянского, Цивильского, Тетюшского, Чебоксарского и Белебеевского уездов, то есть были охвачены все этнографические группы чувашей: средненизовые, верховые, низовые и этнотерриториальные. Хороводных песен 23 мотива, игровых – 3, праздничных 37, песен на масленице – 16, такмаков (частушек) – 1, свадебных – 10, рекрутских – 8. Всего 98 разных мотивов и около 650 куплетов.

Сборник П.В. Пазухина из чувашских исследователей впервые подверг анализу один из основоположников профессиональной чувашской музыки Ф.П. Павлов: «В момент составления своего сборника П.В. Пазухин – сельский учитель, один из одиночек собирателей чувашских народных песен в дореволюционное время. Он – ученик симбирской школы, продолжатель дела И.Я. Яковлева в отношении собирания песен. Работа его имеет тот же отпечаток, те же достоинства и недостатки, что и первый, симбирский, сборник. Здесь – та же цифирная система, те же отделы в расположении материала, даже тот же формат и такое же название сборника... Относительно точности записей мотивов следует отметить, что составителем сборника эта сторона дела выполнена в общем и целом удовлетворительно. Большинство мотивов не оставляет сомнения в правильности передачи их. Во всяком случае, П.В. Пазухин старался возможно точно зафиксировать каждый мотив. Это видно из того, что он ввел в употребление цифирные форшлагги, а также отмечал и способ исполнения: “оживленно”, “медленно” и др. Несмотря на это, в записях П.В. Пазухина обнаруживаются некоторые неточности в передаче отдельных мелодических рулад, фигур и проч., как это установил С.М. Максимов.

Особенно значительными эти неточности считать нельзя, поэтому они не могут умалить значения сборника в целом. Кстати, нужно заметить, что название сборника: «Образцы мотивов...» – также, как и такое же название сборника И.Я. Яковлева, – верно лишь относительно. Нельзя утверждать, что все мотивы, помещенные в сборнике, являются «образцами» чувашских мотивов, «типичными» для чувашского народного музыкального творчества» [12. С. 44–45].

Несколько текстов из сборника П.В. Пазухина включил в свой историко-этнографический очерк «Чуваши Казанского Заволжья» (второе, пересмотренное и дополненное, издание), впервые опубликованный в 2023 г., Г.И. Комиссаров [3]. Исследователь отметил: «Есть у чуваш такие *песни, известные по именам их сочинителей*. В рукописном сборнике чувашских песен учителя-чувашина П.В. Пазухина, подготовленном к изданию, имеются, например, песни: 1) круглого сироты; 2) старика-горемыки; 3) одинокого Пяртты; 4) чувашина-землемера; 5) Гаврилы Карсуна. Подобные «именные» песни имеются, конечно, повсеместно среди чуваш, но они еще не опубликованы. Познакомимся с текстами некоторых из записанных Пазухиным песен». Всего 4 песни с переводом на русский язык [3. С. 227–228]. Музыковед Ю.А. Илюхин пишет, что песни, собранные П.В. Пазухиным, использовались Ф.П. Павловым, С.М. Максимовым, Г.В. Воробьевым, А.Г. Орловым-Шузьмом, В.А. Ходяшевым, Ф.С. Васильевым, А.В. Асламасом, И.Я. Пустыльником и другими композиторами [2. С. 361].

Отсутствие серьезного внимания к жизни и деятельности П.В. Пазухина со стороны исследователей, на наш взгляд, можно объяснить так. Он музыкальный фольклорист. Музыку, т.е. своеобразие мотивов, анализируют профессиональные музыковеды. Изучение текстов песен – метрики, композиционных и синтаксических особенностей, поэтических символов и тропов – это удел текстологов-фольклористов. Вот и оказался П.В. Пазухин на «меже», как бы «чужой среди своих, свой среди чужих».

Прав известный фольклорист Г. Юмарт: «Его сборник обессмертил его имя. Переиздание под одной обложкой двух сборников стало бы для читателей поистине дорогим подарком, так как они считаются нестареющими памятниками устного народного творчества» [19. С. 13]. Под «двумя сборниками» автор имеет в виду книги под одним названием – яковлевский и пазухинский. Такая идея была поддержана и участниками «круглого стола», состоявшегося 16 апреля 2024 г. в Чувашской национальной библиотеке.

Выводы. Большинство печатных материалов о П.В. Пазухине носят поверхностный характер и в них ясно выражены идеологические стереотипы советского периода. В данной статье впервые предпринята попытка объективного и беспристрастного исследования жизни и деятельности одного из первых чувашских музыкальных фольклористов, педагога, офицера и патриота, чему способствовали впервые введенные в научный оборот материалы из НА ЧГИГН.

Анализ ранее опубликованных статей и новых документов показывает, что П.В. Пазухин не являлся представителем революционной чувашской интеллигенции, а был сторонником прогрессивных преобразований, приверженцем идей чувашских просветителей И.Я. Яковлева, Н.В. Никольского, Д.Ф. Филимонова и других. В годы Первой мировой войны он показал себя истинным патриотом России, вплоть до гибели на фронте верил в победу Российской армии.

К сожалению, на фоне публикаций, посвященных жизнеописанию П.В. Пазухина, в полном забвении осталась обессмертившая его работа – изданный им

на свои средства сборник «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. II часть» как продолжение одноименной книги, выпущенной И.Я. Яковлевым. На наш взгляд, необходимо издать под одной обложкой названные сборники. Данную идею поддержали коллеги – музыковеды и фольклористы. Эта книга, вне всякого сомнения, стала бы подспорьем для многочисленных чувашских фольклорных коллективов и исследователей устного народного творчества.

Литература

1. *Иванов-Ехвет А.* Музы ищут приют. К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей. Музыка. Театр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 351 с.
2. *Илюхин Ю.А.* Пазухин Петр Васильевич // Чувашская энциклопедия: в 4-х т. Т. 3. М–С. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 361.
3. *Комиссаров (Вантер) Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // *Комиссаров (Вантер) Г.И.* Сырнисен пуххи = Собрание сочинений. Т. I / сост. А.П. Леонтьев и В.В. Комиссаров. Чебоксары: Типография 7, 2023. С. 128–280.
4. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 166.
5. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256.
6. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 265.
7. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 279.
8. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 287.
9. НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 2356.
10. Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. II часть / сост. П.В. Пазухин. Симбирск: Тип. Сидневой и К°. 1908. 110 с.
11. Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним / предисл. И.Я. Яковлева. Симбирск: Тип. А. и М. Дмитриевых, 1908. 116 с.
12. *Павлов Ф.* Чуваши и их песенное и музыкальное творчество. Музыкально-этнографические очерки. Чебоксары: Общество изучения местного края, 1926. 69 с.
13. *Пахомов Иван.* Петр Пазухин – Кёстенттин Иванов тусё = Петр Пазухин – друг Константина Иванова // Хыпар. 2003. 22 июля.
14. *Прокопьев В.* Халӑх асёне пулӑ = Будет в памяти народной // Коммунизм ялавӑ. 1978. 17 июня.
15. *Прокопьев-Ильдер В.* Собиранель фольклора // Молодой коммунист. 1978. 10 авг.
16. *Т.Х.* Петр Васильевич Пазухин // Хыпар. 1917. № 41, 9 окт.
17. Чӑваш фольклорӑ = Чувашский фольклор / И. Тукташ пухса йӑркеленӑ = сост. И. Тукташ. Шупашкар: Чӑвашсен гос-во изд-ви, 1949. 327 с.
18. Чувашский календарь на 1958 год. Чебоксары, 1957.
19. *Юмарт Геннадий.* П.В. Пазухин кёнеки = Книга П.В. Пазухина // Чӑваш Ен. 1993. № 33. 14–21 авг.

ЛЕОНТЬЕВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (alexey.leontjew2014@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>).

Alexey P. LEONTIEV

PETER PAZUKHIN: TEACHER, FOLKLORIST, OFFICER, PATRIOT

Key words: Peter Vasilyevich Pazukhin, teacher, collector of texts of Chuvash oral folk art, the Tsar's army, Nikolai Vasilyevich Nikolsky, correspondence.

The relevance of the study is due to the fact that in April 2024, 135 years passed since the birth of the teacher, collector of folklore, compiler of one of the first collections of Chuvash folk songs, officer of the Tsarist army P.V. Pazukhin. His life and work during the Soviet period are covered in many publications, but in some of them there are many obvious mistakes, myths (or legends) in favor of ideological leanings. There were no objective studies in the post-Soviet period.

The purpose of the study is to trace some stages in life path made by P.V. Pazukhin based on reliable documents.

Materials and methods. The research was based on materials published in various publications about P.V. Pazukhin, as well as newly identified documents stored in the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. The principles of historicism, objectivity and consistency were used, as well as research methods: factual, descriptive, analytical, problem-chronological ones.

Study results. Among the works about P.V. Pazukhin articles by journalists and freelance correspondents of Chuvash periodicals dominate, they often freely interpret some facts, and among professionals, we can note only a small fragment from the review material by musicologist and composer F.P. Pavlov about P.V. Pazukhin's collection (1926) and a newspaper article by a famous Chuvash folklorist G. Yumart for the next anniversary date, who highly appreciate the work of the musical folklorist. Our article does not consider the lyrics of the songs, as this is the lot of folklorists. We identified inaccuracies and obvious errors in covering P.V. Pazukhin's biography. Thus, it is proved that Pyotr Vasilyevich was a staunch supporter of progressive transformations in the life of his native people, but never engaged in revolutionary activities. He was not a front-line soldier during the entire period of service in the army, as some authors write, but he trained recruits in the rear, in addition, he studied at the school of warrant officers, only at the end of spring 1917 he voluntarily left "for positions", as the front was then called. In addition, during 1914–1917 he was on vacation more than once, in particular, he lived in Simbirsk and, accordingly, visited relatives in the village of Polevoye Chekurovo in Buinsky uyezd of Simbirsk governorate.

Conclusions. Most of published materials about P.V. Pazukhin are subjective in nature with clearly expressed ideological stamps of the Soviet period. That is why, this article attempts to carry out an objective study of the life and work of a teacher, one of the first Chuvash musical folklorists, an officer of the Tsarist army. For the first time, materials from the Manuscript Collection of Professor N.V. Nikolsky and other funds of the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities were introduced into scientific circulation.

References

1. Ivanov-Yekhvet A. *Muzyki priglasayut. K istorii dorevolyuetsionnykh russko-chuvashskikh kul'turnykh vzaimosvyazey. Muzyka. Teatr* [Muses are looking for shelter. On the history of pre-revolutionary Russian-Chuvash cultural relations. Music. Theater]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1987, 351 p.
2. Ilyukhin Yu. A. *Pazukhin Petr Vasil'yevich* [Pazukhin Petr Vasilievich]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash Encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2009, vol. 3, p. 361.
3. Komissarov (Vanter) G.I. *Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya* [Chuvash of the Kazan Trans-Volga region]. In: Leont'yev A.P., Komissarov V.V., comps., Komissarov (Vanter) G.I. *Sobraniye sochineniy. T. I* [Collected works. Vol. 1]. Cheboksary, 2023, pp. 128–280.
4. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinita khraneniya 166* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 166].
5. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinita khraneniya 256* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 256].
6. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinita khraneniya 265* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 265].
7. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinita khraneniya 279* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 279].
8. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinita khraneniya 287* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 287].
9. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel V. Yedinita khraneniya 2356* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department V. Storage unit 2356].
10. Pazukhin P.V., comp. *Obraztsy motivov chuvashskikh narodnykh pesen i tekstov k nim. II chast'* [Samples of motives of Chuvash folk songs and texts for them. Part 2]. Simbirsk, 1908, 110 p.
11. *Obraztsy motivov chuvashskikh narodnykh pesen i tekstov k nim. Predisloviye I. Ya. Yakovleva* [Samples of motives of Chuvash folk songs and texts for them. Preface by I.Ya. Yakovlev]. Simbirsk, 1908, 116 p.
12. Pavlov F. *Chuvashi i ikh pesennoye i muzykal'noye tvorchestvo. Muzykal'no-etnograficheskiye ocherki* [Chuvash and their song and musical creativity. Musical and ethnographic essays]. Cheboksary, 1926, 69 p.

-
13. Pakhomov Ivan. *Petr Pazukhin – drug Konstantina Ivanova* [Pyotr Pazukhin is a friend of Konstantin Ivanov]. *Khypar*, 2003, July 22.
 14. Prokop'yev V. *Budet v pamyati narodnoy* [Will be in people's memory]. *Communism of Yalave*, 1978, June 17.
 15. Prokop'yev-Ilder V. *Sobiratel' fol'klora* [Collector of folklore]. *Molodoy Communist*, 1978, Aug. 10.
 16. T.Kh. *Petr Vasil'yevich Pazukhin* [Petr Vasilievich Pazukhin]. *Khypar*, 1917, no. 41, Oct. 9.
 17. Tuktash I., comp. *Chuvashskiy fol'klor* [Chuvash folklore]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1949, 327 p.
 18. *Chuvashskiy kalendar' na 1958 god* [Chuvash calendar for 1958]. Cheboksary, 1957.
 19. Yumart Gennadiy. *Kniga P.V. Pazukhina* [Book by P.V. Pazukhina]. *Chavash En*, 1993, no. 33, Aug. 14–21.

ALEXEY P. LEONTIEV – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary (alexey.leontjew2014@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>).

Формат цитирования: Леонтьев А.П. Петр Пазухин: педагог, фольклорист, офицер, патриот // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 82–95. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-82-95.

УДК 355.233.231.1(092)Михайлов
ББК Ц44-1(2)бдМихайлов

Б.Л. БЕЛЯКОВ, В.М. ИЛЬИН, Н.И. СЕМИЗОРОВ,
Е.В. СМИРНОВ, А.Н. ТАРАСЕНКО

ДОСТОЙНЫЙ СЫН ЧУВАШСКОГО НАРОДА И ЕГО НАСЛЕДИЕ (к 100-летию со дня рождения Виктора Михайловича Михайлова)

***Ключевые слова:** чувашский народ, национальный герой, политработник, Великая Отечественная война, межнациональные отношения, курсанты военного вуза, офицерские кадры, патриотическое и воинское воспитание, традиции, Ракетные войска стратегического назначения.*

В статье высоко оценивается значение деятельности чувашского народного героя, солдата-победителя Великой Отечественной войны, одного из создателей ядерного щита национальной безопасности Отечества Виктора Михайловича Михайлова. Ее актуальность обусловлена и тем обстоятельством, что с 1 сентября 2022 г. во всех видах (родах) войск Вооруженных Сил Российской Федерации возрожден институт «заместителей командиров по военно-политической работе» (вчерашних замполитов, политработников), воссоздана система подготовки (после двадцатилетнего перерыва) офицерских кадров для органов военно-политической работы, возвращены «погоны» профессорско-преподавательскому составу образованных кафедр «Военно-политической работы в войсках (силах)». Бесценный опыт первого начальника Рижского высшего военно-политического Краснознаменного училища имени Маршала Советского Союза С.С. Бирюзова генерал-майора В.М. Михайлова стал как никогда востребован.

Цель работы – дань памяти и благодарности не только воину-победителю минувшей войны, но и одному из первых руководителей соединения ракетных войск стратегического назначения.

Методологической основой труда выступают принципы: объективности, историзма, конкретности и логичности, основанные на практической деятельности в войсках и образовательных учреждениях системы высшего профессионального образования современной России. В результате научного поиска в работе представлены ранее неизвестные страницы биографии народного героя Чувашии, подмечены особенности национального менталитета, культуры чувашского народа в семье братских этносов современной России.

Итоги исследования имеют важное практическое значение для формируемой системы патриотического воспитания молодежи, будущих защитников Отечества, развития военно-педагогической культуры преподавательского состава учебных и научных подразделений высшей школы Российской Федерации. Авторы выражают и свое личное отношение к этому Великому Человеку, который во многом предопределил их личную офицерскую и военно-педагогическую судьбу, окружив отеческой заботой и вниманием на протяжении более сорока лет.

Введение

Среди самых известных и почитаемых людей Чувашской Республики, которых в настоящее время знает вся Россия: народный писатель Чувашской АССР Л.Я. Агаков, дважды Герои Социалистического Труда Е.А. Андреев и С.К. Коротков, Герой Социалистического Труда В.Н. Зайцев, государственные и политические деятели С.М. Ислюков и Н.В. Федоров, олимпийские чемпионы легкоатлеты О.В. Иванова и В.М. Егорова, народная артистка СССР балерина Н.В. Павлова, организатор науки и образования республики, первый ректор Чувашского государственного университета академик С.Ф. Сайкин, народный артист СССР В.Н. Яковлев, просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев, герой Гражданской войны В.И. Чапаев, дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт А.Г. Николаев, космонавт М.Х. Манаров, летчик

Ф.Н. Орлов, Герои Советского Союза А.Н. Боголюбов, генерал-полковник А.А. Дементьев, Герой России генерал-лейтенант Н.Ф. Гаврилов [12]. По нашему мнению, в этом списке не хватает Виктора Михайловича Михайлова, которому 22 июня 2024 г. исполнилось бы 100 лет. За 97 лет своей активной военно-трудовой и общественно-политической жизни, из которой 57 календарных были отданы военной службе, Виктор Михайлович прошел тернистый, боевой, служебный путь от солдата (рядового) ... до генерал-майора, первого начальника Рижского высшего военно-политического Краснознаменного училища имени Маршала Советского Союза С.С. Бирюзова (далее – Рижское ВВПКУ), воспитал плеяду офицеров-ракетчиков (командиров, инженеров, политработников), обеспечивших национальную и военную безопасность Отечества на протяжении полувека истории страны [4. С. 129–130].

Авторы статьи, не будучи связанными кровно, считают себя его сыновьями, внуками, так как более сорока лет ощущали на себе отеческую любовь,

заботу, поддержку и внимание Виктора Михайловича, за что безмерно благодарны и признательны. Этой работой мы хотим отдать ему должное, ибо по жизни и службе всегда руководствовались советами, стремились быть достойными учениками и последователями.

Тернистый путь к генеральским звездам

«Край ста тысяч узоров, ста тысяч песен и ста тысяч озер» – именно так говорят в народе о Чувашии. Но не только этим щедра славная чувашская земля. В первую очередь она богата выдающимися, достойными людьми своего народа. Один из них – участник Великой Отечественной войны, генерал-майор, ветеран Ракетных войск стратегического назначения Виктор Михайлович Михайлов. В 91-й день рождения 22 июня 2015 г. у него в гостях дома побывал полномочный представитель Чувашии при Президенте России Леонид Волков, чтобы поддержать и поздравить ветерана от имени земляков и передать личный ценный подарок от руководителя республики [11]. Всю свою жизнь генерал-майор В.М. Михайлов оставался на переднем крае борьбы за безопасность Отечества, в боевом ветеранском строю РВСН, отдавая себя целиком и полностью делу патриотического и воинского воспитания. И все же немного далекой истории.

Виктор Михайлович Михайлов (22 июня 1924, Шихазаны, Цивильский уезд, Чувашская АО, РСФСР, СССР – 27 сентября 2021) – советский военачальник, политработник, генерал-майор (1976). Начальник Рижского ВВПКУ (1977–1987). Участник Великой Отечественной войны. В 1941 г. проходил службу в лыжном батальоне под Москвой. 15 января 1942 г. был серьезно ранен. В январе 1944 г. под Шепетовкой получил второе ранение, после излечения был направлен на ускоренный курс в Ивановское военно-политическое училище, которое окончил с отличием в конце 1944 г. В августе–сентябре 1945 г. участвовал в войне с Японией. После войны, в 1960 г., окончил Военно-политическую академию имени В.И. Ленина и был направлен начальником политотдела 28-й гвардейской Краснознаменной ракетной дивизии (г. Козельск). Шесть лет служил начальником политотдела – заместителем начальника ракетного полигона Капустин Яр (командир – генерал-полковник В.И. Вознюк). С 1977 по 1987 г. – начальник Рижского ВВПКУ [10. С. 11–13]. С 1988 г. в запасе (отставке). Проживал до 27 сентября 2021 г. в г. Одинцово Московской области. Писал стихи на русском и чувашском языках. Похоронен на Федеральном военном мемориальном кладбище в г. Мытищи. Награжден 14 орденами, 11 государственными медалями СССР, 5 государственными медалями Российской Федерации, 15 юбилейными правительственными наградами, тремя иностранными орденами, четырьмя региональными и муниципальными наградами [7].

1.1. Передний край генерала В.М. Михайлова

Чувашия – один из тех регионов России, где наиболее трепетно чтят и помнят своих национальных (народных) героев. Это прежде всего Василий Иванович Чапаев, космонавт Андриян Григорьевич Николаев и некоторые другие почетные люди. Вот и в селе Шихазаны, и во всем Канашском районе Чувашской Республики есть такой свой герой – Виктор Михайлович Михайлов, познавший за более чем полвека военной службы и цену великого солдатского труда, и нелегкую долю младшего командира, и тяжесть офицерских, а потом генеральских погон. Он был разведчиком и артиллеристом – рядовым бойцом на переднем крае Великой Отечественной войны, танкистом и ракетчиком в послевоенное время. И, разбираясь в тонкостях сложнейшей техники, стал еще

и глубоким знатоком человеческих душ. Он – первый начальник Рижского ВВПКУ, гордился тем, что стал политработником еще в войну, в победном 1945-м, расписавшись на стене поверженного Рейхстага. До последнего дня жизни, как бы ни чувствовал себя, не отказывал ни в одной просьбе тем, кто желал услышать правду о войне. И радовался, что среди его слушателей было очень много молодых. И, конечно, помнят о нем на родине, с которой он никогда не расставался душой и телом, хотя оставил отчий кров в 1941 г., уйдя добровольцем защищать от фашистской нечисти Москву.

О детстве Виктора Михайлова, к сожалению, известно немного [8]. Родился он в многодетной крестьянской семье 22 июня 1924 г. в деревне Шихазаны Цивильского уезда, в то время входившей в состав Чувашской автономной области РСФСР. Пережил со своими родными период коллективизации, индустриализации и культурной революции со всеми вытекающими последствиями. Он с юных лет познал цену крестьянского нелегкого труда, «заработанной копейки», чувства товарищества и коллективизма, но всегда рассчитывал прежде всего на собственные силы и личный труд. С раннего детства он привык рано вставать и поздно ложиться, любил землю, лес и воду (озера и чистые речки, полные рыбой и раками...). С его слов: «Лучшее время суток – предрассветная зорька, когда можно с косою выйти на лесную опушку и по росе..., пройти по еще спящей, мокрой и вкусно пахнущей траве... От плеча сделать первый прокос... Собрать покос в стог и окунуться в него с головой, вдыхая неповторимый, целебный аромат, слушать многоголосный хор птиц, пчел и шмелей»... Учился он легко и с удовольствием. Особенно увлекался историей России и родного края, языками и физической подготовкой. Готовил себя к службе в армии, успешно сдав для этого все возможные спортивные зачеты и нормативы. Но судьба распорядилась иначе...

На второй день войны (23 июня 1941 г.) уже семнадцатилетний Виктор Михайлов с выпускниками своей средней школы направился в райвоенкомат. Но ему, как несовершеннолетнему, в призыве отказали. Однако чуваша – народ упорный. Один Чапаев чего стоит. И, как правило, всегда добиваются своего. В шестнадцать лет Виктор имел все четыре «оборонных» знака – ГТО («готов к труду и обороне»), ПВХО («готов к химической обороне»), ПСО («готов к санитарной обороне») и, конечно, «Ворошиловский стрелок»... Благодаря его настойчивости просьба была удовлетворена, и вскоре он оказался на передовой, в лыжном батальоне под Москвой. Тогда ему повезло: ибо каждому бойцу вручили карабин, выдали теплую одежду, бутылки с горючей смесью. Правда, на весь батальон был всего один ручной пулемет. Взвод Михайлова, по сути, стал разведывательным и часто направлялся в тыл врага. В ночь на католическое Рождество разведчики напали на расположение инженерно-саперного батальона. Немцы расслабились, вспоминая своих Марлен и Гретхен. Наши сняли часового на окраине деревни и к рассвету разоружили фашистов, гревшихся в домах колхозников [8]. В плен попал начальник штаба батальона. В другом бою при освобождении деревни Рябцево лыжники понесли потери – трое были убиты и пятеро ранены. Среди погибших был одноклассник Виктора – Степанов. Похоронили павших в Рябцево – и пошли на запад... Военное счастье отвернулось от красноармейца Михайлова 15 января 1942 г. Тогда он получил первое ранение. Пуля попала в поясницу, и его на волокуше вывозили в тыл друзья Полисанов и Гафуров. В пути их застал рассвет. Немцы

заметили наших солдат и открыли огонь из пулемета. Михайлов был ранен вторично, а друзья, спасавшие его, погибли. Теперь он будет воевать и за них [3]. За всю свою долгую (по военным меркам) фронтовую жизнь ни разу не подвергалась сомнению суворовская заповедь: «Сам погибай, а товарища выручай». Рядовой В. Михайлов всегда помнил тех, кому не довелось увидеть Победу, кто навсегда остался в заснеженных полях Подмосковья, в предгорьях Северного Кавказа, на тучных, изрезанных траками фашистских танков черноземах Украины. В мае 1942 г. после излечения красноармеец В. Михайлов, как человек образованный и отличившийся в боях, был отправлен на учебу в Московское военное училище, но обстановка к лету на фронтах сложилась критическая – наши войска отступали. Появился известный сталинский приказ № 227 («Ни шагу назад»), а Виктора направили командиром 45-мм орудия на Северный Кавказ. Расчеты этих орудий называли «Прощай, Родина!». Они непосредственно сопровождали пехоту, били по танкам прямой наводкой. Немногим из них удалось выжить. За оборону Кавказа и освобождение Тамани сержант В.М. Михайлов был награжден двумя орденами Красной Звезды. Затем он участвовал в освобождении правобережной Украины. И здесь его героический расчет совершил подвиг, оставшийся неотмеченным. Отражая атаку фашистов у города Малин, михайловский расчет сжег два фашистских танка Т-4 – серьезный «зверь», между прочим. Но наши тогда отступали, мы потеряли освобожденный Житомир, и представление затерялось. А 14 января 1944 г. под Шепетовкой Михайлов был тяжело ранен. Его выписали из госпиталя с заключением «не годен к строевой службе». Так закончилась его артиллерийская служба [2]. Он не знал, что вскоре после окончания с отличием Ивановского военно-политического училища ему предстоит стать танкистом и быть в роли тех, по кому он бил врага из своей «сорокапятки». Но и на этом зигзаги его военной судьбы не закончились.

Закончил войну уже лейтенант В.М. Михайлов в Берлине замполитом батальона, прослужив в этой должности в механизированных и танковых дивизиях более пяти лет. Заместителем командира танкового полка по политчасти поступил в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Как и училище, он окончил ее с отличием. Но в полюбившиеся танковые войска Виктор Михайлович не вернулся. Его как одного из лучших выпускников в 1960 г. направили в создаваемые Ракетные войска стратегического назначения, как потом назвали их – ядерный щит Родины. Пять лет он был начальником знаменитой ракетной дивизии в Козельске. И это были счастливые годы: он стоял у истоков освоения нового оружия, благодаря которому на земле сохранился мир [9]. Потом были шесть лет службы заместителем по политчасти у генерал-полковника Василия Ивановича Вознюка, легендарного начальника ракетного полигона «Капустин Яр» [1]. Казалось бы, перевод в Москву, в аппарат политуправления РВСН, был достойным завершением службы, но военная судьба готовила ему очередное испытание. В 1977 г. он стал первым начальником Рижского ВВПКУ. Виктор Михайлович сразу поставил перед собой две важнейшие задачи. Во-первых, сохранить преемственность и традиции училища, от которого они получили Знамя и награду – орден Красного Знамени. Во-вторых, Виктор Михайлович сделал все, чтобы сохранить в составе училища факультет командиров-инженеров, оставив соответствующую учебную базу. Это позволило бы будущим политработникам-ракетчикам не только знать воспитательную

работу, но и разбираться в тонкостях ракетного дела. Обе эти задачи были успешно решены [5. С. 13–14]. Памятным событием для генерала Михайлова было появление в журнале «Советский воин» (№ 11, 1983 г.) репортажа о Рижском ВВПКУ, пожалуй, самом закрытом тогда военно-политическом училище страны. Публикация получила огромный резонанс, особенно среди молодежи. Письма в адрес училища и лично его начальника приходили тысячами. В результате значительно повысилось количество желающих стать курсантами Рижского ВВПКУ. Многие из учеников Виктора Михайловича стали полковниками и генералами, кандидатами и докторами наук, доцентами и профессорами, видными общественными и политическими деятелями современной России. С 1987 г. генерал-майор Виктор Михайлович Михайлов находился в отставке. Но до последнего дня жизни не знала покоя его ветеранская душа. Он был одним из самых активных «штыков» в Совете ветеранов РВСН, Совете ветеранов и выпускников Рижского ВВПКУ. Так вышло, что всю жизнь он оставался на передовой. Его передовой была борьба с иноземными и доморощенными фальсификаторами нашей Великой Победы. Есть особый смысл в том, что в честь солдата и генерала, родившегося 22 июня, в «тот самый долгий день в году», при жизни названа главная улица его родного села Шихазаны, а сам он стал его почетным гражданином.

1.2. От первого лица (из личных воспоминаний В.М. Михайлова): «Большое видится на расстоянии» [6]

«Постановлением Совета Министров СССР от 13 мая 1977 года и Приказом Министра обороны СССР от 20 июня того же года на базе Рижского высшего командно-инженерного Краснознаменного училища имени С.С. Бирюзова было создано Рижское высшее военно-политическое Краснознаменное училище им. Бирюзова С.С., в состав которого, согласно приказу МО СССР, был переведен (влит) политический факультет Ростовского высшего командно-инженерного училища им. Неделина М.И. Высокая честь стать первым начальником вновь образованного училища была доверена автору этих строк. Так началась новая страница в истории РВСН, в деле подготовки высококвалифицированных кадров военных воспитателей для ракетных войск.

Мы, руководители, командиры, профессорско-преподавательский состав, считали своим долгом сеять в сердце каждого курсанта – будущего офицера семена уважительного отношения к подчиненным, полагая, что такое наследство с великой пользой скажется на всей их дальнейшей службе. У нас было правилом, чтобы каждый офицер служил для обучаемых моральным эталоном в соблюдении нравственных и уставных норм во взаимоотношениях между начальниками и подчиненными, старшими и младшими. Надеюсь, добрые семена взойдут в их деятельности. Ныне в Вооруженных Силах нет специфических высших военных училищ, готовящих высококвалифицированных офицеров-воспитателей. Думается, это временное явление. Ведь если считается необходимым готовить специалистов с высшим образованием для служб ГСМ, вещевой, продовольственной и финансовой, то офицер-воспитатель тем более должен быть подготовлен в целевом высшем учебном заведении. К тому же единственному Гуманитарному военному институту едва ли удастся подготовить достаточное количество воспитателей, с учетом спектра задач, решаемых различными видами и родами войск. Между тем, опыт работы выпускников РВВПКУ показал, что они не только успешно выполняют задачи в качестве воспитателей, но одновременно способны уверенно нести боевое дежурство

на командных пунктах на уровне 1-2 номеров боевого расчета. И это неудивительно. Учебные планы, программы подготовки политработников были составлены с учетом особой роли человеческого фактора в Ракетных войсках, где боевое дежурство является высшей формой поддержания боевой готовности войск и оружия, выполнением задачи особой государственной важности по обеспечению безопасности нашей Родины. На кафедрах, где начальниками были А.А. Кобенко, П.И. Зенин, Н.М. Ильичев, М.И. Шайкин, курсантов вооружали необходимыми знаниями, методами воспитания личного состава в войсках в духе гордости и ответственности за службу в Ракетных войсках». Кафедры под руководством этих военных педагогов в центре внимания всегда держали вопросы подготовки будущих воспитателей к работе по комплектованию дежурных боевых расчетов с учетом психологической совместимости, нервно-психологического состояния человека, предназначенного к несению боевого дежурства. Для этого широко применялись ситуационные задачки, заставляющие обучаемых решать различные варианты комплектования боевых расчетов. Такие варианты разыгрывались также при определении расчетов охраны и обороны стартов. Упор делался на способы глубокого изучения каждого, кто допущен к несению боевого дежурства. Подчеркивалась важность знания воспитателем личной жизни подчиненных, обстановки в их семьях, умения вовремя их поддержать.

Главнокомандующий и Член Военного совета РВСН в директиве от 21 мая 1979 г. потребовали уделить особое внимание подготовке заместителей командиров по политической части к несению дежурства первыми номерами боевых расчетов. Это требование выполнялось неукоснительно. Был пересмотрен учебный план в сторону увеличения количества часов на специальную подготовку, значительное время отводилось практической работе на аппаратуре учебно-командных пунктов. Высокий уровень специальной подготовки обеспечивался кафедрами, где начальниками были С.В. Белаш, В.С. Козлов, С.В. Угольников, В.К. Князев, А.Г. Егоров, Е.М. Кальченко. Расширялась и совершенствовалась учебно-тренировочная база в интересах специальной подготовки. К услугам обучаемых имелось 16 учебно-командных пунктов с 48 боевыми расчетами, оснащенных аппаратурой, аналогичной аппаратуре командных пунктов войсковых частей, и более 150 других индивидуальных и групповых тренажеров, что позволило ввести практику учебно-боевого дежурства для старших курсов, проводить ежегодно не менее чем трехсуточные комплексные тактико-специальные учения.

За период обучения курсант в среднем имел возможность работать практически 44 часа основным номером боевого расчета командных пунктов и быть готовым сдать в частях в установленные сроки зачет на право несения боевого дежурства. Анализ работы выпускников, проведенный в войсках, показал, что почти 50% из них служили непосредственно в группах пуска. Отзывы на выпускников из войск 1980–1986 гг. показали, что 65,5% молодых офицеров подтвердили оценки, данные им в училище, 28% – повысили их, а в 85,6% отзывов командиры и начальники не предъявили никаких претензий к качеству подготовки наших выпускников.

Интересно отметить, что с началом несения боевого дежурства авторитет молодых лейтенантов-политработников среди сослуживцев повышался. Об этом, в частности, свидетельствовали письма выпускников в училище. Они с гордостью писали, например, что «... теперь меня величают не Лехой и Петровым,

а по имени и отчеству» и что они чувствуют себя равными среди равных и дорожат этим. Курсанты с интересом занимались в специализированном классе по общей тактике с индивидуальными лингафонными установками, обеспечивающими возможность фронтального обучения. Активно велась работа по обеспечению компьютерной грамотности курсантов. Первыми среди политических училищ в РВВПКУ была введена дисциплина «Основы устройства и применения вычислительной техники». Для этого училище располагало универсальной ЭВМ ЕС-1022 и ЕС-1035 с терминальными устройствами в виде дисплеев и абонентской аппаратурой АП-70(61), дисплейным классом на 16 экранов, тренажерным комплексом, сопряженным с ЭВМ «Электроника-60». В целях привития навыков пользования ЭВМ на кафедре математики были развернуты два класса, оснащенных машинами типа ЛЕК-41 и ДЭ-34. Всего курсанты располагали 43 единицами аналоговых вычислительных машин, шестью микро- и мини-ЭВМ, 300 единицами клавишных ЭВМ различного назначения. Конечно, многое из перечисленной техники по нынешним меркам устарело. Но в то время все это было необходимым и полезным. Именно поэтому на училище была возложена задача обучить на трехмесячных курсах преподавателей всех аналогичных училищ. На нашей базе была проведена межвузовская конференция по проблемам компьютеризации учебно-воспитательного процесса в вузах. В конференции участвовали представители более 15 вузов. Положительно влиял на качество учебного процесса научный кадровый потенциал. Курсантов обучали пять докторов наук – Н.Н. Левин, З.Л. Зайнуллин, В.Д. Князев, В.С. Любанский, Н.М. Ильичев и не менее 100 кандидатов наук ежегодно. Пример научных кадров вдохновлял курсантов на активную военно-научную работу. Этим они своеобразно прославляли имя училища. Так, за высокие показатели в военно-научной работе курсантов приказом Министра обороны СССР в 1985 г. училище было награждено почетной грамотой.

«Инициаторами в деле внедрения прогрессивных методов в учебный процесс выступали многие представители общественных и общенаучных дисциплин. Начальник кафедры военной педагогики и психологии профессор А.А. Кобенко оперативно подготовил пособие по проблемному обучению, и это сыграло большую роль в широком внедрении комплексного проблемного метода обучения на всех кафедрах. В вопросах комплексного, системного подхода к методу проблемного обучения, а также в разработке и издании сборников ситуационных задач и упражнений кафедра ушла далеко вперед и стала для всех консультационным центром. Практически все кафедры издали сборники задач и упражнений по своим дисциплинам. Стало правилом при обсуждении на кафедрах фондовых лекций уделять особое внимание тому, как в них отражен проблемный метод. Наиболее содержательными и научными были сборники ситуационных задач, разработанные Н.М. Ильичевым, С.Н. Суховым, В.Н. Алексеевым».

Много внимания уделяли педагоги подготовке курсантов к работе в войсках, расширению их общего кругозора и во внеурочное время. Например, большой популярностью пользовалась среди будущих офицеров двухгодичная школа «Молодой лектор-международник», опекаемая инициаторами А.П. Демиденко и А.М. Кондаковым. Ежегодно, начиная с 1983 г., осуществлялся выпуск «школьников». Слушатели школы не только посещали лекции, консультации, но и обязаны были сами выступать с международным обзором перед различной аудиторией с соответствующей оценкой и анализом прочитанной лекции

со стороны педагога. В интересах курсантов действовали различные тематические утренники, устные журналы, заседания клубов под названиями: «Философский клуб», «Вопросы экономики», «Офицер – важная и почетная профессия» и т.д. Под руководством С.А. Веропотвельян проводились читательские конференции. Наиболее активно их посещали курсанты офицеров А.П. Науменко, Ф.Ф. Пономаренко, А.П. Кушниренко, В.П. Мельника, В.П. Водопьянова, чьи курсы неоднократно завоевывали звание отличных. Курс Ф.Ф. Пономаренко запомнился еще и тем, что все 100% принятых на первый курс «без потерь» выпустились в войска. Это прежде всего заслуга начальника, создавшего дружный коллектив, который и ныне остается таковым. Они все знают друг о друге, часто устраивают совместные встречи.

«Командование училища создало мощную и разнообразную систему тренажеров для физической закалки курсантов, ревностно относилось к развитию большого спорта. В 1982 г. училище заняло 3-е, а в 1983 и 1984 гг. – 2-е место среди вузов Министерства обороны СССР по спортивной работе. В период с 1977 по 1990 г. в училище было подготовлено 30 Мастеров спорта международного класса, 53 Мастера спорта СССР, 152 кандидата в Мастера спорта. В жизни училища были приятные события, вызывающие чувство гордости за службу в его стенах. Редакция журнала «Советский воин» в номере 11 за 1983 г. на семи страницах (с 9 по 14) опубликовала содержательный материал о Рижском ВВПКУ. Следует отметить, что этой публикацией журнал оказал нам значительную помощь в отборе абитуриентов. На следующий год число желающих поступить в училище увеличилось на 25%, медалистов – в 2 раза, военнослужащих – в 3 раза».

В Центральном академическом театре Российской Армии Москвы 8 и 9 апреля 2017 г. состоялись встреча выпускников учебных заведений, посвященных 50-летию образования высших военно-политических училищ Вооруженных Сил РФ, и всеармейское совещание руководителей вузов и кадровых органов. Этим мероприятием руководили и.о. Министра обороны, начальник ГШ ВС России генерал армии В. Герасимов, и.о. начальника ГУ по работе с личным составом ВС РФ генерал А. Цыганков. Итоги работы были изданы отдельной книгой и разосланы по войскам и военно-учебным заведениям. В основном докладе десять военных училищ и один военно-инженерный институт были отмечены в лучшую сторону. В числе лучших Рижское ВВПКУ было названо первым. В параграфе 1 доклада было отмечено: «Более качественно решались задачи воинского обучения и воспитания в РВСН, Рижском высшем военно-политическом училище»; далее перечислялись еще 10 вузов. Такая высокая оценка вызвала чувство гордости у всего коллектива училища, но главное – обязывала к еще лучшему труду. «Спасибо всем выпускникам, позволившим завоевать высокую оценку Министерства обороны. Давно уже нет нашего училища, но его выпускники, их сыновья и внуки достойно хранят традиции родного учебного заведения, добром помнят время, проведенное в напряженном труде в его стенах, славят его педагогов, учебную базу и бытовые условия. Многие бывшие выпускники успешно проявили себя на различных ответственных должностях – депутатами Государственной Думы, работой в правительственных структурах, в регионах, в Правительстве Москвы. Управление военно-политической работы РВСН укомплектовано в основном питомцами политических факультетов. Многие Члены военных советов и объединений, начальники отделов военно-политической работы соединений, заместители

командиров частей – тоже выпускники “школы чувашского генерала”. Успешно работают на преподавательской стезе наши выпускники и в Военной академии РВСН им. Петра Великого, и в других вузах страны. К сожалению, не удалось на страницах этих воспоминаний добрым словом назвать многих, кто этого законно заслуживает. Искренне прошу простить автора за это» [6].

В начале 1990-х гг. в нашей армии прекратили свое существование военно-политические училища, в том числе и Рижское ВВПКУ. «Умные головы» взяли курс на деполитизацию армии, забыв азбучную истину о том, что армия во все времена, при всякой власти не только защищает суверенитет государства, его границы, но силой оружия поддерживает его общественный строй, идеологию, политику. «Армия вне политики» – это тоже политика, но разрушительная для страны, взявшей этот лозунг на вооружение. Разве армия США сегодня вне политики? Разве не обслуживает она агрессивную гегемонистскую политику своего государства – «оплота демократии в мире»? Провозгласив отказ от идеологии в армии, мы в конце XX в. получили то, что и должны были получить: ни внятной государственной политики, ни армии, достойной великой державы. В прошлое нельзя плеваться безнаказанно. Ведь это значит предать миллионы соотечественников-фронтовиков, память генерала Виктора Михайловича Михайлова – первого начальника Рижского ВВПКУ, для которого всегда на первом месте была забота о людях.

1.3. Наследники генерала Виктора Михайловича Михайлова (из воспоминаний коллег, воспитанников и учеников)

Из личных воспоминаний генерал-лейтенанта А.С. Сидоренко, второго начальника Рижского ВВПКУ (1986–1992), кандидата философских наук, доктора юридических наук, профессора, начальника Управления военно-учебных заведений МО РФ – УВУЗ МО РФ: «Из рук генерала Михайлова В.М. я принял хорошо отлаженный, дружный коллектив единомышленников, сплоченный общей задачей, гармонично соединивший инженерный и политические факультеты. Мы приступили к следующему этапу в своем развитии...

Проходила смена поколений... С 1977 по 1990 г. успешно защитили докторские диссертации полковники Н.М. Ильичев, З.Л. Зайнуллин, В.Д. Шарапов, В.И. Князев, В.С. Любинский, а 71 человек – стали кандидатами наук...

Политические события начала 1990-х гг. сложились так, что коллектив училища волею судьбы оказался в разных местах России, странах СНГ, где до сих пор продолжает педагогическую деятельность, прежде всего, это – Военная академия Ракетных войск имени Петра Великого, Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, Военный инженерно-космический университет имени А.Ф. Можайского, филиал ВА РВСН в Серпухове. Выпускники и преподаватели продолжают трудиться в гражданских вузах Перми, Ростова-на-Дону, Краснодара и других городах РФ. У нас была славная история. Нам есть чем гордиться. Ведь гордостью, лицом любого вуза являются его выпускники. Они всегда проявляли героизм и беззаветную преданность Родине, внесли и продолжают вносить весомый вклад в обеспечение безопасности страны... Особого уважения заслуживают те из наших выпускников, кто с честью продолжает нести службу в войсках и имя “бирюзовца-михайловца”».

Из воспоминаний Николая Ивановича Семизорова, курсового офицера РВВКУ-РВВПКУ (1975–1988), преподавателя, заместителя начальника факультета, начальника (заведующего) кафедрой СГД филиала ВА РВСН им. Петра Великого, кандидата философских наук, профессора, полковника:

«Я горжусь тем, что 34 из 40 календарных лет службы в РВСН и ВС РФ проходил в Ростовском ВВКУ, Рижском ВВПКУ, а после его ликвидации в Серпуховском филиале ВА РВСН имени Петра Великого...

Среди руководителей разных лет Серпуховского ВИ РВ, а с 2009 г. – филиала ВА РВСН следует отметить непосредственных подчиненных и учеников генерала В.М. Михайлова (бывших курсантов Рижского ВВПКУ).

Добрая память о Рижском ВВПКУ и ее первом начальнике генерале В.М. Михайлове живет в сердце каждого выпускника Рижского ВВПКУ. Благодаря чутким, грамотным, умелым воспитателям, какими был весь профессорско-преподавательский состав училища, курсанты с каждым днем приобретали новые знания, совершенствовались навыки и умения...

Их заслуга еще и в том, что в записной книжке каждого курсанта первой выдержкой из услышанного и прочитанного были слова:

Если крикнет рать святая:
“Кинь ты Русь, живи в раю!”,
Я скажу: “Не надо рая –
Дайте Родину мою!”

В каждой лекции, в каждой беседе командования училища – генерала В.М. Михайлова прослеживалась необходимость в своей деятельности сделать законом принципы: не “Делай так!”, а “Делай, как я!”, не “Вперед!”, а “За мной!”. Эти принципы были кодексом жизни всех курсантов, потом – офицеров».

*Из воспоминаний **Александра Николаевича Тарасенко**, выпускника Рижского ВВПКУ 1979 года, заместителя командира 28-й ракетной дивизии по работе с личным составом, заместителя начальника СВВ РВ по воспитательной работе, кандидата педагогических наук, доцента, почетного работника ВПО РФ, полковника: «В день векового юбилея рождения генерала В.М. Михайлова исполнится ровно 45 лет первому выпуску офицеров-политработников Рижского ВВПКУ, к которому я с гордостью принадлежу. Лично мне за два года учебы в Риге довелось трижды общаться с начальником училища: первый – при вручении партбилета, третий – при получении “красного диплома” в день окончания училища, а вот о втором – хочу поведать особо, ибо связан он с созданием в училище своего, первого вокально-инструментального ансамбля в училище – “Пушкарри”, ставшего очень популярным далеко за пределами вуза...*

На одну и первых репетиций перед Республиканским конкурсом художественной самодеятельности Виктор Михайлович прибыл в спортзал, где проходила подготовка, познакомился с каждым из нас лично, расспросил о проблемах учебы, бытовых условиях жизни, существующих проблемах “из первых уст”, изучил репертуар и попросил внести определенные изменения, подчеркнув при этом, что мы несем в массы не только популярную музыку, но и особый смысл военной службы, армейской дружбы, идеи многонационального единства народов и традиции ВС СССР, РВСН. Тогда я не догадывался, что начальник училища глубоко разбирается в популярной и классической музыке, сам пишет песни и стихи, играет на многих музыкальных инструментах. В памяти навсегда сохранились его доброжелательность, профессионализм, отцовская теплота и доброта в отношениях с подчиненными, чего так нам не хватает сегодня в организации военно-политической работы на всех уровнях военного управления. Так случилось, что четверть века моей жизни и офицерской службы связано с соединением, в котором первым заместителем командира

дивизии – начальником политического отдела был генерал-майор Михайлов Виктор Михайлович... Уже впоследствии, будучи психологом соединения, заместителем начальника отделения воспитательной работы, а с 2000 по 2004 г. – заместителем командира 28 р. д. по воспитательной работе (по работе с личным составом) пришлось не только глубоко изучить историю практической деятельности первого комиссара войсковой части 54 055, но и приглашать его на основные практические мероприятия соединения. Именно в этот период состоялось и личное знакомство двух генералов В.М. Михайлова и С.В. Каракаева (в то время – командир дивизии, а с 22 июня 2010 г. – Командующий РВСН), которое с годами переросло в настоящую мужскую дружбу и сыновье отношение последнего к ветерану-политработнику. Примечательно, что из шести последующих командиров соединения трое являлись его питомцами-выпускниками Рижского ВВПКУ».

Из воспоминаний Бориса Львовича Белякова, доктора философских наук, профессора, почетного работника ВПО РФ, полковника: «Для меня, как и большинства детей “5-городка” (32-я ракетная дивизия, г. Поставы, Витебской области, БССР), отцы которых вбивали “первый кол” ядерной безопасности СССР, выбор жизненного пути был предрешен заранее – продолжить дело своих родителей – учиться и служить в РВСН, мальчишками мы провожали и встречали первопроходцев-ракетчиков у памятника “Танк Т-34”, от которого по вторникам и пятницам отъезжали “кунги” с очередными дежурными сменами... Между нами не было разницы – кто из каких семей – ибо каждый себя считал потомственным ракетчиком. Я сравнительно легко поступил в Ростовское ВВКУ на военно-политический факультет...

В 32-й и 28-й ракетных дивизиях начинали службу многие преподаватели и руководители Ростовского и Рижского училищ. Это было время питомцев-выпускников 1979–1986 гг. генерала В.М. Михайлова, когда в учебно-научных подразделениях гуманитарного профиля академии свыше 60% преподавателей общественных дисциплин и 70% работников отдела военно-политической работы были “бирюзовцы–михайловцы”. Каждый из нас хранит добро о своих наставниках и учителях, педагогах-новаторах Рижского ВВПКУ... Большая часть педагогов кафедр общественных наук прибыла вместе с нами из Ростова в Ригу, многие имели боевой опыт. Их объединяли глубокое чувство патриотизма, единства и сплоченности. Скорее всего это было обусловлено братством фронтовиков, что явно просматривалось в отношениях к преподавателям, участникам боевых действий как в годы Великой Отечественной, так и событий на Кубе, Вьетнаме, Венгрии, Чехословакии, Анголе. Больше всего в Рижском ВВПКУ меня поразили: 1) чистота, чисто везде и во всем; 2) состояние учебно-материальной базы, библиотеки, столовых, общежития и казарм; 3) спортивные комплексы и организация физической подготовки; 4) какая-то удивительная интеллигентность, доброта преподавателей, уровень их общей и военной культуры. Это касается не только кафедр гуманитарной направленности, но и военно-специальных дисциплин...

Что касается личного общения с генерал-майором В.М. Михайловым в училище, то их были четыре: первый – при вручении диплома победителя Республиканского конкурса научных работ в феврале 1977 г.; второй – при получении партбилета 3 сентября 1978 г.; третий – при личном инструктаже после подписания приказа о беспрепятственном посещении государственной библиотеки имени В. Лациса в любой день недели с разрешения начальника

курса, освобождении от учебных занятий по субботам. При мягкости приказа условие генерала было жестким и однозначным: “только отличные оценки в период промежуточных аттестаций и на экзаменационных сессиях”. С получением хотя бы одной хорошей либо удовлетворительной оценки я этого права лишился навсегда. За весь период обучения условия генерала были исполнены. Четвертая личная встреча была уже после торжественного вручения дипломов. Именно из уст генерала В.М. Михайлова было получено благословение на научную и исследовательскую деятельность с перспективой вернуться в родное училище...

Всегда помню заветы генерала В.М. Михайлова: “Нет плохих либо хороших национальностей. Есть лишь разные их представители”, “Не пятая графа анкеты определяет Человека, а лишь конкретные, практические дела и поступки”, “Самые надежные и красивые девушки-жены рождаются в Чувашии”... Виктор Михайлович, видимо, был пророком, ибо я нашел свою вторую, счастливую “половину” именно в городе Чебоксары, которая не только вернула меня к жизни, но и разделила все тяготы армейского быта и неустроенности... Педагогический коллектив кафедры всегда руководствовался “михайловским принципом”, согласно которому: “Голова курсанта (слушателя) не сосуд, который следует заполнить, а факел, который необходимо зажечь”. Важно научить курсанта думать, свободно и аргументированно излагать свои мысли, вооружить научной методологией познания, выработать навыки и умения применять общие положения при решении конкретных вопросов военно-профессиональной практики. Это был и остается “михайловский”, главный вектор усилий кафедрального коллектива. Сравнивая сегодняшние тенденции в развитии российской высшей и особенно военной школы, особенно в общегуманитарной сфере, с уровнем и направленностью образовательно-воспитательной деятельности в нашем училище, еще раз убеждаешься, насколько же высока была тогда в стране планка требовательности к качеству подготовки специалистов! Не понаслышке знаю, поскольку последние годы преподаю в ряде вузов г. Москвы...

Не уверен, поймут ли меня те, кто родился и вырос в “демократическое” время, те, кого воспитывают ныне на принципе: “Родина там, где хорошо кормят”, что патриотизм – не химера, не фикция, а стержневое качество, без которого не может быть полноценной личности, которое является определяющей в жизни ценностью. Для меня и моих товарищей слова “есть такая профессия – Родину защищать” являются не просто красивой фразой, а отражением самого смысла жизни...

Присяге не изменял, Родину не предавал, верность своему Отечеству доказывал добросовестной службой. А ведь я – всего лишь маленькая частица из тех миллионов, кому еще не безразлична судьба нашей Родины – России. Значит, обязательно придет время, когда “Россия встанет ото сна”, и когда, вслед за поэтом, можно будет с радостью воскликнуть: “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!”. Верю, что возродится былое величие многонациональной России в союзе с другими народами постсоветского пространства и наши потомки будут гордиться своим Отечеством, как гордится ими мое поколение».

*Из воспоминаний **Евгения Валерьевича Смирнова**, кандидата философских наук, доцента, начальника кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военной академии РВСН имени Петра Великого, полковника: «Если мои старшие коллеги называют себя “детьми” генерала В.М. Михайлова, то мне в силу возраста и опыта военно-политической работы вполне уместна*

роль внука, а возможно, и правнука. Вместе с тем у нас с соавторами есть очень много общего. С 1984 г. моя жизнь связана с Чувашией. Моего отца – офицера Советской Армии – перевели на новое место службы в г. Шумерля (чуваш. Семерле), куда мы вскоре переехали всей семьей. Поступил в Пермское высшее военное командно-инженерное Краснознаменное училище Ракетных войск имени Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова, окончив которое с отличием и золотой медалью, стал через пять лет офицером-ракетчиком. За 11 лет школьной программы мне не единожды доводилось слышать о подвиге героя чувашского народа Викторе Михайловиче Михайлове, посещать известный в Республике школьный музей, библиотеку села Шихазаны, Чувашскую национальную библиотеку в г. Чебоксары. Интерес к данной проблеме был не случайным, так как семейная офицерская династия предполагала глубокие познания истории, традиций и обычаев своего народа, понимание особенностей менталитета, психологии, культуры. Впоследствии моим научным руководителем стал профессор Б.Л. Беляков, который сыграл большую роль в моем становлении и развитии».

Из воспоминаний Вячеслава Михайловича Ильина, односельчанина генерала В.М. Михайлова, воина-интернационалиста, ветерана боевых действий, почетного ветерана города-героя Москвы, ветерана Вооруженных сил Российской Федерации, заместителя начальника штаба отделения Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «ЮНАРМИЯ» по Восточному административному округу, полковника: «Есть нечто, что невозможно стереть, забыть, убить в душе... это ПАМЯТЬ. Памяти нашего знаменитого чувашского земляка, уроженца села Шихазаны Чувашской Республики, фронтовика, генерал-майора Виктора Михайловича Михайлова, ушедшего в мир иной на 98-м году жизни, посвящается это небольшое, но важное для меня повествование, которое является частичкой вклада в Победу.

О моей любимой малой родине – родной Чувашии – в народе говорят: “Край 100 тысяч узоров, 100 тысяч песен и 100 тысяч озер”. Но не только этим богат наш поволжский край, где проживает древний чувашский народ – выходец из Волжской Булгарии, который бережно хранит наследие культуры и традиций предков. В первую очередь, она богата выдающимися, достойными людьми своего народа. Один из них – ветеран Великой Отечественной войны, генерал-майор Ракетных войск стратегического назначения Виктор Михайлович Михайлов, которому 22 июня 2024 года исполнилось бы 100 лет...

Из воспоминаний учителей, фронтовиков, проводивших с нами уроки истории о войне в мои школьные 1970–1975 гг., запомнилось следующее: “Наш односельчанин Виктор Михайлов – человек удивительной судьбы. Ему было всего 17 лет на момент начала Великой Отечественной войны, его не хотели брать на фронт, но удивительным упорством он добился своего – его добровольцем отправили в лыжный батальон под Москвой. Много горя он познал за годы войны: в 1944 г. его 19-летнего признали негодным к строевой службе, но Виктор Михайлович показал себя истинным сыном Родины – военное дело не бросил и продолжил службу до полной Победы, завершив войну замполитом танковой бригады в Берлине... С 1960 по 1997 г. служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Стоял у истоков создания РВСН, будучи в числе руководителей полигона «Капустин Яр». Я помню его с самого раннего детства и его совет поступать учиться в вуз РВСН. У чувашей не принято перекладывать свои проблемы на чужие плечи, тем более использовать чужую славу

в личных корыстных целях. Я выбрал свой путь. 15 лет самостоятельно шел по тернистому пути офицерской карьеры через горячие точки, дальние гарнизоны, войны и вооруженные конфликты на постсоветском пространстве. С 1975 по 1989 г. я, окончив высшее училище, военную академию, сменив пять гарнизонов на Дальнем Востоке и Сибири, прибыл для дальнейшего прохождения службы в штаб Московского военного округа.

Мысль найти, изыскать односельчанина и фронтовика-генерала В.М. Михайлова не покидала меня все эти годы. И лишь в 1992 г., создав по инициативе генералов и офицеров силовых структур страны, выходцев из Чувашской Республики, проживающих в Москве и Московской области, региональную организацию «Товарищество офицеров – Сыны Отечества», я встретил его в составе правления. С той поры мы больше не расставались до последнего дня жизни моего Земляка.... После обсуждения плановых вопросов собрания мы с Виктором Михайловичем (разница в возрасте составляет 34 года) в течение двух часов!!! взахлеб делились воспоминаниями, рассказывали друг другу о людях родного села, распевали чувашские песни, читали стихи на родном языке. Особенно порадовало и мысленно нас породнило то, что его и моего отца звали абсолютно одинаково – Ильин Михаил Ильич! И в присутствии всех собравшихся земляков – служивых военных, ветеранов службы и труда, участников Великой Отечественной войны, уроженцев чувашского края – я приподнялся со стула, подошел к Виктору Михайловичу и, крепко обняв его, громко произнес на своем родном языке «Атте!» (Отец, Батя). Аплодисменты от друзей, коллег и сослуживцев тоже были крепкими, выразительными и одобрительными!

Он, как Отец, Командир и Наставник в одном лице, спокойно расспрашивал меня о моей занимаемой должности, о состоянии боевой готовности войск и морального духа воинов округа после распада Союза и давал советы по следованию в своей службе победным традициям русского воинства, о верности Военной Присяге, о твердости духа и несгибаемой воле чувашских сыновей по защите Отчизны во все времена. Мы, представители чувашского землячества Москвы, ежегодно по 3-4 раза навещали нашего генерала В.М. Михайлова в его квартире в Одинцово. Приезжали в национальных костюмах, а военные – в парадной форме, с чувашскими пирогами (хуплу), национальным мясным деликатесом шъртан и, конечно, с нашими народными песнями и стихами. Он всегда был почетным и желанным гостем на всех торжественных мероприятиях в Москве, проводимых на Красной площади в День Победы 9 Мая, в Государственном Кремлевском дворце в канун 23 февраля, под эгидой Федеральной автономии чувашей – на всероссийских чувашских праздниках «Акатуй», «Џаварни» (Масленица), «Кёрсарни» (Праздник осеннего урожая), на спортивных соревнованиях земляков в честь Дня Советской Армии и ВМФ по лыжам в парке г. Одинцово.

Особенно мне запомнилось выступление фронтовика генерала В.М. Михайлова накануне своего 90-летия во время посещения представителями чувашского землячества Кавалерийского почетного эскорта Президентского полка Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации в июне 2014 г., где традиционно проходили срочную службу чувашские сыновья моей Республики. Из его уст прозвучало: “Хисеплĕ маттур, вайлă тата хастар чаваш каччисем! О войне можно говорить годами, но всё равно всего не расскажешь. Очень трудно фронтовику вспоминать об этом. Но современное поколение должно знать, что лучше свободы ничего

не бывает. И советские солдаты сделали все возможное для того, чтобы подарить вам эту свободу. Так сохраняйте ее! Прошу и требую не забывать, всегда помнить о тех, благодаря кому вы живете мирно и счастливо!

Большое человеческое счастье – пройти через все это и остаться живым. Великое счастье – через это не проходить. Смерть, ранения, опасность – прямая сущность войны. Единственной силой, способной противостоять этой бесчеловечной бойне, оказываются только сама жизнь и ее главная надежда, ее избранник – Человек. Человеческая память – это святое чувство. Она ожогами сердца испытывает совесть. А память о подвиге советского народа вечна. Мы всегда в долгу перед фронтовиками, ветеранами Великой Отечественной войны, а также тружениками тыла. Мы не имеем право забывать о подвиге нашего народа в годы войны. Это благодарность за жизнь, которую подарили солдаты.

А память неотделима от истории страны, от истории моей малой родины Чувашии, где больше половины людей, ушедших на фронт, не вернулись с поля боя!". В честь 90- и 95-летия генерала В.М. Михайлова в штабе Ракетных войск стратегического назначения Командующим РВСН генерал-полковником Сергеем Викторовичем Каракаевым были организованы торжественные приемы с приглашением руководящего состава Ракетных войск, Полномочного представителя Чувашской Республики при Президенте РФ Леонида Волкова, а также наших земляков, уроженцев Канашского района полковников Вячеслава Ильина и Владимира Андреева, поддерживавших нашего генерала...

Не забывали Виктора Михайловича и на родине – в его родном селе Шихазаны Канашского района, где он является почетным гражданином. Именем генерала В.М. Михайлова названа главная улица, которую могут видеть все жители, проезжая по дороге "Канаш – Чебоксары". Около села Шихазаны установлен знаковый указатель: "Улица генерала Михайлова". В честь 90-летия уважаемому генералу было присвоено звание "Почетный гражданин Канашского района Чувашии". Во время частых наших встреч Виктор Михайлович всегда с гордостью и почтением вспоминал о своих довоенных наставниках родной средней школы, отдавая дань памяти и признательности людям самой мирной и человеческой профессии – учителям. Несмотря на преклонный возраст, Виктор Михайлович помнил и с благодарностью, душевным трепетом называл их имена и отчества. Ведь они научили его любить литературу и развили талант поэзии. Генерал на встречах часто наизусть читал свои стихи: на родном чувашском языке и в русском переводе...

В период наших совместных встреч я не уставал поражаться силе духа и жизнелюбию этого истерзанного войной человека, нашего чувашского земляка-односельчанина. Мудрые слова и изречения: "Все к лучшему в этом лучшем из миров!", "Вперед без страха и сомненья!", "Я люблю тебя, жизнь!" – всегда и везде поддерживали дух фронтовика генерала Виктора Михайловича Михайлова, моего Батю, Учителя по жизни и Наставника».

Сегодня ветеранскую организацию выпускников Рижского ВВПКУ – хранителя памяти и славных дел генерал-майора В.М. Михайлова, возглавляет его ученик и продолжатель славной династии политработников-ракетчиков, представитель первого выпуска комиссаров – РВСН 1979 г., генерал-майор Александр Жихарев, кандидат технических наук, доцент. Эта организация является активным и действенным членом Ассоциации – Межрегиональной общественной организации «Союз ветеранов РВСН» под председательством заместителя Командующего РВСН, генерал-майора Анатолия Семеновича Селюнина, объединяющей в своих рядах почти 30 тысяч уволенных офицеров-ракетчиков,

а также Региональной общественной организации «Московская городская организация ветеранов Ракетных войск стратегического назначения», которой с момента создания бесценно руководит генерал-майор Валентин Прокофьевич Ососков, кандидат философских наук, доцент. На страницах ежеквартальной общественно-социальной газеты «Ветеран-Ракетчик» регулярно публикуются не только достоверные и конкретные факты истории, жизни рода войск ВС РФ (вида войск ВС СССР), но и актуальные проблемы военно-политической работы в Вооруженных силах, Ракетных войсках. В ней многократно звучали добрые слова персонально в адрес генерала В.М. Михайлова, его учеников и последователей, в разные годы возглавлявших отделы военно-политической работы (политические отделы, отделы воспитательной работы, по работе с личным составом...), которые и по сей день обеспечивают высокое морально-психологическое состояние личного состава Ракетных войск. В академии в июле осуществится уже третий набор будущих комиссаров РВСН. Прошедшая впервые в истории 4–7 марта 2024 г. аккредитация и лицензирование специальности «военно-политическая работа в войсках (силах)» подтвердила правильность выбранного курса обучения и воспитания будущих политработников-ракетчиков.

Выводы

Исторический нигилизм всегда оборачивается горьким похмельем на пиру «победителей». Годы идут. Многие «ученики» Виктора Михайловича были «сокращены» и уволены из ВС РФ, РВСН, далеко не всегда по собственному желанию. Но знания, накопленный за годы службы опыт позволили им занять достойное место в самых различных сферах общественной жизни. Четыре выпускника училища избирались депутатами Государственной Думы Российской Федерации, два – в Совет Федерации, более 40 стали генералами. Среди них: генерал-лейтенант А.В. Ракитин – начальник управления делами Генеральной прокуратуры Российской Федерации, генерал-лейтенант внутренней службы С.А. Сергеев, заместитель командующего РВСН генерал-лейтенант В.М. Мазуров, начальник космодрома «Плесецк», заместитель командующего войсками Космического командования генерал-майор А.Н. Нестечук, бывший начальник филиала Военной академии РВСН им. Петра Великого (в г. Серпухов) генерал-майор А.Д. Коннов и др. Г.Ю. Семигин многие годы является председателем партии «Патриоты России». И пока они, их дети и внуки на боевом посту, Россия остается Великой державой.

(Продолжение следует)

Литература

1. 4 межвидовой: XXI век начинается / под общ ред. М.Р. Королева. М.: ООО «Т-Пресс», 2011. 348 с.
2. *Беляков Б.Л., Ивкин В.И.* Первый начальник училища ракетных комиссаров (К 100-летию со дня рождения генерал-майора Михайлова В.М.) // Ветеран-ракетчик. 2024. № 3 (170).
3. *Дандыкин В.* Передний край генерала Михайлова // Красная звезда. 2009. 20 июня. С. 16–18.
4. *Демиденко А.П.* На службе долгу и истине. М.: ИПО ЦБТИ, 2012. 356 с.
5. *Захаров Ю.Н.* Рижскому высшему Краснознаменному училищу имени Маршала Советского Союза Бирюзова С.С. (КУБО-РВИКУ-РВВПКУ) // Ветеран-Ракетчик. 2021. № 2 (157).
6. *Михайлов В.М.* Рижское Краснознаменное (Военная летопись Отечества) [Электронный ресурс] // Военно-исторический журнал. 2016. 6 авг. URL: <http://history.milportal.ru/rizhskoe-krasnoznamyopnoe> (дата обращения: 15.04.2024).
7. Михайлов Виктор Михайлович (военачальник) [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.chuvash.org/news/6337.html> (дата обращения: 14.04.2024).
8. Михайлов Виктор Михайлович [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия: сайт. URL: <https://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=3407> (дата обращения: 15.04.2024).

9. Плескач В.П. 28 гвардейская Краснознаменная ракетная дивизия (г. Козельск). М.: ИПО ЦБТИ, 2011. 234 с.

10. Рижское высшее военно-политическое Краснознаменное училище имени Маршала Советского Союза С.С. Бирюзова (военно-исторический труд) / под общ. ред. А.С. Сидоренко. Рига: РВВПКУ, 1991. 134 с.

11. Уважение к нашему земляку, генерал-майору Виктору Михайлову не теряется с годами [Электронный ресурс]. URL: <https://kanash-info.ru/news/uvazhenie-nashemu-zemlyaku-general.html> (дата обращения: 14.04.2024).

12. Чувашская Республика: летопись столетия [Электронный ресурс]. URL: <https://chuvashia100let.nbchr.ru/100-imen/> (дата обращения: 14.04.2024).

БЕЛЯКОВ БОРИС ЛЬВОВИЧ – доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия, Москва (arbit70@mail.ru).

ИЛЬИН ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ – воин-интернационалист, ветеран боевых действий, специалист архивной службы, ГК «Локо-Тех» ОАО «РЖД», Россия, Москва (ivm4232390@mail.ru).

СЕМИЗОРОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ – кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Филиал Военной академии РВСН имени Петра Великого в г. Серпухове, Россия, Серпухов (varvsn-serp@mail.ru; semizorovni@mail.ru).

СМИРНОВ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военная академия РВСН имени Петра Великого, Россия, Балашиха (varvsn@mail.ru; negvevs@mail.ru).

ТАРАСЕНКО АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Филиал Военной академии РВСН имени Петра Великого в г. Серпухове, Россия, Серпухов (varvsn-serp@mail.ru; tarasnik@mail.ru).

Boris L. BELYAKOV, Vyacheslav M. ILYIN, Nikolay I. SEMIZOROV, Evgeny V. SMIRNOV, Alexander N. TARASENKO

**A WORTHY SON OF THE CHUVASH PEOPLE AND HIS LEGACY
(on the 100th birth anniversary of Viktor Mikhailovich Mikhailov)**

Key words: the Chuvash people, national hero, political worker, the Great Patriotic War, interethnic relations, military university students, officer cadres, patriotic and military education, traditions, Strategic Missile forces.

The article highly appreciates the importance of the activities of the Chuvash national hero, soldier-winner of the Great Patriotic War, one of the creators of the nuclear shield of Homeland's security Viktor Mikhailovich Mikhailov. Its relevance is also due to the fact that beginning with September 1, 2022, in all types (branches) of the Armed Forces of the Russian Federation, the institute of "deputy commanders for military and political work" (yesterday's deputy commanders for political affairs, political workers) was revived, the training system (after a twenty-year break) of officer cadres for military and political work bodies was recreated, "shoulder marks" for the teaching staff of the departments of "Military-political work in the military (forces)" are returned. The invaluable experience of the first head of Riga Politico-Military Red Banner Training School, Major General V.M. Mikhailov, became more in demand than ever.

The purpose of the work is to pay tribute to the memory and gratitude not only to the victorious soldier of the last war, but also to one of the first leaders of the Strategic Missile Forces.

The methodological basis of the work is made by the principles of objectivity, historicism, concreteness and logic, based on practical activities in the military and educational institutions of the higher professional education system of modern Russia. As a result of a scientific search, the work presents previously unknown pages in the biography of Chuvashia's national hero, the peculiarities of the national mentality and culture of the Chuvash in the family of fraternal ethnic groups of modern Russia are noted.

The results of the study are of great practical importance for the system of patriotic education of young people, future defenders of the Homeland, the development of military pedagogical culture

of the teaching staff in educational and scientific departments of the higher school of the Russian Federation. The authors also express their personal attitude towards this Great Man, who in many ways predetermined their personal officer and military-pedagogical fate, surrounding them with paternal care and attention for more than forty years.

References

1. Koroleva M.R., ed. *4 mezhdovoi: XXI vek nachinaetsya* [4 interspecies: the twenty-first century begins]. Moscow, T-Press Publ., 2011, 348 p.
2. Belyakov B.L., Ivkin V.I. *Pervyi nachal'nik uchilishcha raketnykh komissarov (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya general-maiora Mikhailova V.M.)* [The First Head of the School of Rocket Commissars (To the 100th Anniversary of the Birth of Major General V.M. Mikhailov)]. *Veteran-raketchnik*, 2024, no. 3(170).
3. Dandykin V. *Perednii kraj generala Mikhailova* [The front line of General Mikhailov]. *Krasnaya zvezda*, 2009, June 20, pp. 16–18.
4. Demidenko A.P. *Na sluzhbe dolgu i istine* [In the Service of Duty and Truth]. Moscow, 2012, 356 p.
5. Zakharov Yu.N. *Rizhskomu vysshemu Krasnoznamennomu uchilishchu imeni Marshala Sovetskogo Soyuza Biryuzova S.S. (KUBO-RVIKU-RVVPKU)* [Riga Higher Red Banner School named after Marshal of the Soviet Union Biryuzov S.S.]. *Veteran-Raketchnik*, 2021, no. 2(157).
6. Mikhailov V.M. *Rizhskoe Krasnoznamennoe (Voennaya letopis' Otechestva)* [Riga Red Banner (Military Chronicle of the Fatherland)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2016, Aug. 6. Available at: <http://history.milportal.ru/rizhskoe-krasnoznamennoe> (Accessed Data: 2024, Apr. 15).
7. *Mikhailov Viktor Mikhailovich (voenachal'nik)* [Mikhailov Viktor Mikhailovich (military commander)]. Available at: <https://ru.chuvash.org/news/6337.html> (Accessed Data: 2024, Apr. 14).
8. *Mikhailov Viktor Mikhailovich* [Mikhailov Viktor Mikhailovich]. Available at: <https://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=3407> (Accessed Data: 2024, Apr. 15).
9. Pleskach V.P. *28 gvardeiskaya Krasnoznamennaya raketnaya diviziya (g. Kozel'sk)* [28th Guards Red Banner Missile Division (Kozelsk)]. Moscow, 2011, 234 p.
10. Sidorenko A.S., ed. *Rizhskoe vysshee voенно-politicheskoe Krasnoznamennoe uchilishche imeni Marshala Sovetskogo Soyuza S.S. Biryuzova (voенно-istoricheskii trud)* [Riga Higher Military-Political Red Banner School named after Marshal of the Soviet Union S.S. Biryuzov (military-historical work)]. Riga, 1991, 134 p.
11. *Uvazhenie k nashemu zemlyaku, general-maioru Viktoru Mikhailovu ne teryaetsya s godami* [Respect for our countryman, Major General Viktor Mikhailov, does not lose over the years]. Available at: <https://kanash-info.ru/news/uvazhenie-nashemu-zemlyaku-general.html> (Accessed Data: 2024, Apr. 14).
12. *Chuvashskaya Respublika: letopis' stoletiya* [The Chuvash Republic: Chronicle of the Century]. Available at: <https://chuvashia100let.nbchr.ru/100-imen> (Accessed Data: 2024, Apr. 14).

BORIS L. BELYAKOV – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honorary Worker of the Higher Military Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Russia, Moscow (arbit70@mail.ru).

YVACHESLAV M. ILYIN – International Soldier, Combat Veteran, Specialist of the Archival Service, GC "Loco-Tech" JSC "Russian Railways", Russia, Moscow (ivm4232390@mail.ru).

NIKOLAY I. SEMIZOROV – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Honorary Worker of the Higher Military Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces), Branch of the VA RVSН named after Peter the Great, Serpukhov (varvsn-serp@mail.ru; semizorovni@mail.ru).

EVGENY V. SMIRNOV – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Military and Political Work in the troops (forces), VA RVSН named after Peter the Great, Russia, Balashikha (varvsn@mail.ru; negvevs@mail.ru).

ALEXANDER N. TARASENKO – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of the Higher Military Education of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Military and Political Work in the troops (forces), Branch of the VA RVSН named after Peter the Great, Russia, Serpukhov (varvsn-serp@mail.ru; tarasnik@mail.ru).

Формат цитирования: Достоянный сын чувашского народа и его наследие (к 100-летию со дня рождения Виктора Михайловича Михайлова) / Б.Л. Беляков, В.М. Ильин, Н.И. Семизоров и др. // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 96–114.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Исторический поиск» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *анкета авторов;*
- 3) *ходатайство научного руководителя (для авторов статей, не имеющих ученых степеней).*

3. Структура статьи:

- 1) *классификационные индексы УДК и ББК;*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *примечательный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

4. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

5. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

6. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться

ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

7. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

8. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail; ORCID).*

9. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

10. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Аграфонов П.Г.

«Город сей славится кожевенными, мыльными заводами и огородными овощами...»
(основные направления хозяйственной деятельности Ярославля
в иностранных источниках XVII века) 5

Бучко Н.П.

Военная политика белых режимов в решениях Западно-Сибирского комиссариата
Временного Сибирского правительства в годы Гражданской войны в России 21

Николаев Г.А.

К вопросу об асоциальном поведении чувашских крестьян волжской деревни
во второй половине XIX – начале XX века 31

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Архипова Л.М.

Биографический дискурс повседневной армейской службы в конце XIX века
(по письмам подпоручика А.Н. Люпова) 43

Маньков А.В.

К вопросу об истории культуры Среднего Поволжья 1920-х годов: ульяновские газеты
об открытии Дворца Книги имени В.И. Ленина и его первых мероприятиях 55

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ

Загидуллин И.К.

Общественное сознание мусульманских духовных лиц Мензелинского уезда
Уфимской губернии в начале XX века (по материалам прошений 1905 года) 69

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Леонтьев А.П.

Петр Пазухин: педагог, фольклорист, офицер, патриот 82

Беляков Б.Л., Ильин В.М., Семизоров Н.И., Смирнов Е.В., Тарасенко А.Н.

Достойный сын чувашского народа и его наследие
(к 100-летию со дня рождения Виктора Михайловича Михайлова) 96

Правила для авторов 115

CONTENTS

NATIONAL HISTORY: PEOPLE, EVENTS, FACTS

Agrafonov P.G.

«THIS CITY IS FAMOUS FOR TANNERIES, SOAP FACTORIES AND GARDEN VEGETABLES...»
(the main directions of Yaroslavl's economic activity in foreign sources of the XVII century)..... 5

Buchko N.P.

THE MILITARY POLICY OF THE WHITE REGIMES IN THE DECISIONS
OF THE WEST SIBERIAN COMMISSARIAT OF THE PROVISIONAL SIBERIAN GOVERNMENT
DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR 21

Nikolaev G.A.

ON THE ISSUE OF ANTISOCIAL BEHAVIOR OF THE CHUVASH PEASANTS
OF THE VOLGA VILLAGE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY 31

A HISTORIAN'S VIEW: SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY

Arkipova L.M.

BIOGRAPHICAL DISCOURSE OF EVERYDAY ARMY SERVICE AT THE END OF THE XIX CENTURY
(based on letters from lieutenant A.N. Lupov) 43

Mankov A.V.

ON THE ISSUE OF CULTURAL HISTORY OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE 1920s:
ULYANOVSK NEWSPAPERS ABOUT OPENING BOOKS PALACE
NAMED AFTER V.I. LENIN AND ITS FIRST EVENTS 55

ETHNOGRAPHIC REVIEW OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Zagidullin I.K.

PUBLIC CONSCIOUSNESS OF MUSLIM CLERICS OF MENZELINSKY UYEZD OF UFA
GOVERNORATE IN THE EARLY XX CENTURY (based on the materials of petitions dated 1905)..... 69

REFERENCES AND REVIEWS

Leontiev A.P.

PETER PAZUKHIN: TEACHER, FOLKLORIST, OFFICER, PATRIOT 82

Belyakov B.L., Ilyin V.M., Semizorov N.I., Smirnov E.V., Tarasenko A.N.

A WORTHY SON OF THE CHUVASH PEOPLE AND HIS LEGACY
(on the 100th birth anniversary of Viktor Mikhailovich Mikhailov) 96

Rules for authors 115

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОИСК / HISTORICAL SEARCH (16+)

**Том 5 № 3
2024**

Редакторы *Т.В. Пенкина, Г.В. Плотникова, Т.Н. Князева*
Технический редактор *Н.Н. Иванова*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-78843 от 04.08.2020 г.

Подписной индекс в каталоге Почты России «Подписные издания» ПН062

Сдано в набор 01.07.2024. Подписано в печать 23.09.2024. Выход в свет 30.06.2024.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,6. Уч.-изд. л. 11,2.
Тираж 100 экз. Заказ № 1092. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15